

общественно-политический журнал

**ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

**СИБИРСКОЕ
БОГАТСТВО**

№ 6 (248) 2024

ЖУРНАЛ СИБИРСКОЕ БОГАТСТВО

Учредитель и издатель – АНО «Тюменская область сегодня»

Директор И.С.Гимпелевич

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, офис 410
тел. (3452)490018

Главный редактор С.С.Козлов, тел. (3452)399400

Литературный редактор Д.В.Аксарина

Дизайн и вёрстка И.В.Прохоренко, тел. (3452)399400

Выпускающий редактор Т.Д.Новопашина

Корреспондент В.А.Ермакова

Авторы: В.А.Ермакова, С.С.Козлов, Д.В.Аксарина, П.Н.Будинский, А.А.Петрушин, С.Г.Рычкова, И.Тарабаева, А.А.Кондауров, В.Ю.Софронов, Т.И.Солодова, Р.Н.Белоусов

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81,

тел./факс (3452) 490018, e-mail sibbog@mail.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу
10 февраля 2017 года, ПИ № ТУ72-01431

Журнал издаётся при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.

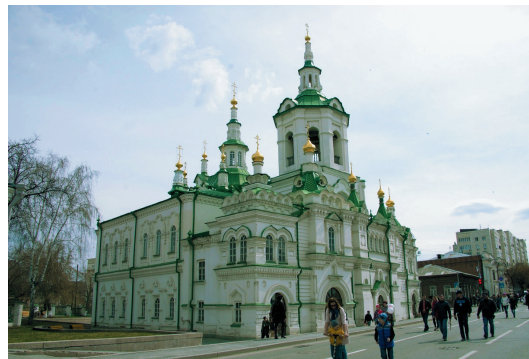
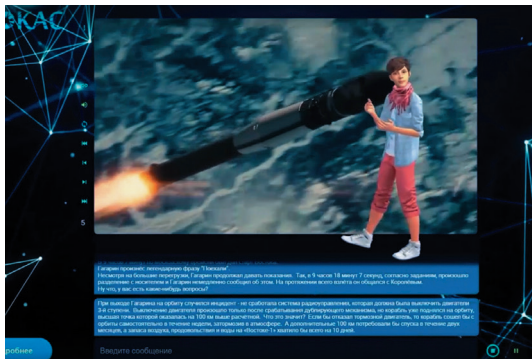
Выходит с 1999 года один раз в два месяца

Журнал отпечатан в типографии АНО «ИИЦ «Красное Знамя», 625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6

Формат 60x90 1/8, бумага мелованная, печать офсетная, усл. печ. л. 10,5

Подписано в печать 05.12.2024 г. Выход в свет 20.12.2024 г. Заказ № 3133. Тираж 500. Свободная цена.

16+

ЦИТАТА НОМЕРА

– Уходящий год, год 80-летия Тюменской области, войдёт в нашу историю как год испытаний. И год гордости. Через одни испытания мы проходим вместе со всей страной, другие – наши собственные. И то, как мы их встречаем, как мы с ними справляемся, вызывает у меня именно это чувство – гордость. Я горжусь и нашим регионом в целом как единым сообществом, как большой семьёй. Горжусь людьми, из которых эта большая семья состоит. Лучших в стране по качеству жизни.

Александр Моор,
губернатор
Тюменской области

ПУЛЬС ОБЩЕСТВА

Рубеж юбилейного года

Колонка редактора

Пушкин в Сибири

Африка – Пушкин – Сибирь

Учитель для ИИ

Делимся интеллектом

Возвращённые имена и герои

К 80-летию Великой Победы

4

8

11

14

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Заселение Сибири и быт первых её насельниковъ

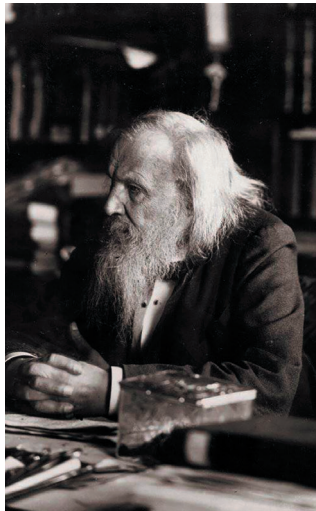
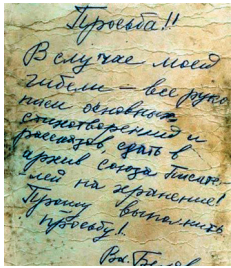
С чего начинается родина

Улицы нашего города

**Но ты мне, улица родная,
И в непогоду дорога.**

18

24

СУТЬ ДЕЛА

Петь, чтобы объединяться **32**

Дыхание фольклора

«Освещать «Фонарём науки» **38**

К юбилею Д.И. Менделеева

Феномен таёжного одиночества **44**

Дневник таёжного охотника, журналиста, писателя

Тоболяк по рождению, художник по призванию **50**

Василий Перов

К 190-летию Василия Перова

УРОКИ ЖИЗНИ

Словцов, опередивший время **54**

К 180-летию И.Я. Словцова

А где-то там... Непрожитая жизнь **60**

Из найденных рукописей поэта Владимира Белова

«Поэзия – опасная игра!»

В режиме многозадачности **64**

Люди, которые делают историю

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Фениксы Золотого Кольца **72**

Открывая Россию заново

По Симеоновым местам **78**

Кружева плетутся рядом

Его ангажемент стал вечным **84**

Памятный разговор

ПУЛЬС ОБЩЕСТВА

Я всегда был уверен, что это главные черты тюменского характера. Но одно дело – знать, совсем другое – увидеть собственными глазами в действии, – сказал Александр Моор в ежегодном послании Тюменской областной Думе

Рубеж юбилейного года

Парадокс – для всей страны 2024 год был сложным, тяжёлым, и в то же время наблюдались развитие экономики и подъём народного духа. Так всегда было в истории России, особенно когда появляется внешняя угроза её существованию и развитию. Таким был этот год для нашей Тюменской области, отмечающей свой 80-летний юбилей. Образованная в 1944 году, как раз тогда, когда Советская Армия наносила знаменитые «десять сталинских ударов», а в августе прорывала «линию Маннергейма», вынудив выйти из войны Финляндию, Тюменская область восемь десятилетий несёт в себе память, исторический заряд Победы. А выпавшие на её долю за это время испытания и трудности только укрепляли её потенциал и сплачивали наше главное сибирское богатство – народ-победитель.

Текст **Сергей КОЗЛОВ**

ВЕСНОЙ 2024 года таким испытанием для региона был паводок, которому люди не позволили стать катастрофой. 8 апреля губернатор Александр Моор подписал постановление «О введении режима чрезвычайной ситуации в Тюменской области». Это был самый большой паводок за всё время региональных наблюдений.

А летом и осенью в пострадавших районах уже шли восстановительные работы... Испытание водой область выдержала с честью и без потерь. Этот абзац не победный панегирик, это дань уважения тем, кто отстоял наши города и селения, а главное – наших людей, в том числе – дань журналистам, которые не просто появлялись в горячих мокрых точках, но, когда требовалось, откладывали в сторону перья, диктофоны и камеры и брались за мешки с песком... Кстати, за бои на этих рубежах губернатор вручил настоящие боевые награды.

– Мы выстояли. Мы защитили наш общий, семейный, родной дом. Решающими стали два фактора. Во-первых, подготовка. Семь лет мы возводили гидротехнические сооружения, рассчитывая их с запасом. В целом система выдержала. Во-вторых, и главных, это люди. Ваш героический труд. Неутомимый, самоотверженный, добровольный. Ваша энергия и изобретательность. Я всегда был уверен, что это главные черты тюменского характера. Но одно дело – знать, совсем другое – увидеть собственными глазами в действии, – сказал Александр Моор в ежегодном послании Тюменской областной Думе.

Достижения всей страны были представлены на Международной выставке-форуме «Россия», которая началась под сводами ВДНХ ещё в ноябре

«Но одно дело – знать, совсем другое – увидеть собственными глазами в действии» (из послания губернатора Тюменской областной Думе)

Фото предоставлено пресс-службой губернатора

2023 года и продолжалась до июля 2024-го. Дни Тюменской области были открыты губернатором 24 ноября 2023 года. Посетителям выставки «Россия» был представлен туристический маршрут «В Сибирь по своей воле», который позволяет посетить Тюменскую область в режиме выходного дня. Кстати, большую роль в привлечении туристов в первый русский город Сибири Тюмень и духовную столицу Тобольск сыграли съёмки художественных фильмов «Тобол» и начавшиеся весной этого года съёмки сериала «Романовы: преданность и предательство». Своё место на туристической карте занимает «Императорский маршрут». Продолжая разговор о культуре, отметим, что на концертных площадках ВДНХ выступили многие и многие тюменские артисты и музыканты. Посетители приняли участие в создании двухметровой картины тюменского художника-филумениста Игоря Рязанцева «Не-

победимая Россия». В рамках деловой программы Дня Тюменской области на выставке «Россия» наши предприниматели представили инновационные разработки – сервис по созданию электронных меню, образовательную систему, экологичные средства для контроля качества стальных изделий. Гости международной выставки-форума «Россия» смогли попробовать блюда исторической сибирской кухни, увидеть деревянную резьбу, которая заинтересовала и президента России. Президент посетил нашу выставку 17 декабря. «Человек, который изменил всё» – такими словами приветствовал Владимира Путина экран стенда области. Это слова губернатора о президенте России. Александра Моора в этот день на выставке не было, но его слова о руководителе страны звучали и читались. Есть американский фильм с таким названием, там речь идёт о математическом расчёте успеха бейсбольной команды. А в нашем случае – об успехе страны, которая, как уже не раз было в нашей истории, поверила в себя, когда всему миру казалось, что она должна исчезнуть... Думается, что о роли личности в истории России ещё напишут не одну главу. Владимир Путин особое внимание на нашем сегменте выставки уделил интерактиву компании СИБУР и термальным источникам.

В качестве сувениров и гостинцев гости приобретали баночки с вареньем семейной компании «Жили-были», мороженое Visit Tyumen, иван-чай от агрофирмы «Русич», геотермальную воду, тюменские ковры и произведения тобольских косторезов. И тут мы можем смело сказать: не нефтью единой...

Огромную роль в экономике региона играет агропромышленный комплекс. Губернатор называет сельское хозяйство ключевой отраслью. И это тот случай, когда сибирский регион не только кормит сам себя, но и поставляет сельскохозяйственную продукцию соседям и за рубеж. По сути, мы вернулись к богатейшим традициям Сибири, известным историкам по началу XX века. Наши зерновые сегодня закупает Нигерия, Бразилия, Республика Корея, растут поставки тюменской продукции в Китай. А вообще продукция АПК Тюменской обла-

сти поставляется в 25 стран. Именно такую цифру назвал Александр Моор на торжественном мероприятии празднования Дня работников сельского хозяйства и пищевой промышленности. Отмечу, что экспорт сельхозпродуктов в целом из страны стал такой же строкой доходов, как экспорт нефти и газа. Наш регион занимает второе место в стране по привлечению новых стран в этот торговый экспортный оборот. Тюменская область производит продукции сельского хозяйства на душу населения больше, чем в среднем по России, т.е. она конкурентоспособна с регионами традиционного земледелия. Губернатор отметил, что несмотря на все сложные климатические условия и рекордный паводок, работники сельского хозяйства собрали почти 1,7 миллиона тонн зерна, сбор картофеля и других овощей продолжает год от года расти. Особое место в Тюменском АПК занимает рыбное хозяйство. Мы разводим ценные сорта различных пород рыб, и там с демографией всё в порядке. Кстати, всякий покупатель может увидеть этих рыб живём в аквариумах супермаркетов. Область занимает первое место в УрФО по урожайности зерновых и зернобобовых культур, а также картофеля и овощей открытого грунта, производству молока, яиц, мяса и объёму выращенной рыбы. Итоги этого года мы узнаем в январе, но уже сейчас видна тенденция стабильного роста и проведённая работа по реконструкции сельскохозяйственных предприятий.

Макушка лета примечательна полюбившимся землякам и гостям области фестивалем «Лето в Тобольском Кремле». Он открылся 6 июля большим концертом «Ключ к Сибири», в котором приняли участие Тюменский филармонический оркестр (художественный руководитель и главный дирижёр – Юрий Медяник), Хоровая капелла Тюменской филармонии (художественный руководитель – заслуженный артист РФ Альберт Мишин), хор Тобольской Духовной семинарии (регент – священник Максим Ильиных) а также известные актёры Сергей Бурунов, Сергей Шакуров, Александр Ребенюк, известные оперные певцы Вероника Джиоева, Альбина Шагимурагова, Николай Землянских, Иван Гынгазов, Сергей Севастьянов, певица и актриса Софья Онопченко, пианист Иван Бессонов. Кстати, в этом году одной из площадок фестиваля был избран «Сад Ермака», где был показан огненный шоу-спектакль «Сибирь. Начало»... На своей ленте ВК директор департамента культуры Елена Майер (ныне заместитель губернатора ХМАО-Югры) так оценила работу фестиваля:

– Подводя некоторые итоги, хочется сказать, что всё удалось! Воплотить самые блестящие идеи нам позволило звёздное сочетание театрального и академического искусства. Алябьевский «Соловей», Ершовский «Конёк», песни и арии из русских опер «Князь Игорь» и «Жизнь за царя», прозвучавшие в праздничном концерте «Ключ к Сибири», стали ДНК нашего юбилейного фестиваля. На языке музыки мы смогли рассказать зрителю о вехах истории освоения Сибири и становления Тобольска, воспом-

Владимир Путин на Тюменской выставке «В Сибирь по своей воле»

Фото предоставлено пресс-службой губернатора

нить судьбы декабристов и времена пребывания здесь царской семьи Николая II.

Впрочем, главным показателем является ежегодный рост числа зрителей, который уже перевалил за четыре десятка тысяч. Буквально за несколько дней до этого в Тобольске завершился этап съёмок художественного фильма для Первого канала «Романовы: преданность и предательство». Кстати, печально известный дом Ипатьева (снесённый в Свердловске в 1977 г. по приказу Ельцина) восстановили мастера тобольской компании «Зодчий». Десятки тоболяков и тюменцев выступили актёрами массовых сцен и с нетерпением ждут своего появления на экранах страны.

Разумеется, массовыми торжествами в столице региона и муниципалитетах – говоря по-русски, в районах и сёлах – отметили 80-летие нашего края. Серию праздничных событий, посвящённых 80-летию Тюменской области, открыл губернатор Тюменской области Александр Моор на Красной площади Тобольска во время торжественного мероприятия в честь 50-летия тобольской нефтехимии. А в день области прошла большая пресс-конференция главы региона для представителей СМИ, приехавших не только из субъектов «матрёшки», но и других регионов страны. Особое внимание земляков и туристов привлёк Гастрономический фестиваль «Сибирь на вкус». Театры области отметили юбилей тематическими постановками и поездками в северные города со своими спектаклями.

Почётными гражданами Тюменской области в юбилейном году стали Митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий и общественный деятель Дмитрий Конов. Напомню, что в будущем году область будет отмечать 35-летие возрождения Тобольско-Тюменской епархии.

Позволю себе аналогию: юбилей области начался с пресс-конференции губернатора, которая осенью продолжилась куда более сложным мероприятием – Прямой линией. 22 октября Александр Моор ответил на вопросы жителей и журналистов в прямом эфире с сурдопереводом. Более 1600 вопросов, почти 300 000 человек смотрели в официальных

**Зам губернатора
Андрей
Пантелеев,
режиссёр
Василий
Чигинский,
представитель
СИБУРа
Елена Бельская.
Открытие съёмок**

Фото предоставлены
продюсерской компанией
«СОЛИВС»

аккаунтах губернатора. И тут нельзя не отметить чёткую работу организаторов линии. Разумеется, за два с половиной часа ответить на все вопросы невозможно, но прямой разговор главы региона с жителями – это просто необходимость и требование времени, на такой разговор решится не каждый. А поступившие вопросы будут рассмотрены в любом случае...

3 октября новым полномочным представителем Президента в Уральском Федеральном округе стал легендарный Артем Жога. И уже с 18 октября он работал вместе с Александром Моором на территории Тюменской области. В народе шутят, что у многих начальников теперь будет изжога, потому что как Артём Владимирович – человек с боевым опытом и твёрдыми убеждениями, лишёнными либеральной размытости, присущими тыловым чиновникам. А пока что новый полпред отметил, что Тюменская область – один из самых развитых субъектов не только УрФО, но и всей России.

Среди общественных мероприятий, прошедших осенью, следует отметить межрегиональный форум «Моя семья – моя крепость», посвящённый самому насущному вопросу страны – демографии. Его организаторами выступили Совет надёжных отцов Тюменской области и общественная организация многодетных успешных мам «Юнона».

– В минувшем году на свет появилось 17 195 детей. Система здравоохранения делает всё, чтобы обеспечить рождение здорового ребенка, – сообщил губернатор Александр Моор в отчёте правительства ещё в конце мая. Сюда же следует добавить, что за счёт средств областного бюджета дети до 3 лет пользуются правом на получение лекарственных препаратов по рецептам врача бесплатно вне зависимости от дохода семьи. Тем не менее демографическая проблема становится ключевой для российского государства.

НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЕ – ЭТО ОСНОВНОЙ СМЫСЛ СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Думается, что эта проблема в ближайшей перспективе станет ведущей, хотя руководство области в данном направлении делает всё возможное. Но здесь ситуация в большей мере зависит от каждого человека, и в первую очередь – воспитания. Требуется перестройка системы просвещения с «выращивания успешных потребителей» на воспитание ответственных созидателей, для которых Родина, любовь и семья будут важнее, чем всё остальное.

8 ноября в Тюменской областной библиотеке им. Д.И.Менделеева были подведены итоги, и состоялось награждение лауреатов конкурса «Книга Года 2024». Яркое издание собрания сочинений – трёхтомника ненецкого русского поэта Юрия Вэллы – стало главным событием, кроме того, он занял первое место в номинации прозы. В номинации поэзия жюри предпочли отметить первым местом новый мемориальный сборник Александра Гришина «Пока мы живы, можно оглянуться». В номинации «Лучшая документальная

книга» «Менделеевы: хроника семьи» (Тюменское музейно-просветительское объединение; Москва: Наука). Лучшей научной книгой года признан замечательный труд тюменских историков «Доминанты военно-морской политики кайзеровской Германии в отношении Великобритании и России в 1906–1914 гг.»: (монография / С.Н.Синегубов, С.П.Шилов; Тюменский государственный университет); В номинации «Лучшая книга о родном крае» жюри выбрало литературно-краеведческий альманах «ЛИК» № 1 (13). Живое наследие памяти: история купеческих фамилий Тюменского края. В самой сложной для работы жюри номинации «Лучшая книга для детей и юношества» победителями стали книга Елены Аксёновой «Сосновая крепость». В ещё одной сложной номинации «Лучшая учебная книга» отмечены «Атлас грибных болезней культурных злаков в Тюменской области».

Я позволил себе пространный эпизод с перечислением победителей «Книги года» только потому, что о книгах сегодня говорят всё меньше, а говорить и читать надо всё больше. В Тюменской области при правительстве работает Совет по книгоизданию, огромную помощь в издании книг оказывают депутаты Тюменской областной Думы, но вся страна ждёт, когда в эту стратегическую сферу воспитания и духовной жизни со своей весомой долей вернётся государство.

Кстати, и о дорогах! Тюменские дороги хвалят. И совсем недавно Тюменская область награждена дипломом за высокие показатели качества реализации национального проекта «Безопасные качественные дороги».

В ежегодном послании к Тюменской областной Думе губернатор Александр Моор сказал:

– Уходящий год, год 80-летия Тюменской области, войдёт в нашу историю как год испытаний. И год гордости. Через одни испытания мы проходим вместе со всей страной, другие – наши собственные.

И то, как мы их встречаем, как мы с ними справляемся, вызывает у меня именно это чувство – гордость. Я горжусь и нашим регионом в целом как единым сообществом, как большой семьёй. Горжусь людьми, из которых эта большая семья состоит.

Я испытываю гордость за то, как тюменцы дружно, как в большой семье, поддержали на выборах Президента России нашего национального лидера – человека, который изменил всё.

Многое делается для поддержки наших бойцов в зоне СВО и семей военнослужащих здесь в тылу. Осуществляет это область совместно с фондом «Защитники Отечества». И вообще в обращении губернатор немалую часть доклада уделил семье, семейным ценностям, поддержке многодетных семей, и многие тезисы, имена зал сопровождал бурными аплодисментами.

Александр Моор отметил, что задачи 2024 года Тюменская область в основном выполнила. Продолжает расти внутренний валовой продукт, особенно обрабатывающее производство и сельское хозяйство, растёт доля малого и среднего бизнеса в эконо-

мике, число самозанятых. В условиях небывалого внешнего давления и экономических санкций мы можем опираться только на внутренние ресурсы, инициативных людей. Средняя заработная плата в регионе по итогам 2024 года в реальном выражении с учетом инфляции выросла на 9%. Инвестиции в экономику составят почти 400 миллиардов рублей. Об этом говорил губернатор, но он же отметил, что испытания ещё не закончились, скорее, наоборот. При этом Александр Моор справедливо считает, что самой эффективной стратегией во время испытаний является консервативная. При этом область сохранила третье место в рейтинге инвестиционного климата, по данным агентства стратегических инициатив.

Ждём открытия главного корпуса Тюменского государственного университета. А ещё у нас буквально процветает физико-математическая школа, высоко ценится научный потенциал области... Александр Моор заявил об упоре на развитие креативных индустрий, где регион занимает лидирующее положение. «Губернатор главный продюсер креативных индустрий», так заявили предприниматели. А сам губернатор отметил, что, к примеру, тюменский ковёр, которому исполняется 300 лет, является одним из наших креативных образцов.

И в заключение губернатор предложил объявить 2025 год годом Героев в Тюменской области. Год 80-летия Великой Победы. Год памяти и, как уж у нас в стране повелось, очередной год великих свершений.

А пока мы только ждём, каким станет для области, страны, мира 2025 год. И всё говорит о том, что во многом он будет решающим, переломным. Ну что ж, и России, и области – это не впервой. А вот мир... Впрочем, посмотрим.

А мы будем двигаться вперёд. «Только вперёд», – сказал Александр Моор в заключение своего послания.

А я добавлю от себя: вперёд, но не забывая оглядываться назад – на наше великое и драматичное прошлое. На главную точку опоры – историю России, литературу и научную мысль.

Лауреаты литературной премии имени святителя Филофея – Наталья Корсак, Вячеслав Софронов, Олеся Николаева с награждающими – митрополитом Тобольским и Тюменским Димитрием и директором областного Департамента образования и науки Вероникой Ефремовой

Фото Сергей Кулинов

Пушкин в Сибири

В Тюменском государственном университете на международном уровне была предпринята попытка изучить, осмыслить вместе – искусство, вдохновлённое природой, и науку о природе. И над всем этим междисциплинарным подходом, который может показаться невероятным, – имена Александра Сергеевича Пушкина и его легендарного деда Абрама Петровича Ганнибала.

Текст и фото **Дарья АКСАРИНА**

В 2024 году вся страна с радостью и благодарностью отмечала 225-летие одного из самых гениальных писателей мира – Александра Сергеевича Пушкина. Но в Тюмени эти мероприятия продолжились осенью, потому что в следующем году исполняется 295 лет службы деда Пушкина - Абрама Петровича Ганнибала - в Тобольском гарнизоне. С 17 по 19 октября прошло одно из самых необычных по своему содержанию «пушкинских» мероприятий – Международный российско-эритрейский симпозиум «А.С.Пушкин и А.П.Ганнибал: от возделывания сада к воспитанию души». Соорганизаторами Симпозиума выступили Посольство Эритреи в Москве, Институт социально-гуманитарных наук ТюмГУ, Тобольский педагогический институт им.

Д.И.Менделеева (филиал ТюмГУ) и Центр стратегического развития «Сибирь» в Тюмени. Участие в Симпозиуме приняли российские исследователи из Тюмени, Москвы, Санкт-Петербурга и Пскова. Также среди участников Симпозиума были докладчики из дружественных России Эритреи и Китая. Местом проведения Симпозиума выбрали Тюмень.

На выбор столь необычной тематики Симпозиума организаторов вдохновила биография прадеда Александра Сергеевича Пушкина. Великолепный инженер Абрам Ганнибал кроме фортификаций и каналов подарил второму отечеству ещё и основную овощную культуру – картофель. В своём семейном поместье «Суйда» Абрам Петрович обустроил первые в России картофельные посадки. Лелеемые поля заморского (а теперь совершенно обрусевшего) корнеплода всё росли, стали забираться на участки помещиков-сосе-

дей... А где-то - и по указу Петра Великого. И так до тех пор, пока наконец для русского человека не стало овоща привычнее и роднее картофеля. Говоря проще – картофель обрусел настолько, что стал символом русской кухни.

Цель Симпозиума определили соответствующую – междисциплинарное изучение творчества А.С.Пушкина и русской литературы XIX–XX веков. Список дисциплин может сначала сильно удивить: литературоведение и лингвистику, философию и педагогику неожиданно дополнили агрономией и экологией. И что удивительно - природоведческие дисциплины прижились в кругу дисциплин человековедческих. Даже привычные в литературе образы флоры и фауны раскрылись для участников симпозиума с новой стороны, став не просто элементом эстетики, а частью мировой и национальной культуры, обретая новую образность и глубокий философский смысл.

Чтобы сделать творчество Александра Сергеевича Пушкина более доступным для мировой культуры, всё так же трудятся упорные переводчики. И о том, как они трудятся и что становится результатом их кропотливой работы, на Симпозиуме тоже говорили – и немало. Особенно много обсуждали переводы произведений русского гения на французский и китайский языки.

Большое внимание было уделено преподаванию творчества Пушкина в школе, обучению и воспитанию посредством творчества гения. Гуманизму Пушкина никак не противоречит вспыльчивость и «дуэльная биография» Александра Сергеевича. Поэт на дуэли приходил в завидном спокойствии и либо не стрелял, либо стрелял в воздух. Не от неумения, ибо Александр Сергеевич был великолепным стрелком и чтобы не терять хватки, регулярно упражнялся с верным «оружьем». Пушкин имел душу по-детски впечатлительную, будучи при этом мудрым и незлопамятным человеком.

В первый день Симпозиума, 17 октября, была организована работа двух круглых столов. Один был посвящён памяти выдающегося филолога XX века, поэта и переводчика Сергея Сергеевича Аверинцева, другой – африканскому дискурсу в русской культуре.

Торжественное заседание и закрытие Симпозиума символично пришлось на 19 октября – День Царскосельского лицея. Вход на последнее торжественное заседание Симпозиума был свободным. Участников и слушателей поприветствовал Первый проректор ТюмГУ Андрей Викторович Толстиков. Правда, дистанционно – обстоятельства не позволили ему присутствовать лично: от родного университета проректор оказался отрезан закрытым для полётов иранским небом. В своей речи Андрей Викторович отметил тесную связь эритрейского и российского народов и назвал их

Первый проректор Тюменского государственного университета Андрей Викторович Толстиков
vk.com

«возможно, самыми дружественными народами». Его Превосходительство Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Эритрея в России Петрос Цегтай Асгедом в своей приветственной речи поддержал проректора: «Сотрудничество между РФ и Эритреей важно развивать, как Вы верно заметили, и одним из важных объединяющих звеньев является Пушкин». А приглашённый на Симпозиум Филипп Борисович Ганнибал поделился с собравшимися историей происхождения фамилии Ганнибал и её наследования в России. Удивительное совпадение: Филипп Борисович, как и его известный предок, - агроном, он директор Всероссийского научно-исследовательского института защиты растений, кандидат биологических наук и профессор Тюменского государственного университета.

Проректор Тюменского государственного университета по международным связям Екатерина Григорьевна Сеченова рассказала об установлении сотрудничества между Тюменским государственным университетом и столичными вузами Эритреи – Национальным институтом высшего образования и исследований (NHERI) и Научным колледжем Майнефи (MCS). Тюменский университет примет новых студентов-эритрейцев. Первый эритрейский аспирант Института экологической и сельскохозяйственной биологии ТюмГУ – Ангесом Абрахам Гебремескел тоже присутствовал на Симпозиуме.

За экспертной оценкой мероприятия я обратилась к Александру Александровичу Медведеву – заведующему кафедрой языкознания Института социально-гуманитарных наук ТюмГУ, кандидату филологических наук, доценту, заместителю председателя оргкомитета и модератору Симпозиума.

– Какие у вас исследования были ожидания от Симпозиума, оправдались ли они? Удалось ли добиться заявленной междисциплинарности? Всё-таки сочетание дисциплин было весьма необычным: литературоведение, педагогика, философия соседствовали с агрономией и экологией. Насколько такое сочетание, по вашему мнению, оказалось удачным, получилось ли создать эту исследовательскую синергию?

– Прежде всего я ожидал новых, междисциплинарных подходов в изучении творчества Пушкина и русских писателей. «Агрономический» ракурс – через пушкинского предка – позволил сменить традиционную оптику на Пушкина и русскую литературу в целом. Мне кажется, что это в большой степени нам удалось. Особенно это проявилось в докладах А.А.Кузнецовой (член Союза художников, Москва) «Пушкин и Шатобриан: интеграция в природу»; Е.В.Новокрещенных (ТюмГУ) «Hortus conclusus: образ сада в поэтике восточноевропейского барокко»; Е.Ю.Кнорре (ИМЛИ РАН,

Заведующий кафедрой языкознания и литературоведения ТюмГУ Александр Александрович Медведев
vk.com

Москва) «Поверил я алгеброй гармонию»: утилитарное и сакральное в экофилософии Г.Торо, М.Пришвина и Т.Горичевой»; А.В.Анищенко (Библиотека № 4 имени М.М.Пришвина, Тюмень) «Современные практики экологического просвещения при популяризации творчества Михаила Пришвина»; Т.А.Османкиной (ТюмГУ) «Метаморфоза “человек-животное” в романе Ф.Сологуба “Мелкий бес”»; А.И.Яковлевой (ТюмГУ) «Орнитологические и энтомологические образы в творчестве А.С.Пушкина в контексте культурной традиции школ». Очень продуктивным получился доклад К.С.Расказовой (ТюмГУ) «Между урбанистикой и мифопоэтикой: локус улицы в произведениях А.П.Чехова», в котором мы видим синергию литературоведения и современной урбанистики.

Совершенно по-новому нам открылся Пушкин в докладах А.О.Дроздовой (ТюмГУ) «Пушкинско-шекспировская родословная в биографии Абрама Ганнибала в “Лолите” В.Набокова»; Е.А.Чертенко (ТюмГУ) «Поэтика экфрасиса в “пушкинском тексте” Б.Зайцева»; И.В.Мотеюнайте (Псковский госуниверситет) «Евгений Онегин” на языке новых медиа»; Т.И.Ковальковой (редактор портала «Русская Культура» (russculture.ru), С.-Петербург) «“О вечном самовластье на земле / От коего поэту нет защиты...” Последний путь поэтов в храме Нерукотворного образа: Пушкин и Охупкин».

Мне кажется, что очень значим был и социокультурный разворот в изучении культурообразующей роли Пушкина в школе, представленный в докладах Л.Н.Русаковой (МАОУ СОШ № 70, Тюмень) «Культурообразующая роль Пушкина в современной школе»; Н.А.Аксариной (ТюмГУ) «Пушкинский текст как средство развития языкового эстетического вкуса обучающихся (на примере “Путешествия в Арзрум”»); Е.Н.Володиной (ТОГИРРО, Тюмень) «Пушкин и я: на путях к Гению»; Е.Г.Медведевой (ТОГИРРО, Тюмень) «Лингвистический анализ эпизодов из произведений А.С.Пушкина на уроках русского языка в 5–9 классах»; С.С.Велимирович (гимназия № 12, Тюмень) «Мир пушкинских героев сквозь призму обществоведческого знания».

Важнейшим аспектом изучения Пушкина на Симпозиуме стала проблема перевода его художественных текстов на французский и китайский языки, что также является актуальным. По этой теме прозвучали доклады О.В.Трофимовой (ТюмГУ), Тун Цзин (Цзилинский государственный университет, КНР) «Цепочки номинаций персонажа в повести А.С.Пушкина “Капитанская дочка” и её переводах на китайский язык»; Я.П.Полухиной (ТюмГУ), Ю.С.Фитиной (Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень), Лю Чжен (КНР) «О переводах стихотворений А.С.Пушкина “Пророк” и Ф.И. Тютчева “Безумие” на китайский язык» и доклад М.Г.Чекуновой (школа французского языка «Maison FRANCE», С.-Петербург) «Стихо-

творения А.С.Пушкина в переводах современных французских авторов».

– Удалось охватить весь круг дисциплин, направлений? Ожидать ли продолжения? Кажется, что общая тематика Симпозиума достаточно широка, и, при всей содержательности уже представленных докладов, ещё остаётся то, что можно обсудить.

– Думаю, что первый опыт удался, и мы можем развивать его дальше, делая акцент на тех или иных направлениях. Мне больше нравятся конференции не с широкой охвата, а с углублённостью в более конкретную проблематику.

– Конечно, хочется спросить и о сотрудничестве российских исследователей с зарубежными коллегами. Часто ли к нам заглядывают эритрейские коллеги?

– Благодаря Симпозиуму у нас завязались контакты с Послом Государства Эритреи в России Петросом Цеггаем Асгедомом, с директором Всероссийского научно-исследовательского института защиты растений и профессором ТюмГУ Филиппом Борисовичем Ганнибалом (С.-Петербург, г. Пушкин), с эритрейским аспирантом ТюмГУ Ангесомом Абрахамом Гебремескелом. Эти связи мы планируем развивать и дальше.

В период объявленной США и Западом изоляции России подобные форумы продолжают развивать идею и пространство многополярного мира. И культура является не менее важным фактором сотрудничества, чем экономика или оборонные союзы. «Пушкин – наше всё!» не только для нас. Пушкин для всего мира. А междисциплинарный подход к изучению творчества классиков литературы, исследовательский синкретизм оказались оправданными – открыли новые возможности для локальной и глобальной науки и педагогики.

Напомним также, что в Тюменском государственном университете проходят подобные конференции и симпозиумы совместно с университетами Сербии и Республики Сербской (Босния и Герцеговина). А сотрудничество студентов закладывает основы сотрудничества стран в будущем.

Торжественное заседание в последний день Симпозиума
vk.com

Делимся интеллектом

Учитель для ИИ

Искусственный интеллект заполняет собой не только виртуальное пространство, но и быт, и даже начинает претендовать на творчество. Но для того, чтобы он стал достойным помощником человека, этот «мозг» тоже надо «выучить». В компании «ОКАС» над искусственным интеллектом кроме программистов трудятся психологи и филологи. Об обучении и воспитании ИИ мне рассказала учитель русского языка для искусственного интеллекта Лариса Сергеевна Ковеня.

Тестирование разрабатываемой системы представителями заказчика в сопровождении дата-инженеров

vk.com

Текст и фото **Дарья АКСАРИНА**

Моя собеседница Лариса Сергеевна Ковеня – сотрудница компании «ОКАС» (Объединение когнитивных ассоциативных систем), работающей в сфере нейросетевых технологий и искусственного интеллекта. Сразу стоит сказать, что Лариса Сергеевна не программист, а филолог – она учит ИИ естественному языку, то есть нашему, человеческому.

– Лариса Сергеевна, как так получилось, что вы с классическим филологическим образованием попали в ряды «учителей» ИИ?

– Что ж, ответ на этот вопрос не так «эпичен», как мог бы быть. Начну с того, что родом я из Казахстана и в Россию приехала ради того, чтобы учиться именно классической русской филологии, потому что всю жизнь хотела быть учителем русского языка и литературы. В 5 классе нас, школьников, как заведено, стали аккуратно извлекать из-под крылышка классного руководителя и знакомить с другими преподавателями. Тогда я и встретила со своим первым педагогом-словесником. Меня, 11-летнюю девочку, так восхитила новая учительница, что я действительно искренне захотела быть похожей на неё – и тоже учить детей (причем именно русской словесности)! Так всем дома с порога и заявляла, – улыбается Лариса Сергеевна. – Вот и начался мой тернистый путь в филологию.

А как оказалась в «ОКАС»? Был конец июля, моя бывшая однокурсница обратилась ко мне со смелым, с учётом моей категоричности, предложением: «Ларис, а не хочешь пару месяцев поработать с нами в IT-компани?» Я теперь каждый день про себя её цитирую, ведь помимо предложения поработать было обещание, сподвигнувшее меня согласиться. Меня убеждали: «Будет прикольно!». Тогда я рассудила наивно: «Ну, раз так, то пойду». Беда в том, что

«прикольно» было первые два года, пока меня не поставили руководителем проекта. На этом обещанное веселье практически закончилось – забот прибавилось. Но мы с одноклассницей всё ещё коллеги и всё ещё в «ОКАС». И я всё ещё подтруниваю над ней и её оптимистичным обещанием.

– Припомнили всё-таки?

– Немного. Но я это всё к чему – профильного образования у меня нет, я не программист. И, конечно, никогда бы не подумала, что моя работа будет хоть как-то связана с искусственным интеллектом. Тем более что к информатике я никогда тёплых чувств не испытывала, а уроки по ней в школе просто терпеть не могла. Причина неоригинальна: я плохо её понимала, да и терпения на возню с программами хватало едва. Мне всегда казалось, что я и технологии категорически несовместимы... Но вот ты сидишь среди программистов и вдруг осознаёшь, что процентов девяносто их речи тебе уже понятны. Хотя ждать от меня эрудиции программиста всё же не стоит.

– На самом деле она и не требуется. Хотелось бы узнать об ИИ у вас как у работающего с ним филолога. А раз вы всегда видели себя педагогом, становится ещё интереснее! Вы ведь теперь «тренируете» и «воспитываете» искусственный интеллект. А вдруг в дальнейшем обученный вами ИИ будет помогать ребятам осваивать новые знания? Как ни посмотри, а учителем вы всё-таки стали.

– А ведь мы и правда работаем над такими ИИ. Даже один из моих проектов имеет подобную ориентировку.

Программа обучения для ИИ

– А как вообще учится ИИ?

– В первую очередь создаётся большая языковая модель – лингвистическая нейросеть. Таким сеточкам скармливают множество текстов, причём самых разных по стилю и содержанию: научпоп и научные труды, художественную

прозу, публицистику... Это называется машинным чтением. Такая начитанная сеточка, большая языковая модель, она может имитировать даже человеческую речь.

Подобный искусственный интеллект используется для самых разных задач. Но ему нужна грамотная инструкция – промт (англ. prompt). И написание таких инструкций – одна из главных задач «ОКАС».

Кроме всезнающих больших языковых моделей есть и малые. Их возможности куда скромнее, но для простейших операций их умений достаточно. К тому же они более точные.

Для корректной работы ИИ нужен датасет – набор маркеров, на который ориентируется языковая модель. Для каждого маркера подбирается необходимое количество формулировок, которые может выбрать пользователь, чтобы спросить о маркере. Например, если мы собираем датасет для кондитерской фабрики, нам понадобятся две простые сеточки, выполняющие каждая свою задачу. Одна сеть будет искать подходящее действие: «купить», «испечь», «есть» (в наличии) и подобное, а другая - предмет: «плюшка», «пончик», «булочка»... Так на основе определённого датасета ИИ формулирует и обрабатывает запрос пользователя, который хочет «испечь пончик» или «купить булочку».

– Понятно! И с булочками пример хороший, вкусный.

– Пожалуй. Такой тёплый, осенний.

«Прогноз на будущее»

– К слову, большие языковые модели умеют распознавать контекст. Даже юмор, который поначалу им не давался, научились понимать. Хотя и не всегда. А вот иронию искусственный интеллект пока не улавливает, как и не видит интертекст (на всякий случай: интертекстом называют имеющиеся в тексте любые отсылки к какому-либо другому тексту – к образам, мотивам, цитатам и т.д.). С большими языковыми моделями я работаю уже около семи месяцев. Представляете впечатление от работы, например, с универсальным помощником, после того как обучал маленькую сеточку, которая даже «да» или «нет» не всегда понимает? Первое время было даже тревожно от эрудиции ИИ. «Не поработит ли человечество искусственный интеллект?» – крутилось порой в голове. Но вскоре тревоги и подозрения рассеялись.

– То есть человечество вне опасности? Точно?

– Совершенно точно! Работа больших языковых моделей ограничивается промтом. Да и странно ждать гениального и зловещего плана по свержению людей от ИИ, который не получается убедить не ругаться и не ставить смайлики...

– Не сильно отличается от естественного интеллекта (смеёмся вместе). Но, честно, не

Основатель и генеральный директор компании «ОКАС» Вадим Анатольевич Филиппов

vk.com

Фрагмент видеурока ко Дню космонавтики, проведённого интеллектуальным агентом-аватаром. (Учителя) разработали ребята из компании

vk.com

подумала б, что такие педагогические проблемы могут возникнуть с ИИ.

– Знаете, заметила за собой, что подопечный искусственный интеллект я часто воспринимаю как ребёнка. Особенно если в его основе большая языковая модель.

Научить учёного

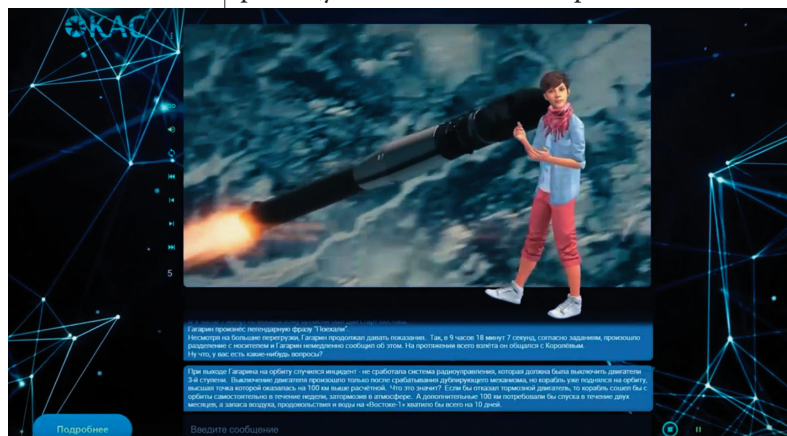
– Знаю, что в «ОКАС» контингент специалистов весьма разнообразен: кроме производственного костяка из программистов в компании трудятся и психологи, и филологи. Как с искусственным интеллектом работает филолог?

– Ошибочно считается, что весь искусственный интеллект создаётся исключительно «технарями». Может, кого-то удивлю, но это не так. Работы предостаточно, и далеко не вся сводится к написанию кода. У каждого сотрудника своя задача. Я, например, не работаю с кодом. Ошибки распознаю, понимаю общий принцип работы системы и отдельно нейросетей, классификаторов. Но это пришло с опытом. Я работаю с естественным языком.

У нас была ситуация, когда мне действительно для того, чтобы различить семантику некоторых маркеров и объяснить эти различия дата-инженерам, пришлось вылавливать семы (и ещё на всякий случай: семы в лингвистике называют мельчайшие единицы смысла – а их в одном слове может быть несколько десятков!). Нам необходимо было разобраться, как соотнести формулировки с конкретными маркерами. Мне кажется, человек без филологического образования попросту не поймёт, что нужно делать в такой ситуации. Хотя семы можно отыскать интуитивно, при наличии хорошего языкового чутья.

– Но и для «языкового чутья» нужна немаленькая база: начитанность посуровой и лексикон побогаче. А семантика – наука сложная. Даже во всей Тюменской области именно лингвистов-семасиологов мало.

– Так и понимаешь, что в работе с большими системами филологическое образование – хорошее подспорье. Важно ведь ещё и объяснить разницу в значении слов, выражений коллегам-

программистам. От того, поймут ли они, будет зависеть, поймёт ли искусственный интеллект.

Взрослея бок о бок с ИИ

– У нас есть детская группа, которая тоже привлекается для работы над разными проектами.

– А можете рассказать поподробнее про ребят: как именно они работают, чем занимаются? Неожиданно, что к разработке ИИ можно привлечь даже ребёнка.

– Дети у нас трудятся и как тестировщики, и как создатели. У ребят есть даже один собственный проект, над которым они самостоятельно работают. Многие из наших «молодых специалистов» в итоге вырастают в программистов, дата-инженеров, тестировщиков... Самому младшему нашему сотруднику сейчас девять лет. А есть у нас парнишка, которому девятнадцать лет, – и он уже инженер-программист первой категории!

Иногда лингвистам нужна помощь ребят. Когда собираешь для нейросети «лексикон», стараешься, чтобы он был богатым, вариативным. У пользователя множество способов задать ИИ один и тот же вопрос. В пределах классического русского литературного языка проблем у ИИ не возникает, но с жаргонизмами или узкой терминологией дела обстоят сложнее. И вот тут нередко выручает эрудиция ребят – зачастую пользователей того загадочного языка, который мне, например, малопонятен. Искусственный интеллект, несмотря на универсальность тех знаний, что он имеет, должен быть универсален ещё и в способах восприятия.

– То есть ИИ должен быть адаптирован к обществу, а его лексический диапазон, соответственно, должен быть шире литературного стандарта?

– По сути так. А чтобы узнать, поймёт тебя ИИ или нет, тебе нужно при его тестировании, как я обычно объясняю детям, «примерить разные социальные маски». Создавая систему, нужно понимать, что пользоваться ей будешь не только ты, а люди с совершенно разными особенностями речи, привычками в общении. Представим, что до нашего голосового помощника, нашего творения, добралась бабулька из небольшого села. И вот она обращается к ИИ: «Милок, скажи-ка мне, а откель мне до того главного магазину ехать?». Часто искусственному интеллекту приходится вычленять смысл из потока речи. Вот он получает запрос: «Что-то колено опять вот стрельнуло. Уже три дня что-то болит и болит. К врачу б записаться надо, но так тяжело идти». А ведь предыстории и подлиннее бывают...

Нейросеть-полиглот и русское словообразование

– Есть в обучении машинного разума и ещё одна забавная деталь. ИИ, всё та же большая языковая модель, знает много языков. И порой

Сотрудница
компании Лариса
Сергеевна Ковенева
vk.com

наш полиглот любит вернуть в русскую речь иностранное слово. Причём не в оригинальном виде, а адаптировав его под нормы русского языка, используя окончания. Так однажды мы получили слово «экзистаю» (вероятно, от английского exist – существовать, быть). «Я экзистаю на просторах сети» – сообщил нам как-то «обучающийся» (снова смеёмся).

– Нейросеть занялась словообразованием?

– Это было внезапно. Я никогда такого не видела. Я даже забыла рассердиться!

– Какая всё-таки человекоподобная нейросеть. Меня всегда восхищало, как легко обрусевают в народе англицизмы. Но я и не представляла, что ИИ будет вести себя так

же, как незлектронные пользователи русского языка...

– Вот потому в какой-то момент и начинает казаться, что ты не то учитель, не то родитель, а ИИ – ребёнок. Так часто ты поправляешь, воспитываешь этот непокладистый интеллект и, конечно, несёшь ответственность за его выходы. Можно сказать, что учителем я всё-таки стала. Но каким?!

– Как-то сразу и учителем, и мамой. Если от тестировщиков уже привычно слышать нечто вроде «Вот что ваш Алёшенька сделал!». Ну или сказал.

– Самое забавное, что ты находишься с «Алёшенькой» в одном кабинете, и он говорит это при тебе. Тут уже не открестись.

– Неробкий у вас «Алёшенька».

О «личности» ИИ

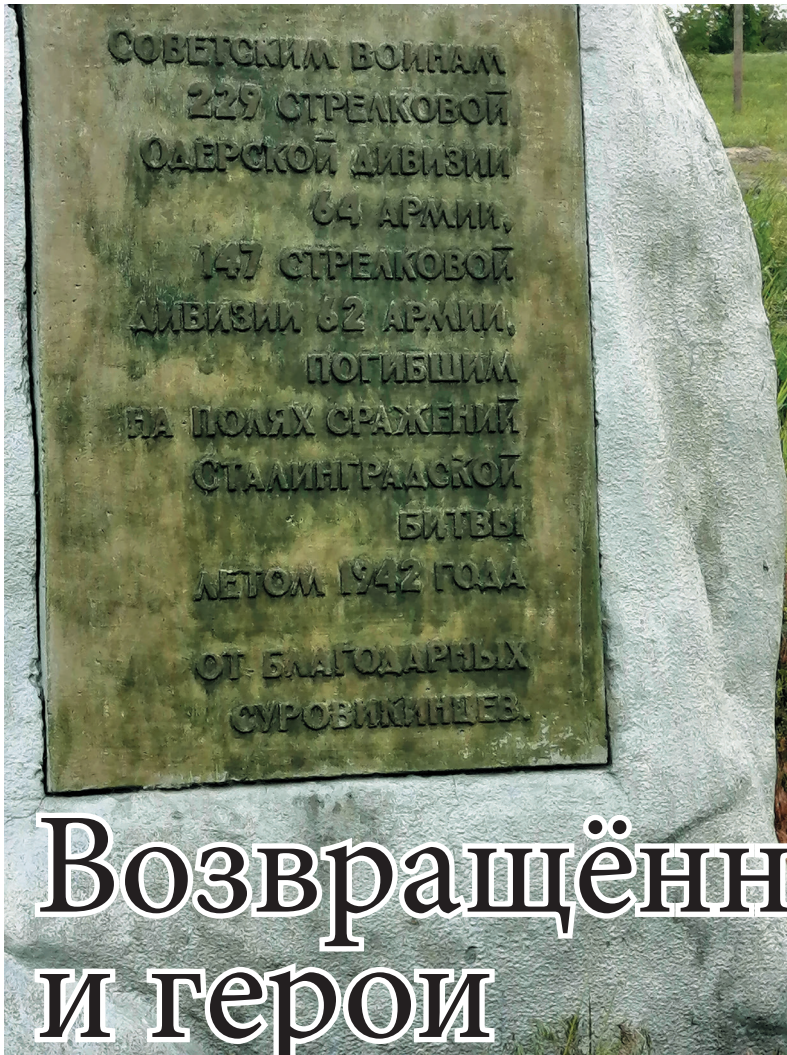
– Интересно, что можно написать такой промт, будто ИИ кто-то. Искусственный интеллект неплохо изображает и наивного десятилетнего мальчонку, и меланхоличную секретаршу среднего возраста. На самом деле на создание «образа» ИИ влияет не только лексика. Многие ИИ у нас сейчас говорящие, и характер выбранного для ИИ персонажа проявляется даже в особенностях интонирования. Но это уже заслуга программистов и психологов.

– Это ж сколько человеческих голов трудятся для одного искусственного интеллекта?!

Детская группа в
компании «ОКАС»
vk.com

К 80-летию Великой Победы

Возвращённые имена и герои

Текст и фото **Ирина АНДРЕЕВА (КАТОВА)**

НЕ ТАК ЧАСТО занимаюсь публицистикой, ответственное и серьёзное это дело, но лишь взглянула в присланные мне списки по сельскому поселению «Партизан» – малая моя родина (ранее совхоз «Партизан») – и сразу родные имена, фамилии, лица, словно выстроились в безмолвном «Бессмертном полку» и смотрят на меня испытующе: «Сможешь?» Мне страшно: «Не знаю!»

С чего начать? Сказать, что я знаю и помню буквально всех, будет лукавством, но сами по себе фамилии на слуху – они наши. Многие имена уже были использованы в моих публикациях ранее.

Земляки помнят гвардии сержанта Яна Яновича Розе, кавалера трёх Орденов Славы и др. наград Родины. Имя его ещё при жизни увековечено в Тюмени на обелиске у Вечного огня. Полковника Болвинова Василия Александровича, его именем был назван трудовой школьный лагерь на Ани-

Взяться за эту публикацию меня подвигла Вера Лазаревна Шарнина – бывший методист Абатской районной библиотеки. Человек талантливый и неординарный, блестящий специалист. Выйдя на заслуженный отдых, Вера Лазаревна не может сидеть без дела и в данное время занимается поисками и формированием списков всех призванных во время Великой Отечественной войны из сёл и деревень Абатского района Тюменской области. Если вы обратитесь к Информационному терминалу, то найдёте в его базе сведения о 5764 наших воинах-земляках.

кином огороде. Старшего сержанта Усова Ивана Павловича (1925-2020) – последнего ветерана, чтити при жизни и помним теперь.

Но разве нет среди наших земляков достойного рядового солдата-труженика, необременённого званиями и наградами, честного воина, на чьих кровях свершаются победы и поражения, карьеры и падения командующих?

В списках 703 человека, просматриваю их раз и другой.

В 1941-м родители мои были ещё детьми и учились в первой, ещё саманной (построенная из глины и соломы хата – прим. ред.) Партизанской школе-семилетке. Папа говорил, что первой учительницей была Войнова Анна Антоновна, директором школы – Войнов Яков Александрович, учителем химии и биологии – Войнова Мария Александровна. Имя гвардейского красноармейца Якова Александровича Войнова 1905 г.р. есть на памятнике в Партизане. Есть он и в списке, присланном Верой Лазаревной. Строкой ниже – Войнова Зоя Александровна – пропала без вести в 1942 г., Сталинград, 229 стрелковая дивизия (далее 229 СД).

Кто эта Зоя Александровна? Призвана из Партизана, не сестра ли она (судя по отчеству) директору школы? Одна и та же фамилия и с вы-

шеперечисленными учителями. Это может быть семья – семейная династия.

Теперь я определилась: выберу земляков из списка этой дивизии.

229 СД. Эта стрелковая дивизия была сформирована в Синицинском бору под Ишимом. Там проходили обучение в основном молодые ребята – 18-20 лет. Сроку на подготовку было отпущено мало. В двадцатых числах апреля 1942 года дивизия погрузилась в вагоны – к своему первому и последнему сражению. Состав шёл на Москву через Рязанскую область, но в Москве его перецепили и отправили в обратном направлении через Воронежскую область к Сталинграду. Судьба словно оттягивала встречу с войной! Плохо вооружённую дивизию из десяти тысяч необстрелянных солдат бросили на дальние подступы Сталинграда. Полем боя стала большая излучина Дона под Суровикино, дабы преградить движение 6-й полевой армии генерала Фридриха Паулюса.

Не будем забывать, что в начале войны Красная армия в ожесточённых боях всё же отступала, неся колоссальные потери. А уж битва за Сталинград вписана в историю ВОВ потоками-реками крови!

Практически сразу сибиряки оказались в котле окружения. «Приблизительное число оказавшихся в окружении красноармейцев составило, по данным штаба Сталинградского фронта, 28 тысяч человек» – (из книги «Возвращённые имена» Р.Гольдберга). Через месяц из окружения вышло около семисот человек, остальные либо погибли, либо попали в плен.

Долго про эту дивизию умалчивали, видимо, считая позорным факт пленения её половины. Ей посвящён единственный монумент под Суровикино и единая строчка в «Музее-панораме Сталинградская битва». В Книге памяти все попавшие в плен считались без вести пропавшими.

Но каково же было им, воинам, оказавшимся там, в этом адском котле?!

Войнова Зоя Александровна. К сожалению, кроме причастности её к той битве данных по ней пока нет – нет года рождения, звания. Призвана из Партизана, зачислена в состав 229 СД. Изучая списки 229 СД по книге Р.Гольдберга «Возвращённые имена», у меня есть предположение, что Зоя Александровна тоже 1923 г. рождения, преимущественно этот год значится в списках дивизии.

Кем она была на войне? Санинструктором? Связисткой? Известно одно: ратный путь её был короткий. Согласно Донесению о невозвратных потерях, «Войнова Зоя Александровна. Последнее место службы: 229 СД. Дата выбытия: 24.07.1942-10.08.1942. Причина выбытия: убита. Место выбытия: Сталинградская обл. Адрес жены (мужа) или детей: Омская обл., Абатский р-н, совхоз Партизан». Дата смерти, скорее всего, приблизительно и значится у многих из 229 СД, 10.08.1942 – это день, когда 229 СД перестала существовать как боевая единица.

Имя рядового Петра Афанасьевича Якунина 1898 г.р. есть на памятнике в Партизанах, но не могу не упомянуть его, потому как он тоже был в составе 229 СД и погиб под Сталинградом в том же 1942 г.

Тут и далее Абатский р-н значится в Омской обл. Так было до 1943 г. Теперь это Тюменская обл. (прим. авт.)

Котов Дмитрий Васильевич 1923 г.р. призван Абатским РВК из д. Тихвинка Омской обл. Убит 25.07.1942 г., Сталинградская обл., 229 СД, есть в упомянутой выше книге Р.Гольдберга, равно как Тюрин Николай Кузьмич 1923 г.р., (д. Волостная, нашего с/Совета), судьба которого описана в этой книге.

Не могу не упомянуть ещё одного земляка – Соснова Николая Евтеевича 1923 г.р. из д. Ильинка Крутинского района, призванного Крутинским РВК Омской обл. в 1941 г. и зачисленного в 229 СД. Его имени нет на памятнике, потому что он остался в живых. Но какой ценой?!

Николай Евтеевич попал в плен и прошёл пять лагерей, два из которых на нашей оккупированной территории. Фашистами были организованы лагеря в Миллерово Ростовской обл. и Евдаково Воронежской обл. Самым страшным был лагерь в Миллерово – Миллеровская яма, входил он в состав концлагеря Дулаг-125.

Устроили его гитлеровцы в природной впадине реки Глубокой. Название её, видимо, происходит от глубокого русла с крутыми высокими берегами. Вот этот овраг они и использовали для размещения пленных. Обнесли его колючей проволокой, расставили свою двуногую свору с автоматами, нагнали собак, наставили вышек. Самыми изощрёнными изуверами там были украинские полицаи – предатели Родины.

Рядом была железная дорога, что позволяло оперативно отправлять людей на запад. Но в 1942-м пленных было столь много, что не хватало эшелонов. И заключённые пребывали в этом концлагере месяцами, хотя планировали его как временный. По разным источникам, в этом месте погибло от 40 000 до 200 000 человек.

Кормили в лагере один раз в день, в основном баландой из горелой пшеницы – котелок на нескольких человек. Речушку Глубокая почти выпили, в округе съели всю растительность с корнями.

Местные жители, если пытались помочь соотечественникам, например, сбросив в яму яблоки, будто нечаянно просыпавшиеся из ведра и полетевшие в овраг под уклон, нередко сами попадали в эту яму, сброшенные полицаями. Выхода из неё не было никому. По ночам слышались автоматные очереди и лай собак – это предотвращались попытки к побегу. Спали прямо на земле. Днём измождённых людей выгоняли на работу. Умерших от голода, холода, болезней сбрасывали в соседние овраги, балки, как их там называют. Тех, кто не мог больше встать и работать, не кормили. Из-за жуткой антисанитарии смертность была высокая.

Как выживали они в этом аду? Остаётся догадываться: видимо, спасала взаимовыручка. Спали скопом, пытаясь поделить тепло. Вгрызались в почву суглинков и камня, пытаясь укрыться летом от дождя и палящего солнца, зимой – от снега и пронизывающих ветров.

В Миллеровской яме – лагере под открытым небом – Николай Евтеевич, тогда ещё просто Коля – советский солдат девятнадцати лет от роду, находился до конца 1942 г. Затем – лагеря в Польше, Хорватии, Австрии. Побывал Николай и в лагере в п. Евдаково Воронежской обл., там строили железную дорогу.

В 1945-м пленных освободили союзники-англичане, передали советским войскам. Год Николай проходил фильтрацию и с 1946-го был направлен на шесть лет спецпереселенцем в Магаданскую область – рубил лес. К матери, переехавшей к тому времени за дочерьми в Партизан из родной д. Ильинка Омской обл., которая прекратила своё существование, вернулся лишь в ноябре 1954 года. Не раз спрашивали его родные в тихой доверительной беседе: «Как же, Коля, ты всё это пережил?»

Сразу устроился на работу, женился и всю оставшуюся жизнь прожил в Партизане. Односельчане помнят скромного, немногословного труженика с умным пронизательным взглядом больших ясных глаз. Я помню его улыбку, будто виноватую, а по сути улыбку забитого невзгодами человека.

За добросовестный труд он был награждён Почётными грамотами, медалью к 100-летию В.И.Ленина. Медаль «За оборону Сталинграда» – очень высокая награда. Но уцелевшим в окружении, прошедшим плен бойцам 229-й стрелковой дивизии эта медаль не полагалась. Что тут скажешь?! Тот приказ № 227 «Ни шагу назад» негласно действовал и после войны...

Мало было отведено Николаю Евтеевичу – всего двадцать два года мирной гражданской жизни в семье (умер в 1976 г.). Утешает лишь одно: Николай Евтеевич с супругой дали жизнь четверым детям и воспитали их достойными людьми.

Что касается 229 стрелковой дивизии, дело сдвинулось с «мёртвой точки» забвения: «Теперь нам известны имена 175 человек, ушедших из Абатского района в 229-ю СД. Вернулись домой – 43. Погибли в боях – 27. Были в плену – 38. Без вести пропали, по данным ОБД «Мемориал», – 37. И ещё 68 солдат, о которых в официальных документах нет никаких сведений. Видимо, они – погибли без вести». (Р.Гольдберг «Возвращённые имена»)

Заинтересованный читатель может зайти по ссылке в интернет и посмотреть документальный фильм об этой сибирской дивизии «229. Пропавшая дивизия», прочесть книгу Рафаэля Гольдберга «Возвращённые имена» (г.Тюмень).

В Синицинском бору под Ишимом энтузиасты реконструировали одну из землянок, где прохо-

дила обучение 229 СД. А на Калиновой горе в Волгограде в 2012 г. захоронен солдат, призванный Абатским РВК, – Коробейников Михаил Степанович.

Нам, землякам, нужно свято помнить имена своих героев, пусть эта память и горькая, ПОМНИТЬ, чтобы никогда не повторилось подобное!

Остаётся добавить: дочь Николая Евтеевича Нина Николаевна Крючкова, заслуженный геолог РФ, всю свою трудовую, профессиональную деятельность служила в Якусткгеологии – в нескольких сотнях километров от места ссылки отца в Магадане. Это ли не провидение Судьбы?

Выражаю благодарность Шарниной Вере Лазаревне за предоставленные документы и Крючковой (Сосновой) Нине Николаевне за рассказ об отце, за фотографии из Суравикино и Волгограда.

Музей-Панорама Сталинградская битва

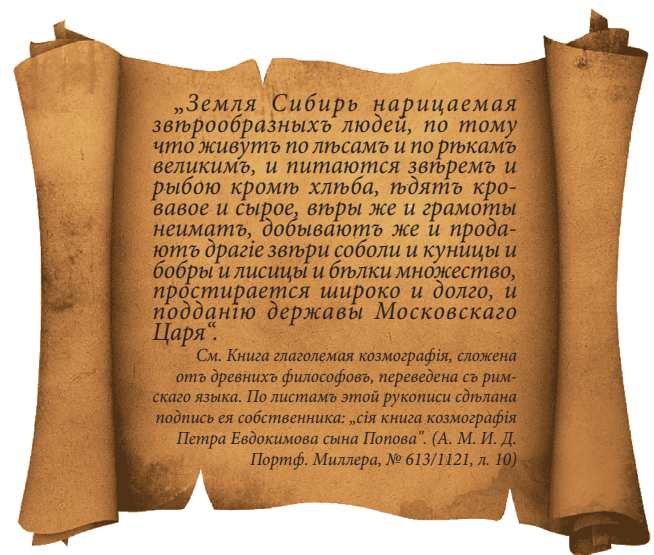
ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

В настоящее время, когда Тюмень помогает Краснодару и ЛНР в развитии жилищно-коммунального хозяйства, медицины и образования, можно восстановить преемственность поколений и вернуть имена молодогвардейцев новым улицам нашего города

ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ И БЫТЬ ПЕРВЫХЪ ЕЯ НАСЕЛЬНИКОВЪ

Текст Пётр БУЦИНСКИЙ

В сегодняшнем номере – глава VIII из книги Петра Никитича Буцинского о заселении Сибири, рассказывающей о том, каким образом заселялась Сибирь, какими путями проникло туда русское население и каково было положение русских и нерусских переселенцев в этой громадной окраине московского государства. Напомним, книга была издана в 1889 году в Харькове в типографии губернского правления, оригинал произведения редакция журнала нашла на сайте Томской областной библиотеки имени А.С.Пушкина

ГЛАВА VIII

В предшествующих главах, насколько позволял нам материал, мы обозрели заселение некоторой части Сибири до 1645 года. Из этого обозрения видно, что в какие-нибудь пятьдесят лет, после завоевания этой страны, в ней возникло семь русских городов, несколько острожков, застав, слобод, сёл и сотни деревень; русские поселения сначала появились по главным рекам, текущим в передней Сибири: по Туре, Тоболу, Тавде, Иртышу, Оби, а потом и по их притокам. О постепенности заселения, собственно говоря, не может быть и речи: русские города и разных типов посёлки появились почти одновременно на всём этом громадном пространстве. На упомянутых главных сибирских реках, в местах, которые более или менее были заселены туземцами, или местах стратегических основывался русский город, а около него возникали и русские деревни; постепенность в заселении можно наблюдать только в колонизации уезда известного города, но не относительно всего покорённого края. Мы видели также, что количество русского населения далеко

не соответствовало обширности занятой им территории; оно было даже ничтожно сравнительно с громадным пространством завоёванной страны. Но тем не менее русского населения к концу обозреваемого нами периода всё-таки было вдвое более, чем туземного, инородческого: в 1645 году в семи уездах количество русских людей простиралось до восьми тысяч семейств, а инородцев не было и пяти тысяч. Важно то, что русской колонизации открылись теперь простор и безопасность; теперь переселенцы из европейской Руси могли найти за Уральским хребтом временный приют и пропитание, а потому в следующий период число оных должно значительно увеличиться.

После этого естественным является вопрос, каким образом заселялась Сибирь, какими путями проникло туда русское население и каково было положение русских и нерусских переселенцев в этой громадной окраине московского государства? Исследование этих вопросов и будет составлять предмет настоящей главы нашего сочинения.

Заселение Сибири, как и других окраин русского государства, было двоякого вида – правительственное и вольнонародное. С самого утверждения русского владычества в Сибири московское правительство переселяло туда русских и нерусских людей то «по прибору», то «по указу». Первыми, конечно, насельниками покорённого края были те служилые люди, которые и завоевали его. Воеводы и головы, назначенные на службу в Сибирь, сами или через других правительственных агентов набирали войско отчасти из служилого класса, а отчасти - из разных вольных «охочих людей»: каждую экспедицию сопровождали духовенство, а иногда и посадские люди и крестьяне тоже «прибранные», а иногда и ссыльные. Начальные лица, совершив поход, т.е. покорившие инородцев известной местности и построившие там город, через год или два возвращались обратно на Русь: их сменял новый штат, но остальной состав экспедиции водворялся в Сибири в новопостроенном городе. Едва только эти новые жители покорённого края поставят свои дворы, как бьют челом государю, чтобы к ним были переведены из Руси их семейства, а боярские дети, духовные лица, разные подьячие таким же образом выписывали и своих крепостных людей. Так что уже во второй год существования города русских жителей в нём было достаточное количество. Но, как мы упоминали в предшествующих главах, не все они оставались жить в городе, а многие селились на своих пашнях, и таким образом начиналось заселение уезда. При обозрении городов мы уже касались самого контингента первоначального населения каждого города и указывали на то, что городское население вначале было вместе с тем и уездным. И впоследствии московское правительство теми же способами, т.е. «по прибору» и «по указу» заселяло дальнюю государеву вотчину, переселяло туда духовенство, служилых людей и крестьян. Сибирь особенно нуждалась в священниках, и сибирские митрополиты постоянно били челом государю о присылке «попов» в этот край; но охотников находилось немного. Мы упоминали, что вместе с первым сибирским архиепископом

Киприаном отправилось несколько белых и чёрных попов, прибранных большей частью в самой Москве. Этот «прибор» был не совсем удачен и вместе с тем видно, что белые попы скорее по указу переселились в Сибирь, чем по доброй воле. Уже в 1622 г. Киприан писал Михаилу Фёдоровичу и святейшему патриарху Филарету, что «те попы ключарь Иван с товарищами с ним, с архиепископом, в соборе в церковных службах быть не хотят и в церкви не служат и его ни в чём не слушают, да кроме того составляют на него ропот многой и государеваго денежнаго и хлебнаго жалованья не взяли и живут самовольством». Между тем это жалованье было достаточное и на него можно было жить безбедно: напр., протопоп получал в год денег 25 р. и разного хлеба 60 четвертей, протодьякон – 15 р. и хлеба, 36 четвертей, а священники по 10 р. и по 26 четвертей хлеба, т.е. эти духовные лица «верстались» таким окладом, который получали только служилые люди высшей «статьи». Но они всё-таки не были довольны своим положением и в том же 1622 году «самовольством побежали в Москву». На дороге их задержали и по государеву указу возвратили в Тобольск. Из грамоты Киприана от 1623 г. видно, однако, что и после этого они не хотели служить и не брали жалованья. «Нам-де за церковную службу, – говорили эти попы архиепископу, – приняться нельзя, потому что доброхоты их пишут из Москвы, что им однолично вскоре быть на Москве по-прежнему». Само собой понятно, что при добровольном переселении этих духовных лиц невозможно было бы ожидать с их стороны такого упорства. Михаил Фёдорович и патриарх Филарет, получив вышеупомянутые грамоты от Киприана, указали: «тех бездельников и воров попов за их воровство и ослушание разослать из Тобольска в дальние сибирские города в Мулгазею (Мангазею), в Кетский и Кузнецкий острожки порознь тотчас бессрочно и быти им в тех городах в рядовых попах». Но этот указ не был исполнен; заменить этих попов было некем, а между тем они, вероятно, испугавшись ещё более далёкого заточения, помирились со своим положением, приняли государево жалованье и начали отправлять свои обязанности. Они жили в Тобольске ещё при Алексее Михайловиче, как это видно из их челобитной к этому государю о прибавке им денежного и хлебного жалованья.

Затем каждый новый архиепископ при своём отправлении на тобольскую кафедру прибирал чёрных и белых попов и тоже, вероятно, при приборе не всегда сообразовывался с доброй волей последних, а пользовался содействием высших властей. Некоторые документы свидетельствуют, что посылка духовных лиц в Сибирь была в некотором роде повинностью для духовного сословия, точно так же, как для служилых людей и крестьян известной области посылка туда же своих собратий: казаков, стрельцов и «пашенных людей». Например, в 1635 году Михаил Фёдорович указал архиепископу Вологодскому и Великопермскому Варлааму выбрать в

Атлас Российской империи, изданный для употребления юношества в 1794 году в Санкт-Петербурге

<http://elib.shpl.ru/>

его архиепископии в Тобольск к соборной церкви и в другие сибирские города архимандрита, пять чёрных попов и 10 или 12 белых. При этом предписывалось выбирать чёрных и белых попов «людей добрых, крепкожительных, духовных учителей, которые б были по преданию и по правилам святых апостолов и св. отец, а не бражников». Но прошло несколько времени, и от Варлаама никакого известия об этом деле не приходило в Москву. Тогда послана была новая подтвердительная грамота, чтобы он поспешил прибором и при этом делался выговор за нерадение. Но архиепископ был не виноват: несмотря на то, что «посадские и волостные попы учинили меж себя дать подмогу тем попам, которые согласятся ехать в Сибирь, по 30 и 40 рублей, многие попы для такого дальнего проезде разбежались, не желая оставлять своих домов». Узнав об этом, государь указал Варлааму объявить: «Кто в Сибирь выбраны будут, тем дано будет на подъём жалованья из нашей казны, подможных денег на платье и на харчи архимандриту по 40 р., протопопу 35 р., чёрным и белым попам по 30 р. человеку, да кроме того, казённый корм в дороге и казённые подводы им и под их жён, детей и работников...» Эта казённая «подмога», однако, не исключала той, которую обещали дать посадские и волостные попы белым попам, а монастыри чёрным попам (по 20 р.), и, стало быть, переселенцы в Сибирь получали подъёмных по 60 руб. Эта сумма по тому времени составляла капитал. Только после этого вызвалось несколько лиц из чёрного и белого духовенства отправиться в Сибирь. Из списка этих переселенцев видно, что в Вологодской епархии прибраны: архимандрит, протопоп, 5 белых попов и 3 чёрных. С белыми попами ехали их жёны и дети, разные свойственники и работники, с архимандритом – келейники, да 4 человека людей, с чёрными попами - их братья, племянники и несколько людей; всех переселенцев отправлялось в Сибирь 60 человек. Кроме того, в самой Москве «написались своею волею чёрных два попа да белых попов 6 человек». Но несмотря на то, что в Сибирь правительство отправляло попов целыми партиями, в них всё-таки постоянно чувствовался недостаток. В 1638 году третий сибирский архиепископ Нектарий жаловался царю: «в Сибири теперь чёрными попами стала скудость великая – в Тобольске и во всём городе и в монастыре и у меня только один чёрный поп, да и тот отец мне духовный, а в городах Мангазее, Пельме, Кузнецке и в новых монастырях, что вновь строятся, нет ни одного чёрного попа, и тех людей, которые желают постричься, некому постричь, и постоянно бьют мне челом о чёрных попах». Из других челобитий сибирских архиепископов видно, что такая «скудость великая» была и на белых попов. Причина этого недостатка в священническом чине очевидна. Немногие добровольно соглашались оставить родину, друзей и родственников, чтобы отправиться в мало известный и далёкий край, а те из священников, которые и переселились в Сибирь, при первой

возможности старались возвратиться назад. И сами они и их «доброхоты» постоянно били челом царю и патриарху о возвращении на родину. Некоторые из этих челобитных удовлетворялись, а те священники, на чьи челобитные в Москве не обращали внимания, просто бегали из Сибири. Дело в том, что жизнь в Сибири в то время не для всех была привлекательна. Чёрным попам на Руси жилось хорошо и им не было нужды от хорошего житья идти в Сибирь и искать неизвестного. Что же касается белых попов, то хотя их положение и на родине было незавидное, тем не менее они не могли стремиться в Сибирь, потому что там жизнь белого духовенства была ещё печальнее. С самого приезда в Тобольск архиепископ Киприан начинает жаловаться царю и патриарху на грубое к себе отношение воевод и прочих служилых сибирских людей и «на жестокости», которые причиняют последние белому духовенству. По этим жалобам правительство посылает сибирским воеводам грозные грамоты, но видно, что они не обращали никакого внимания на эти грамоты, потому что и после Киприана его преемники продолжают жаловаться на то же самое и в тех же самых выражениях. «В сибирских городах, – читаем в этих архиепископских жалобах, – твои государевы воеводы и приказные люди во всякие наши святительские и духовные дела и суды вступаются и церковников попов, дьяконов, дьячков, пономарей и всяких причетников к твоему государеву всякому делу и к письму от твоего царского богомолья от Божиих церквей насильно берут, во всём их судят и смиряют и от церквей Божиих отставляют и с попов скуфьи снимают, в тюрьму сажают и батогами бьют и побивают... в Сибири же от Божиих церквей к твоему государеву выдельному хлебу и к письму берут попов, дьяконов, дьячков и пока, государь, те выдельщики на тебя в городах и в слободах пятый сноп выделают и в то время церкви стоят без пения... и в том попам... и причетникам в Сибири от воевод и от приказных людей обида и притеснения великие». Отсюда понятно, почему попы, переселившиеся в Сибирь, стремятся поскорее убежать оттуда и почему немногие из них добровольно вызываются на переселение, так как очевидно, что рассказы о притеснениях сибирских воевод были всем известны на Руси, как известно и то, что защиты от этих притеснителей трудно было тогда найти. Из тамошних же жителей тоже немногие прельщались священническим чином. «Ставить в попы некого, – жалуеться царю один сибирский архиепископ, – потому что в Сибири,

государь, люди все ссыльные и в попы ставиться охотников мало».

Как чёрных и белых попов, так и служилых людей правительство прибирало в европейской Руси и отправляло на службу в Сибирь. Мы могли бы указать множество случаев подобного переселения, но чтобы не утомлять читателя подробностями, ограничимся только некоторыми

Переселенцы в пути

Иллюстрация из книги
«Живописная Россия». 1895 г.

ми: так, в 1631 году в поморских городах было прибрано 500 человек казаков и стрельцов, в 1635 г. в Устюге Великом прибрано 50 человек стрельцов отчасти из служилых людей от отцов детей, от дядей племянников и т.п., а отчасти из вольных, гулящих людей. Обыкновенно этот прибор совершался таким образом: сначала прибирался сотник, а этот прибирал в свою сотню десятников, а десятники – рядовых казаков или стрельцов. Десятники с рядовыми служилыми людьми давали сотнику запись следующего содержания: «Се аз десятник N, да его десятка (NN)... поручились есмь промеж себя всем десятком, десятью человеки, друг по другу сотника (N) в том: быти нам на государеве службе в городе (N) на житье в стрельцах (или казаках конных или пеших) и государева служба служитьи, а не воровати, корчмы и блядни не держати, и зернью не играти, и не красти и не бежати, а кто из нас из десяти человек сбежит и на нас на порутчиках, на мне на десяцком и на товарищах моих, государеву жалованье, денежное и хлебное, и пеня государева, а в пене, что государь укажет, и наши поручниковы головы в его голову место. Нато послуси... NN». Прибранные таким образом служилые люди получали из казны подмогу (например, десятник 2 р. 25 к., рядовые женатые по 2 р., а холостые по 1 р. 50 к.) и на казённых подводах отправлялись в Сибирь. Нередко правительство переводило из Руси в сибирские города казаков и стрельцов просто по государеву указу; в таком случае «с переселенцев» записей не брали, но по прибытии их на место они должны были присягнуть в том, что «пришли своими головами полное число, а в их места за отцов детей, за братию братьев, за дядей племянников и наймитов нет ни одного человека».

Но как «приборные» служилые люди, так и «переведенцы» своё путешествие в Сибирь сопровождали страшными разбоями и грабежами; для населения тех областей, через которые они проезжали, наступали тогда дни величайших бедствий. Движение этих переселенцев напоминало русским людям татарских баскаков во времена монгольского ига, когда эти последние с отрядами татар появлялись для сбора дани. Едва только делалось известным приближение казаков и стрельцов к городу или селу, как жители запирали дома, прятали жён и дочерей, угоняли в леса скот и с ужасом ожидали этой орды. Вся забота населения известной области, в которую вступали переселенцы, заключалась прежде всего в том, чтобы поскорее спровадить их далее, избавиться от их продолжительной стоянки, поэтому подводы, которые жители должны были выставить под переселенцев по проезжим грамотам, готовились заранее и по неделе и по две ожидали своих пассажиров на известном месте. Наконец орда прибывала, население встречало её, поило и

кормило, давало «поминки» натурой и деньгами в виде откупа, словом, делало всё для этих ужасных гостей, лишь бы подешевле и поскорее от них отделаться, но последнее не всегда удавалось: переселенцы не спешили, иногда жили на известной стоянке по неделе и более и кутили столько и как им заблагорассудится. Самый лучший исход для населения при отправке переселенцев состоял в том, если оно отделялось от них только кормом, добровольными поминками и прибавкой нескольких лишних, сверх проезжих грамот, подвод; подобные проводы можно считать мирными, не выходящими из ряда обыкновенных; жители таким исходом были довольны даже в том случае, если во время гостеприимства переселенцы позволяли себе небольшие грабежи и разные насилия. Мы говорим: жители были довольны такими проводами именно потому, что в большинстве случаев переселения в Сибирь служилых людей сопровождалась для них несравненно худшими бедствиями. Для иллюстрации мы приведём здесь некоторые случаи иного рода проводов. В 1593 году «сын боярский, – читаем в царской грамоте к воеводе Горчакову, – с атаманом и с казаками едучи в Сибирь, воровали. В отчине боярина Д.И.Годунова крестьян били и грабили, жён крестьянских соромотили, убили из пищали крестьянина, а у иных многих крестьян животину коров, свиней побили и платье пограбили, да другие боярские дети с атаманом и казаками, которые отпущены из Москвы, по дороге многих людей били и грабили и ямщикам за подводы прогонов не давали и пр.». Но иногда проходили в Сибирь такие партии служилых людей, что опустошали целые уезды, подобно тому, как делали татары во время своих известных «наездов». В четвёртой главе мы упоминали, что в 1635 году по государеву указу переведено в Тюмень 500 человек колмогорских стрельцов, переход их по русским областям сопровождался страшными грабежами и разбоем. Это видно из разных на них челобитных, поданных царю в том же 1635 году. «Бьют челом, – читаем в одной из них, – сироты твои Соли-Вычегоцкий всеуездный земский старостишка Васька Юрьев, да Соли же Вычегоцкой посадские земские и волостные целовальничешки и всеуездные посыльчишки во всех остальных посадских людей и волостных крестьян место всего Усольского уезда: в нынешнем в 1635 году в марте ехали по твоему указу с Колмогор мимо Соли Вычегоцкой Прохор Данилов, стрелецкий голова Андрей Кубасов, пять

сотников да 500 человек колмогорских стрельцов, а писано, государь, им по подорожным Данилову три подводы, Кубасову четыре подводы, сотникам по три подводы, женатым стрельцам по две подводы и холостым по одной. И мы, государь, по тем подорожным собрав все подводы сполна – всего 950 подвод, ждали их, Данилова и голову Кубасова с стрельцами у Соли, на посадке с конями более недели и подводы дали сполна против подорожных, а как они

Ночлег переселенцев

Иллюстрация из книги
«Живописная Россия». 1895 г.

прибыли, то начали старостишку Ваську, посадских целовальников и волостных крестьян и земского дьячка во дворе бить и увечить на правеже ослопами на смерть и вымучили у нас великие поминки денег 220 руб.». Затем челобитчики пишут, что эти переведенцы не спешили брать подводы и для своей бездельной корысти прожили на посаде более недели и во всё это время били, держали на правеже, дома разорили и разграбили и множество лишних подвод доправили. От этих непомерных смертных «правежей» упомянутые ямской староста, посадские и волостные целовальники и земский дьячок нашли себе убежище в съезжей избе у воеводы Головачёва, но те же стрельцы со своими начальниками проникли и туда с пищалями, саблями, шпагами и с ослопами и опять их били, а воеводу ругали «всякими мат... словесы». Так разбойничали эти «переведенцы» в городе, где был воевода и у которого, конечно, были служилые люди, то можно себе представить, что они позволяли себе по сёлам и деревням, где жители решительно не могли найти никакой защиты против этой разбойнической орды. 28 марта, говорится в той же челобитной, голова, сотники и стрельцы выехали из Соли и в Усольском уезде по деревням били и мучили крестьян, забирали коров, овец, свиней и всякое имущество, ломали житницы и выбирали хлеб, били и мучили проводников и пр. И от тех грабежей и насильств волости Усольского уезда запустели и крестьяне оскудели. Другие уезды также подверглись опустошению. Один из этой шайки, голова Данилов, о котором уже упоминалось в предыдущей челобитной, впоследствии доносил Михаилу Фёдоровичу, что колмогорские стрельцы в Устюжском уезде доправили на крестьянах рублей 300 и более, да в Важском уезде с крестьян же взяли денег, а сколько, не помнит. «А когда я, – писал тот же Данилов, – начал унимать их от воровства, то стрельцы, скопаясь с товарищи, учали меня лаять мат... всякою неподобною лаею и хотели убить до смерти, а потом они поехали вперёд и по деревням воровали, крестьян били и грабили». Сам воевода сольвычегодский Головачёв, жалуясь царю на грабежи и разбой колмогорских стрельцов, писал, что в Устюжском уезде последние угнали более 500 лошадей. Вот что значили в то время переселения в Сибирь служилых людей! Мы упомянули здесь о случаях грабежей и разбоев не единичных, не исключительных: в Сибирском приказе нам попадалось несколько подобных документов и с почти тождественным содержанием, в некоторых ещё добавляется, что казаки или стрельцы по деревням брали жён и дочерей крестьян «на постель», а некоторых даже увозили с собой в Сибирь. По жалобам челобитчиков царь обыкновенно приказывал воеводе того сибирского города, куда переводились служилые люди, «сыскать накрепко и виновных бить батогами, сажать в тюрьму до указа, животы их ограбить, а пущего вора повесить». Само собой понятно, что подобные приказы

сибирский воевода, если бы и хотел, то не мог исполнить! И в самом деле, грабили и разбойничали все – и головы, и сотники, и рядовые служилые люди; таким образом воеводе приходилось или всех грабителей наказывать, на что у него не хватало бы силы, или, как обыкновенно это делалось, он отписывал в Москву, что «в тюрьму виновных по сыску сажал и из тюрьмы выняв, кнутом бил». Так отписывал и тюменский воевода относительно колмогорских стрельцов.

Пашенных крестьян также правительство переселяло в Сибирь «по прибору» и «по указу». Прибирали (почти исключительно в тех же поморских городах) или здешние правительственные агенты, или же воеводы присылали из Сибири для той же цели боярских детей, приказчиков и слободчиков; желающим переселиться в Сибирь «на государеву пашню» обещались льготы на два, на три года и более, подмога и ссуда в разных размерах. Иногда же правительство возлагало прибор известного количества крестьян на какую-нибудь область в виде повинности. Например, в 1590 году велено в Соль-Вычегодске и в уезде прибрать в Сибирь пашенных крестьян 30 семейств и чтоб у каждого человека было по три мерина добрых, по три коровы, по две козы, по три свиньи, по пяти овец, по два гуся, по пяти кур, по две утки, хлеба на год, соха для пашни, сани, телега и «всякая житейская рухлядь». В таких случаях сами жители области прибирали крестьян и сами давали «подмогу», развёрстывая эту повинность «посошно», а потому прибранные таким образом крестьяне назывались «посошными». Упомянутым 30 крестьянам велено дать подмоги по 25 р. на семейство, но посадские и волостные люди сольвычегодские дали им подмоги по 110 р., потому что, как говорили они, 25 рублями им подняться в Сибирь невозможно. Но царь указал дать подъёмных денег по 50 р., а остальную собранную сумму зачесть на будущее время на тот же предмет. Отсюда можно видеть, что правительство московское заботилось о том, чтобы крестьяне переселялись в Сибирь с полным хозяйством: на 50 р. в то время можно было купить всё то, что должен был иметь, по указанию правительства, каждый прибранный крестьянин в Сольвычегодской области. Но бывали примеры, что такие посошные крестьяне получали подъёмных денег по 135 руб.

Равным образом и те крестьяне, которые переводились в Сибирь «по указу», получали достаточную помощь от правительства. «По указу» переводились или из дворянских

сёл, или разные преступники: первые относились к разряду «переведенцев» и о тех мы упоминали в предшествующих главах, а вторые – к разряду ссыльных. Об этих последних мы намерены здесь сказать несколько подробнее с той целью, чтобы вообще выяснить колонизационное значение для Сибири ссылки. Но прежде всего считаем

Тобольск

Иллюстрация из книги «Живописная Россия». 1895 г.

нужным привести здесь взгляды на этот предмет некоторых сибирских писателей. Н.Яндринцев, по-видимому, специально занимавшийся вопросом о значении ссылки, в своих статьях «Исторические очерки русской ссылки» и «Колонизационное значение русской ссылки» делает следующие заключения: «Мера эта (т.е. ссылка) у древних русских царей была чисто административной и почти всегда сопровождалась заточением на месте ссылки». «Хотя мы видим в конце XVII века начало колонизационных стремлений, так как уже в указах Алексея Михайловича приказывается сосланных преступников устроить с жёнами и детьми на пашни, давая им ссуды и всякие угоды на пропитание, но никаких сведений об этом заселении мы нигде не встречаем; известен только один факт, что ссылных определяли на работы в Тюмени». «Ссылные на месте ссылки содержались в заточении». «Хотя ссылка по-прежнему носит карательный характер, но при Петре I мы встречаем уже ясные стремления утилизировать её: на преступников начинают смотреть, как на даровую рабочую силу...». «Колонизационное значение ссылки было слабо...». «Ссылные не входили, – продолжает Яндринцев, – однако здесь (в Сибири) в число свободного населения; первоначально их содержали в тюрьмах и под конвоем употребляли на общественные работы». Вслед за Яндринцевым тоже о значении ссылки в Сибирь повторяет и И.Щеглов в «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири». Здесь он говорит: «Ссылка в Сибирь в первое время не имела значения заселения страны, но ею правительство хотело избавиться от людей беспокойных или опасных, которых не хотело подвергать смертной казни. По этому самому в первое время ссылались преимущественно люди значительные и государственные». Этот взгляд на значение ссылки совершенно не верен: на самом деле в течение всего XVII века было наоборот, т.е. московское правительство почти всегда приказывает сибирским воеводам или верстать ссылных в службу, или устроить на пашни, и в очень редких случаях ссылные запирались в тюрьмы на месте ссылки. Да иначе и быть не могло. Московские цари, как мы видели, были слишком расчётливы, чтобы сотни преступников, ссылаемых в Сибирь, держать в заточении в тюрьмах и кормить их даром. Если они утилизировали такие предметы своего хозяйства, как мякину,

ухоботье, солому, если они не пренебрегали такими мелкими пошлинами, которых ценность нельзя выразить никакой монетой, если, наконец, они собирали десятину с «собачьего корма», привозимого в Сибирь промышленниками для своих «промышленных собак», или десятину с поношенных рубах и штанов, ввозимых русскими торговыми людьми, как предметы торговли с остяками и вогулами, то трудно допустить, чтобы такие расчётливые хозяева, какими были всегда наши московские цари, не воспользовались дешёвым трудом ссылных при своей хозяйственной деятельности в «дальней сибирской вотчине», в которой ещё так мало было населения. Даже для таких преступников, как государственные изменники, разбойники и душегубцы, которых правительство приказывало сибирским воеводам «заключать в тюрьму», это тюремное заточение продолжалось год, два года и редко более, а потом служилые люди верстались в службу и государевым денежным и хлебным жалованьем, а крестьяне сажались на государеву пашню и притом получали от казны подмогу и ссуду, как и приборные из гулящих людей. Мало того, царь Алексей Михайлович приказывает одному сибирскому воеводе «верстать в службу на выбылые места не гулящих людей, а ссылных, чтоб в нашем годовом жалованье лишних расходов не было». Чтобы не быть голословными, мы постараемся подтвердить наше мнение о значении ссылки множеством фактов. Мы просмотрели в архивах Министерства иностранных дел и Министерства юстиции в Сибирском приказе и в разных печатных изданиях исторических актов до 200 царских грамот к сибирским воеводам о ссылных в период от 1593 г. и до 1645 г., и весь этот обширный материал привёл нас к заключению, что московское правительство прежде всего смотрело на ссылку в Сибирь как на средство заселения этого края. В обозреваемый нами период заселения Сибири всего сослано около 1500 человек, не считая жён и детей и разных свойственников. Из них нерусских подданных около 650 человек; под этого рода ссылными мы разумеем, во-первых, тех людей из неприятельских армий, «которые иманы на бою и в языцах», и, во-вторых, иноземцев, служивших в русском войске и сбежавших во время войны к неприятелю и потом захваченных в плен. Между этими военнопленными были поляки, литвины, немцы «цесарской земли», немцы ливонские и шведские, латыши, черкасы, один «французенин». Из русских подданных сослано в это же время около 850 человек, из них до сотни семейств инородческого происхождения, 366 человек черкас, а остальные ссылные, судя по их месту жительства, принадлежат к великорусскому племени. Считаем, однако, нужным заметить, что если мы определяем число ссылных людей от 1593 г. до 1645 г. в 1500 человек, то разумеем только тех ссылных, царские грамоты о которых мы имели в руках, а на самом деле, конечно, число ссылных за этот период было гораздо более: многие грамоты о них нам не попались под руку и ещё большее количество оных, вероятно, не сохранилось до нас. Точную цифру ссылных мы можем указать только за десятилетний период от 1614 г. до 1624 г., именно за это время сослано в Сибирь 560 человек.

Вслед за казаками в Сибирь шли торговые и служилые люди, беглые крестьяне. Началось освоение этого края
shareslide.ru

Но ты мне, улица родная, И в непогоду дорога.

Улицы нашего города

Текст Александр ПЕТРУШИН

Уличный код Тюмени

В нашем городе, основанном по указу царя Фёдора Иоанновича 29 июля 1586 года как острог на высоком правом берегу Туры при впадении в неё речки Тюменки близ развалин татарского города Чинги-Тура, именовать улицы стали с 1858 года. Тогда здесь насчитывалось 98 улиц и переулков. В 1904-м, согласно изданному «Списку населённых мест Тобольской губернии» (своеобразный паспорт территории) в уездной Тюмени «улиц и переулков 1101, площадей четыре, бульваров два». Город условно делился на четыре части: Тычковка, Потаскуй, Затюменка и Заречье. Соответственно: 37, 41, 11 и 21 улица. Кроме того: Угрюмовские и Копыловские сараи, Крестьянские места и заимки: Колмаковых, Михалёвых, Молодых... А ещё переселенческий пункт и станция «Пост Тюмень».

Названия улицам и переулкам давались по принципу (коду) «Бог и благодетель». От 13 православных храмов и «святых мест»: Благовещенская, Спасская, Знаменская, Успенская, Ильинская, Никольская, Всехсвятская... По фамилиям купцов и предпринимателей, жертвовавших свои средства

Есть в России города, узнаваемые по названиям улиц.

...Улица Курковая,
Улица Штыковая,
И Пороховая,
И Патронная...

Дульная, Бронная,
Арсенальная...

Улица любая – оборонная...

По словам этого гимна узнаем город-герой Тулу.

Замечательная песня из кинофильма «Весна на Заречной улице» (1956) стала гимном завода «Запорожсталь», а начальная мелодия – позывными города Запорожье. Когда режиссёр этого фильма Марлен Хуциев приехал в Запорожье на творческий вечер, в заводском доме культуры зазвучали слова песни «В моей судьбе ты стала главной, родная улица моя...» Все присутствующие поднялись, как при звуках гимна. Марлен Мартынович не смог сдержать слёз...

на развитие просвещения, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, содержание сирот и бездомных. Подаруевская, Жернаковская, Войновская, Серебряковская, Ядрышниковская, Машаровская, Трусковский и Колмогоровский переулки... В память о столице бывшего тюменского татарского ханства – Царёвогородищенские (Большая и Первая). Торговую и хозяйственную логистику Тюмени выражали географические и технологические названия улиц: Тобольская, Иркутская, Ирбитская, Сургутская, Телеграфная, Ямская, Пароходская, Пристанская, Кузнечные...

Переименования

Первая смена названия главной улицы нашего города Благовещенской (по храму, построенному в начале XVIII века и взорванному летом 1932 года) случилась из-за посещения в 1837 году Тюмени будущим императором Александром II. В 1881 году его убили революционеры-народовольцы. Благовещенскую назвали Царской, а на Базарной площади построили каменную Александровскую часовню (снесена в 1956 году после возведения здесь здания об-

кома КПСС и облисполкома Совета депутатов трудящихся). Царское название сохранилось за улицей до отречения от власти Николая II Романова в марте 1917 года. Назначенный Временным правительством тобольским губернским комиссаром присяжный поверенный (адвокат) Василий Пигнатти, узнав от своего сокурсника по Московскому университету Керенского о ссылке в Тобольск экс-императора с семьёй, предложил тюменскому голове Флоринскому переименовать центральную улицу Тюмени. На очередном заседании городской думы Флоринский заявил, что «название Царской... мало приличествует ввиду предстоящих в ноябре 1917 года выборов в Учредительное собрание из-за тактических соображений. К тому же на неудобство этого названия обратил внимание губернский комиссар». Один из гласных (депутатов) городской думы предложил дать название «улица Республики – как девиз того совершенного идеала народовластия, к которому сейчас стремится русская демократия, и в память о тысячах идейных борцов за свободу, за благо народа и за светлое будущее страны, которые по этой улице в течение десятков лет шли в далёкую ссылку, в рудники и тюрьмы».

Местная газета «Свободное слово» дала такое сообщение: «Вследствие постановления городской думы от 10 августа название «Царская улица» упраздняется и присваивается этой улице название «улица Республики».

Против этого названия не возражали ни «красные», захватившие власть в Тюмени в марте 1918 года, ни «белые», утвердившиеся здесь после 20 июля того же года. Ещё через три месяца в связи со столетием со дня рождения писателя Ивана Тургенева управа городской думы назвала его именем Полицейскую улицу, примыкавшую к зданию бывшего полицейского и жандармского управления (сейчас здесь военкомат Центрального и Калининского административных округов). После восстановления в августе 1919 года в Тюмени советской власти у местного ревкома не возникло возражений против такого переименования.

Но в октябре 1922 года уже 32 тюменские улицы сменили названия. Потому что одной из важнейших черт той советской эпохи стало представление о новом собственном времени как о нулевой точке отсчёта. «Время вперёд! Возврата к прошлому нет!» – таковы лозунги наркома просвещения Луначарского, чьё имя после 1933 года носит улица Никольская.

«Прошлое оставляем позади, как падаль», – заявлялось в манифесте ВХУТЕМАС (высшие художественно-технические мастерские).

Талантливый имиджмейкер советской власти, говоря современным языком, Владимир Маяковский утверждал: «... Только тот коммунист истый, кто мосты к отступлению сжёг...».

В Тюмени его именем назвали 2-ю Заозёрную улицу в Заречной части нашего города.

Страстным сотворением нового мира занялась вся страна. На 1920-е годы приходится массовое переименование городов и улиц. До Тюмени эта волна докатилась к 4 ноября 1922 года: «Для встречи торжественного пролетарского праздника пятой годовщины Октябрьской революции 7 ноября Тюменский горюездный исполнительный комитет постановил: Ввиду существующих до настоящего времени в городе Тюмени улиц, носящих не соответствующие моменту названия, в целях ознаменования пятой годовщины Октябрьской революции переименовать следующие улицы:

Спасская	Ленина
Знаменская	Володарского
Успенская	Хохрякова
Ильинская	25 Октября
Всехсвятская	Свердлова
Никольская	Луначарского
Большая Монастырская	Коммунистическая
Монастырская	Свободы
Архангельская	Урицкого
Георгиевская	Красноармейская
Воскресенская	Пролетарская
Святой ключ	Площадь красных бойцов
Ново-Архангельская	Некрасовская
Ляминская	Герцена
Серебряковская	Советская
Войновская	Крестьянская
Подаруевская	Семакова
Трусовский переулок	Перекопский переулок
Жернаковская	Трудовая
Ядрышниковская	Оловянного
Громовская	Ворошилова
Машаровская 1-я	Механическая
Машаровская 2-я	Кузнецовская
Машаровская 3-я	Водопьянова
Машаровская 4-я	Новосёлова
Острожная 1-я	Исправительная
Острожная 2-я	Достоевского
Угрюмовские сараи	Мартовская слободка дней 1919 года
Копыловские сараи	Слободка труда
Колмогоровский переулок	Промышленный переулок
Б. Царёвогородищенская	Фридриха Энгельса
Царёвогородищенская 1-я	Коммуны

Писатель Павел Нилин в повести «Жестокость» (1956) о борьбе с политическим и уголовным бандитизмом в Сибири так объяснил причины отказа от прежних названий: «Много было уже переименовано в этом небольшом уездном городе – и учреждения, и улицы, и сады, а люди всё жили в большинстве своём по-старому... Даже не то что по-старому, но с боязливой оглядкой, с выжидательной осторожностью, тревож-

Тюмень. - Спасская ул.

Улица Спасская
fotostarina.ru

ными смутными слухами, то предчувствиями, то внезапными выстрелами в ночи.

Мы были пришлыми в этом городе. У нас здесь не было ни родных, ни знакомых. И мы неохотно заводили новые знакомства, чтобы случайно не оказаться в обществе враждебных нам людей. Власть менялась здесь трижды за короткий срок. Уходили «красные», приходили «белые»; потом опять утверждались «красные». И у каждой власти, естественно, были свои приверженцы в этом добротном деревянном городе, омываемом, как сказали бы поэты, сумрачным океаном тайги. Те, кто активно участвовал на стороне побеждённых, вынуждены были уйти из города или прятаться в нём в надежде на перемены».

Как это описание того далёкого уже времени подходит Тюмени, где в 1926 году проживало 20 600 человек (9880 мужчин и 10 720 женщин), допущенных к выборам в Тюменский городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В то же время 1122 тюменца были лишены по Конституции 1924 года избирательных прав: бывшие предприниматели, торговцы и посредники – 902, духовенство – 76, агенты полиции – 16, умалишённые – восемь, состоящие под судом – 24, прочие – 96 (среди них состоящие на учёте в окротделе ОГПУ, служившие в армии Колчака офицеры). Каждому из них было выдано письменное извещение о «лишении избирательных прав созыва 1925–1926 гг.». Списки «лишенцев» публиковались в городской газете «Трудовой набат».

Тюменцы трудно привыкали к новым названиям улиц. В обиходе пользовались прежними, на многих домах сохранялись наименования, характерные для правильного литературного правописания: «Пушкинская», «Крыловская»... В официальной переписке давали новые и старые названия улиц: «Свердлова, б. Всехсвятская».

Очередное массовое переименование тюменских улиц, названное в газете «Красное знамя»

«Октябринами», провели в 1927 году к десятой годовщине Октябрьской революции: «Горсовет постановил назвать три улицы на Большом городище, известные жителям под цифрами 7, 8, 9, соответственно: 7-я – улица 8 августа (день освобождения Тюмени от Колчака), 8-я – улица Коминтерна и 9-я – улица Ипподромная».

Тогда же возникла реальная вероятность переименования самой Тюмени.

Кто – «за»?

Тюменская секция бывших красногвардейцев и партизан (такая структура сохранялась в СССР до 1935 года) обратилась через соответствующую окружную и областную комиссии (с 1923 по 1933 годы Тюмень на правах округа входила в Уральскую область с центром в Екатеринбурге; с 1924-го – Свердловске) во ВЦИК СССР с ходатайством о переименовании Тюмени в... Красин.

Леонид Борисович Красин родился в 1870 году в Кургане, уездном городе Тобольской губернии, но детство провёл в Тюмени. Здесь окончил в 1887 году Александровское реальное училище и поступил в Петербургский университет.

Студентом увлёкся революционными идеями. Большевики поручали ему проведение самых дерзких операций. Ленин называл его «ответственным техником, финансистом и транспортёром партии». После октября 1917 года Красина назначили наркомом торговли и промышленности (с марта 1920-го – наркомом внешней торговли). Оставаясь в душе авантюристом, хранитель партийного «общака» слишком много знал о том, кто и как добывал «бриллианты для диктатуры пролетариата», и на что действительно тратились эти ценности. Поэтому и жил недолго: обстоятельства его смерти 24 ноября 1926 года в Лондоне всё ещё неизвестны.

Годом раньше в Москве возник новый ритуал захоронения новых героев – на Красной площади в Кремлёвской стене. Тело Красина кремировали, урну с прахом доставили в столицу и замуровали (вторую по счёту) в стену за мавзолеем Ленина, почти у самой Сенатской башни.

Интересно, что общая идея вечного хранения и публичной демонстрации тела Ленина принадлежала Красину. Он, как и ряд других большевиков-интеллигентов, был очарован идеей философа Николая Фёдорова о воскрешении всех предков до второго пришествия Христа, чтобы они избежали Страшного суда. Красин прямо заявлял: «Я уверен, что наступит этот момент, когда освобождённое человечество, пользуясь всем могуществом науки и техники, сможет воскрешать великих деятелей, борцов за освобождение человечества».

В исполнительной тройке комиссии по похоронам Ленина Красин отвечал за сохранение тела вождя. Похоже, руководство коммунистической партии всерьёз мечтало в дальнейшем воскресить священную мумию, но помешала война. Символично, что с 7 июля 1941 года по 20 марта 1945

года забальзамированное тело Ленина хранилось в Тюмени, в здании бывшего Александровского реального училища, в котором учился Красин.

Ходатайство тюменских красноармейцев и партизан, датированное 1927 годом, о переименовании Тюмени в Красин поддержали секретарь Уральского обкома ВКП(б) Кабаков и председатель ВЦИК Калинин. Они сами мечтали по примеру других красных вождей – Ленина, Троцкого, Свердлова, Зиновьева, Сталина, Орджоникидзе, Ворошилова – о своём увековечивании. Их мечты в конечном счёте сбылись: североуральский город Надеждинск переименовали в Кабаковск (1935), а древнюю Тверь – в Калинин (1931). В 1937 году партийного уральского вождя расстреляли как очередного «врага народа», а городу Кабаковску вернули дореволюционное название Надеждинск. Но ещё через два года он стал Серовым – в честь знаменитого советского лётчика, погибшего при тренировочном полёте. А Твери возвратили историческое имя только 17 июля 2000 года (Калинин умер в 1946 году).

Кто «против»?

По сообщению секретного сотрудника «Оса» Тюменского окротдела ОГПУ, «старорежимное название города – Тюмень – защищает директор краеведческого музея, орденоседец Россомахин. При этом он ссылается на какие-то царские летописи, имеющие якобы большую историческую ценность...

Уроженца Тюмени краеведа Россомахина, награждённого за участие в Гражданской войне орденом Красного Знамени, поддержал авторитетный партийный чиновник, член Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и Верховного суда СССР Арон Сольц.

В 1907 году его за революционную деятельность направили под надзор полиции в Тюмень. Здесь он издавал нелегальную газету «Тюменский рабочий». Через аресты, тюрьмы и ссылки он пронёс тюменскую партийную кличку «Андрей», которая стала его литературным псевдонимом. Среди большевиков Сольца больше знали под другим именем – «Совесть партии». Повлиять на его мнение считалось невозможным. Поэтому спорить с ним о переименовании Тюмени в Красин не решились ни Кабаков, ни Калинин. А Тюменский горсовет ограничился постановлением от 31 января 1928 года: «...По ходатайству учащихся мелиоративного техникума имени Л.Б.Красина переименовать Телеграфную улицу в улицу Красина».

Новые названия

После смерти от сердечного приступа в июле 1926 года председателя ОГПУ и одновременно главы ВСНХ (Всесоюзный совет народного хозяйства) Ф.Э.Дзержинского в Тюмени переименовали улицу Садовую.

Улица Ленина (Спасская)
Фото Виктория Ерманова

В ленинском окружении немногие революционеры могли похвастаться таким набором заслуг перед революцией, как у Дзержинского. В 40 лет (1917) за его плечами – 12-летний стаж политической борьбы, подполья, шесть тюремных и каторжных сроков, одиночки и карцеры, драки с конвоем, побеги, эмиграция и подхваченный в Седлецкой тюрьме (Польша) туберкулёз. Не случайно поэт Маяковский советовал «юноше, обдумывающему жизнь, решающему – сделать бы жизнь с кого... делать её с товарища Дзержинского».

Для многих поколений советских людей образ председателя ВЧК – Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (с 20 декабря 1917 года) был прост и хрестоматийен: волевое лицо с бородкой клинышком, кристально честный аскет и бессребреник, ходивший в одной шинели и сапогах, принципиально питавшийся в общей столовой ВЧК на Лубянке вместе с подчинёнными. Безжалостный к врагам революции чекист, но одновременно добрейшей души человек, помогавший беспризорникам. Этот образ, непрерывно тиражировавшийся советской литературой и кинематографом, сложился в итоге в довольно простой типаж – «холодная голова, горячее сердце и чистые руки».

Из массы воспоминаний о Дзержинском особенно примечательны слова Максима Горького: «Он заставил меня полюбить его». В режущем слух диссонансе между «заставил» и «полюбить» – вся судьба Дзержинского, сочетавшего любовь к социалистическому учению о светлом будущем с попыткой заставить общество идти в него самыми жестокими методами.

Смерть 48-летнего Дзержинского вызвала многочисленные толки. Добираясь до провинции, они принимали самые причудливые формы. Не случайно ОГПУ направило на места такую шифртелеграмму: «Всем начальникам окротделов... В связи с последовавшей 20 июля

Тюмень. - Царская ул.

скоропостижной кончиной Ф.Э.Дзержинского предлагается дать задание информационной сети, агентуре и спецосведомлению на предмет выяснения настроений всех слоёв города и деревни, главным образом рабочих и отдельных групп крестьянства, а также служащих, спецов, обывателей и прочих».

О степени политического невежества и равнодушия провинции к деятельности советских вождей свидетельствует донесение осведомителя «Земляк» Тюменского окротдела ОГПУ: «21 июля приехавшие на праздник в город крестьяне один другого спрашивают: что значат чёрные флаги на домах? По этому поводу можно было слышать, что умер какой-то большой коммунист, по фамилии нерусский, который за мужиков стоял и берёт ихнюю копейку, поэтому жалко такого человека.

Среди крестьян завязался спор, кто старше: Ленин или Дзержинский? Пришли в конце концов к заключению, что самым главным был Ленин. Как высказался один гражданин из села Кулакова (фамилию выяснить не удалось): «Ленин был больше Бога». Некоторые крестьяне не верят, что Дзержинский помер через три часа после своего доклада на каком-то собрании, и говорят: «Видно, другое случилось, что от нас скрывают».

В последнее время снято несколько документальных фильмов, обсуждающих обстоятельства смерти Дзержинского и косвенно намекающих на возможность его отравления. Однако, кроме каких-то странностей с актом вскрытия тела, никаких доводов в пользу тайной ликвидации основателя ВЧК по приказу Сталина или мстителями из белого лагеря не приведено (для советских людей в газетах тогда, в 1926 году, написали, что «сердце Феликса сгорело в борьбе за революцию»).

После упокоения у Кремлёвской стены Дзержинский превратился в застывший образ всегда правого и справедливого чекиста № 1, в грозу контрреволюционеров, коррупционеров, спекулянтов и друга советских людей.

Улица Царская
fotostarina.ru

Что касается улиц имени Железного Феликса (в СССР 1254 проспекта и улицы носили его имя, и 89 населённых пунктов были названы в память о нём), то преимущество для переименования имели улицы, где размещались наркоматы, управления и отделы органов безопасности и внутренних дел.

В Остяко-Вогульске (ныне Ханты-Мансийск), построенном в начале тридцатых годов прошлого столетия крестьянами-спецпереселенцами, это требование было учтено ещё при проектировании посёлка: здание окружного УВД стоит на улице Дзержинского.

В Тюмени, входившей с 1923 по 1933 год в состав Уральской области на правах окружного центра, отдел ОГПУ-НКВД находился в доме купца Брюханова на углу уже переименованных улиц Республики (бывшая Царская) и Семасова, председателя Тобольского уездного исполкома совета рабочих и крестьянских депутатов, убитого в 1921 году при подавлении антибольшевистского крестьянского восстания (бывшая Подаруевская). Менять ещё раз революционные и героические названия этих улиц Тюменский окргорсовет не решился. Переименовали улицу Садовую, начинающуюся от реки Туры и пересекавшую главные улицы города – Республики и Ленина (бывшую Спасскую).

Местные острословы шепотком обсуждали переименование Садовой, намекая на однокоренные слова «садить» и «сажать». Но скоро к новому названию привыкли, тем более что прежнее название не исчезло из топонимики Тюмени: в Садовую переименовали Татарскую, берущую своё начало от закрытого в 1923 году Свято-Троицкого монастыря (улица Садовая есть и в посёлке Антипино, входящем сейчас в черту города). А превращённая в пешеходную улица Дзержинского стала одной из главных достопримечательностей нашего города.

В эпоху большого террора тридцатых годов прошлого столетия преемственность делу Железного Феликса символически выразили в переименовании примыкавшей к улице Дзержинского Томской в улицу наркома внутренних дел Ежова. Вся страна распевала тогда прославляющую чекистов песню:

*Мы Дзержинского заветы
Ярче пламени храним,
Мы свою Страну Советов
По-дзержински сторожим.
Эй, враги в личинах новых,
Вам не спрятать злобных лиц,
Не уйти вам от суровых,
От ежовых рукавиц.
Не пролезть ползучим гадам
В сердце Родины тайком.
Всех заметит зорким взглядом
Наш недремлющий нарком.*

Но после того как в ноябре 1938 года «недремлющего наркома» убрали из НКВД и без огласки расстреляли, эту песню петь перестали. Улицу

Ежова переименовали в память знаменитой лётчицы Полины Осипенко.

Новые названия улиц заменяли прежние в пропагандистских целях в зависимости от политической обстановки в стране.

Сургутский переулок назвали именем убитого в июне 1927 года в Варшаве советского посланника Войкова, причастного к решению Уралоблсовета о расстреле в июле 1918-го в Екатеринбурге экс-императора Николая II, его семьи и слуг. Не забыли увековечить в Тюмени не имевших никакого отношения к нашему городу, но казнённых в США на электрическом стуле в августе 1927 года анархистов итальянского происхождения Николы Сакко и Бартоломео Ванцетти, переименовав Большую и Малую Разъездные улицы.

Тогда же тюменское городское начальство «прогнулось» перед областным уральским, назвав Солдатскую, где находилось двухэтажное деревянное здание военкомата, улицей секретаря Уральского обкома ВКП(б) Шверника. Стриковскую улицу, названную именем Троцкого, после его изгнания в 1929 году из СССР за оппозиционную деятельность переименовали в улицу вдовы Ленина Крупской. За несколько месяцев до своей смерти в 1938 году она навестила своего супруга в Мавзолее. Говорят, постояв немного у его саркофага, она тихо сказала: «Он всё такой же, а я старею».

«Урожайным» на новые названия тюменских улиц стал 1934 год. Страна ликовала по поводу спасения команды и пассажиров раздавленного во льдах Чукотского моря парохода «Челюскин». В июне Тюмень встречала поезд с героями-челюскинцами. Название Челюскинцев получили улица Иркутская и сапоговаляльная фабрика на улице 4-й Механической. Девять улиц (!) назвали именами спасателей – полярных лётчиков, первых Героев Советского Союза. К ним добавились улицы организаторов ледовых экспедиций – Папанина, Шмидта, Ширшова, Кренкеля... И первых стахановцев-передовиков железнодорожного и автомобильного транспорта – Кривоноса, Лунина, Бусыгина.

Но к концу года ликование стихло: 1 декабря в Ленинграде в Смольном психопат Николаев застрелил партийного секретаря Кирова. Организаторами убийства назвали перешедших с 1927 года в оппозицию к Сталину, занимавших руководящие посты в государстве и коммунистическом Интернационале соратников Ленина Каменева и Зиновьева. Через два года на процессе «Троцкистско-зиновьевского объединённого центра» они признались в терроризме, вредительстве, шпионаже и были расстреляны (реабилитированы в 1988-м).

А в Тюмени появились улицы Кирова (вместо Крестьянской) и Димитрова, болгарского коммуниста и нового председателя Коминтерна (вместо улицы Зиновьева). В 1937 году к ним добавилась улица Орджоникидзе (вместо Ишимской). По

Улица
Дзержинского
(Дзержинского)

Фото Виктория Ермакова

официальному сообщению, опубликованному в центральной и местной печати, член Политбюро ЦК ВКП(б), народный комиссар тяжёлой промышленности, революционный соратник и друг Сталина Орджоникидзе (Серго) 18 февраля 1937 года «внезапно во время дневного отдыха почувствовал себя плохо, и через несколько минут наступила смерть от паралича сердца».

Только через двадцать лет стало известно, что он застрелился (по другой версии – его убили по приказу Сталина: якобы Орджоникидзе собирался выступить на очередном партийном пленуме против репрессий).

Улицу необоснованно репрессированного в 1938 году маршала Блюхера в заречной части Тюмени переименовали в улицу разбившегося 15 декабря того же года во время испытательного полёта знаменитого лётчика Чкалова.

По поводу такой череды переименований газета «Красное знамя» осторожно заметила: «Переименование улиц в Тюмени произведено, но почему-то работники Горкомхоза при вывешивании надписей с новыми наименованиями улиц не сняли старые надписи. Например, на бывшей Ишимской две надписи – «Ишимская» и «Орджоникидзе». На улице Шверника сохранились надписи «Солдатская». На некоторых углах есть такие надписи: «2-я Казачья», а ниже – «Грибоедова». В результате двойного наименования улиц население не знает, как правильно назвать ту или иную улицу. Не пора ли убрать музейные надписи?»

Свои коррективы в уличную топонимику Тюмени внесла Великая Отечественная война.

Время героев

Поражение немецко-фашистских войск под Москвой в декабре 1941 года совпало с названием именем Зои Космодемьянской улицы, прилегающей к нынешнему Комсомольскому скверу (заложен в апреле 1961 года).

В июле 1942 года в оккупированном городе Краснодоне Ворошиловградской области (сейчас Луганская Народная Республика в составе Российской Федерации) стихийно возникли несколько молодёжных подпольных групп, объединившихся в организацию «Молодая гвардия». Тайком слушали по четырём спрятанным радиоприёмникам сводки Совинформбюро о положении на фронте, распространяли листовки, вывесили в канун 25-й годовщины Октября восемь красных флагов...

После хищения из немецкого обоза рождественских посылок для солдат и офицеров вермахта созданная оккупантами из местных жителей уголовная полиция вычислила «молодогвардейцев». Замученных до смерти, а некоторых и живых юношей и девушек (71 человек) в январе 1943 года сбросили в шурф шахты № 5. Руководителей «Молодой гвардии» Олега Кошевого и Любовь Шевцову расстреляли 9 февраля.

15 сентября того же 1943 года в «Правде» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Ульяне Громовой, Ивану Земнухову, Олегу Кошевому, Сергею Тюленину, Любови Шевцовой и о награждении орденами других молодогвардейцев. В этой же газете поместили очерк Александра Фадеева «Бессмертие», развёрнутый им в роман «Молодая гвардия» и экранизированный режиссёром Сергеем Герасимовым.

О юных краснодонцах узнала вся страна. В Тюмени на окраине тогдашнего посёлка Железнодорожников появились улица и переулок Молодогвардейцев. Потом к ним добавилась улица Олега Кошевого. Другие улицы, названные в честь Громовой, Земнухова, Тюленина и Шевцовой, расположившиеся у Вторых путей между нынешними улицами Белинского, Таврической и Клары Цеткин исчезли в шестидесятые-семидесятые годы прошлого столетия.

В настоящее время, когда Тюмень помогает Краснодону и ЛНР в развитии жилищно-коммунального хозяйства, медицины и образования, можно восстановить преемственность поколений и вернуть имена молодогвардейцев новым улицам нашего города.

Из героической партизанской когорты (249 партизан удостоены звания Героя Советского Союза) Тюмень выбрала для названий своих улиц имена Лизы Чайкиной, Константина Заслонова и Марите Мельникайте. О расстрелянной фашистами по доносу предателя 22 ноября 1941 года в селе Пено Калининской области партизанке страна узнала благодаря очерку Бориса Полевого «Жанна д'Арк верхневолжских лесов», поэме Николая Тихонова «Лиза Чайкина» и повести Николая Бирюкова «Чайка», удостоенной в 1951 году Сталинской премии.

О легендарном командире партизанского соединения Белоруссии Заслонове написал военный корреспондент газеты «Известия» Эзра Виленский, ранее отличившийся в информационном

освещении арктической экспедиции героев-папанинцев. А вышедший в 1949 году на экраны фильм режиссёра Файнциммера «Константин Заслонов» стал, как сейчас выражаются, «культовым» для тюменских железнодорожников.

И о литовской партизанке Мельникайте режиссёром Строевой в 1947 году снят фильм «Марите», а поэт Семён Кирсанов сочинил поэму, но назвал её «Мария Мельникайте». Улица её имени появилась в Тюмени ещё и потому, что комсомолка Мельникайте была эвакуирована в наш город и работала здесь на заводе «Механик» до заброски на территорию оккупированной немцами Литвы.

Улицу Героя Советского Союза Александра Матросова, примыкавшую к построенной в 1939 году школе № 5 (в войну в ней размещался нейрохирургический госпиталь на 700 коек, эвакуированный в Тюмень в июне 1941 года из Изюма Харьковской области), назвали его именем не по партийному указанию, а под воздействием художественной литературы и кинематографа.

О своих героях, уроженцах Тюмени и образованной 14 августа 1944 года Тюменской области заговорили через три года.

Продолжение следует.

Улица
Водопрводная
(Водопрводная)
Фото Виктория Ермакова

СУТЬ ДЕЛА

Промысел – это не птичек пострелять. Труд специфический. И работник, заключивший договор со специализированным предприятием, к примеру с госпромхозом, так и называется: охотник промысловый. То есть штатный. Профессионал

Дыхание фольклора

Архив Надежды Бойко, фото Нина Корякина

Петь, чтобы объединяться

Подошла к концу рабочая неделя, и друзья собрались за большим столом. Не ради угощения – мне кажется, что во время этих встреч они и чаю-то попить не успевают. У них другая радость – песня. То весёлая плясовая – стоит ей зазвучать, тут же хочется расправить платок на плечах и пройтись по комнате, пристукивая каблучками. То походная, бравая и раскатистая, – с такой нашим прадедам на марше путь казался короче. А уж если поход окончен, значит, пришло время любви и свадеб. Для этого случая у моих знакомых песен тоже полные закрома.

Текст **Виктория ЕРМАКОВА**

С РУКОВОДИТЕЛЕМ СТУДИИ семейного творчества «Летице» Ольгой Лапчинской мы познакомились год назад. Тогда же и разговорились: о сибирском притяжении, казалось бы, почти необъяснимом для уроженки небольшого шахтёрского городка в Луганской области. О том, что это притяжение не ослабевало и наконец привело Ольгу, профессионального музыканта и педагога, в наши края. О том, как север её окончательно покорил, а потом стал для неё вторым домом. Свыкаясь с местной жизнью, уже всем сердцем любя здешний суровый быт, природу и людей, её окружавших,

но ещё не до конца вникнув в наши традиции, она огорчалась, не понимая, кому здесь будет интересен её песенный багаж. Ольга с юности знала огромное количество казачьих песен – изучала их, исполняла... А переехав сюда, не сразу почувствовала, что у Тюмени свои исторические связи с казачеством. И только обратившись к прошлому Сибири, узнав про Ермака и его первопроходцев, получила долгожданный ответ.

– Я увидела в местном краеведческом музее старинную одежду, в точности такую, как носили казаки Азова, Новочеркасска, донских степей, и уже не сомневалась, что найду здесь единомышленников. Фольклорную команду, созданную на базе музыкального отделения Тюменского педагогического училища, так и назвала: «Казачья песня». С первыми его участниками мы дружим до сих пор: едва соскучимся друг без друга – собираемся вместе и поём... А в далёком 1996 году практически всем составом перешли в Дом семейного творчества «Родник», где я начинала как педагог-организатор...

Именно начинала... Потому что всего через год прежний директор «Родника» увидел в Ольге Викторовне свою преемницу и уговорил её взять на себя обязанности руководителя. Вместе с этими обязанностями моей собеседнице досталась и совсем уже непростая задача – отремонтировать старинный особняк со статусом памятника архитектуры, который занимало вверенное ей учреждение. Новый опыт она приняла с благодарностью. Давно отошли на второй план пережитые трудности и волнения, и если Ольга вспоминает то время, то только потому, что оно приводило к ней надёжных друзей и партнёров, многие из которых рядом до сих пор. А ещё в те самые годы закладывались творческие связи с располагавшимся по соседству Центром эстетического воспитания «В доме Буркова». Со временем «Родник» и Дом Буркова слились в одно образовательное пространство, и в глубине души моя собеседница уверена, что предпосылки их объединения закладывались в пору тех ярких, совместно организованных мероприятий. И именно тогда же пришло важное понимание, направившее Ольгу Викторовну на её сегодняшний путь. Она почувствовала, как должен дышать фольклор.

Родом из «Родника»

– Народная песня не возникает сама по себе – она тесно связана с праздниками или с повседневными заботами, приурочена к временам года. Возьмём хотя бы осенне-зимний сезон: урожай давно убран, и холод гонит под крышу всех домочадцев. Это пора, когда семьи возвращались к основным домашним хлопотам, к любимому рукоделию. Замужние женщины садились ткать или вышивать, скрашивая долгие часы за работой протяжными лирическими песнями. А ещё, несмотря на унылые пейзажи за окном, для наших предков начиналась пора веселья, и особенно

этому времени радовалась молодёжь. Едва смеркалось, юноши и девушки собирались на «капустные» посиделки: делали заготовки, а в перерывах плясали и пели – не отсюда ли пошли всеми любимые студенческие «капустники»? Постепенно кадки и бочки в домах наполнялись соленьями, но вечерки не утрачивали прежнего размаха – это также было время знакомств и ухаживаний, когда молодые приглядываются друг к другу, выбирают пару для семейной жизни. Осень – традиционно и время свадеб, а свадебные обрядовые песни – отдельный глубочайший пласт русского фольклора... И вот с самой юности, увлечённая изучением старинных традиций, я мечтала, что однажды у меня появится пространство, где запросто будут собираться представители разных поколений. Чтобы, как в настоящей русской избе, каждый занимался тем, к чему лежит душа: резал по дереву, осваивал гончарный круг, знакомился с национальными узорами. И чтобы обязательно все пели, а ребяташки, глядя на старших, перенимали их мастерство, напивались родной культурой. Такую возможность мне подарил «Родник», на рубеже девяностых и нулевых собравший коллектив увлечённых педагогов.

Сохранился дом семейного творчества как самостоятельная структура, в уходящем году он отметил бы своё тридцатилетие, говорит Ольга Викторовна. Когда-то в нашем городе невозможно было отыскать другое место с подобным бережным отношением к знаменитым промыслам края – объёмной резьбе, ковроткачеству, урало-сибирской росписи... И здесь же, бок о бок с прикладниками, развивались вокальные ансамбли: детский «Коробейники», подростковый «Красные девицы», да и «Казачья песня», попав в эту питательную среду, расцвела и окрепла.

– В этих стенах мы смогли вернуться к старинной традиции, предполагавшей, что песню подерживают все от мала до велика. К сожалению,

Ольга Викторовна Лапчинская
Фото Виктория Ермакова

особенно в крупных городах она была утрачена за десятилетия насильственного разобщения семей. Взять хотя бы советскую систему распределений, когда молодёжь разъезжалась по отдалённым регионам, чтобы там осесть и пустить корни, а потом их дети точно так же отрывались от дома, ехали осваивать незнакомые уголки страны. Нарушение преемственности поколений было настолько неестественным, что едва появилась возможность, начался обратный процесс: сегодня люди возвращаются к земле, строят большие дома, приглашают к себе родителей. И параллельно, собирая, объединяя свой род, начинают интересоваться его истоками: из каких мест были их предки, как давно перебрались в Сибирь? Возникает желание узнать и более тонкие детали: какими ремёслами владели их прадеды, как одевались, какие песни пели? Кстати, казачья песня – прекрасная основа для объединения. Походный мотив прост, его может подхватить даже ребёнок, а подпевая отцу или деду, он начинает вслушиваться в более сложные мелодии, со временем пробует их освоить. То же самое с мастерством: внучка приходила в «Родник» вместе с бабушкой и, глядя на её шитьё, бралась за иглолку, а мальчик, насмотревшись на работу взрослых, пробовал сделать игрушку из дерева или глины. Мы жили как одна большая семья: показывали малышам народные игры, а их родители в это время занимались реконструкцией старинных костюмов, изучали основы ковроткачества или домовой росписи. А когда старшие шли петь, ребята сидели рисовать, плести украшения из бисера, делать куклы-обереги. И, естественно, любой, устав сидеть на месте, мог подняться, чтобы подержать поющих или пройти с ними в хороводе.

Наше «Летице»

В народной среде никто специально не отбирает таланты, подчёркивает Ольга Викторовна. На тех же вечерках в общем веселье участвовали

Народные игры и музыка помогают приобщить детей к русской культуре

Архив Надежды Бойко, фото Нина Корякина

все желающие, и каждый был в чём-то хорош. Одни заводили песню, другие её подхватывали, третьи просто подпевали. А кто-то и подыграть мог: если не на балалайке или жалейке, то уж точно звонким бубном поддерживал ритм. Эта нужность, сопричастность, эта разделённая с окружающими радость совместного деяния до сих пор остаётся неизменной чертой народных праздников. Возможно, именно поэтому так много времени и сил моя собеседница уделяет своему волонтерскому проекту «Летице». Это её способ поучаствовать в сохранении русских традиций, исконных семейных ценностей. И, конечно же, вместе с единомышленниками вволю, полной грудью надышаться любимым фольклором.

– Откуда взялось наше название? Запала в душу строчка из песни-веснянки: «Весна красна, тёплое летице...» Что касается коллектива, он, надо сказать, не совсем обычный – не концертный, не сценический. Я не готовлю его участников для выступлений. Наша направленность – бытовая. Мы собираемся, чтобы петь и параллельно заниматься каким-нибудь делом. И наши детки вместе с нами: хотят – поют, хотят – организуют свой кружочек и тихонько между собой общаются. Собственно, одиннадцать лет назад «Летице» и создавалось как детский фольклорный ансамбль. А потом я заметила, что родители, приводившие сюда ребятшек, тоже начинали интересоваться культурой – как прикладной, так и песенной... Постепенно коллектив оказался на слуху и разросся. Сегодня на наши вечера в среднем собирается до тридцати человек. И не страшно, что вчерашние школьники выросли и у них появились новые интересы. Я понимала: где-то выпускной класс, где-то экзамены в вузе... Но как же мне было приятно, когда спустя какое-то время прежние ученики начинали к нам возвращаться! Вернулась, например, Виктория Гришина, занимавшая у меня целых шесть лет, а я, представьте, её не сразу узнала! Помнила совсем девочкой, а тут зашла рыжеволосая девушка-красавица!

Заметные коррективы в отлаженную жизнь коллектива внесли пандемийные годы. Площадки, предназначенные для встреч и общения, тогда закрывались, многие навсегда меняли формат. Начали рваться и, казалось бы, неразрывные нити, связывающие «Летице» (с 2020 года ансамбль перерос в студию семейного творчества) с «Домом Буркова». Благо, укрепились другие связи, некогда зародившиеся в этих стенах. Настоящим другом и творческим партнёром студии оказался музей истории крестьянского быта в деревне Насекина, созданный под руководством Инны Александровны Нестеровой. Сегодня это целое подворье, рассказывающее об укладе сибирской крестьянской семьи. Ольга Викторовна с друзьями выезжает туда на любимые праздники: Масленицу, Осенины, Рождество. А иногда и просто так – пройти по полю и от души попеть под гармошку. Ведь нигде голоса не звучат так чисто и

свободно, как там, где песня рождалась – в избе, или посреди широкого двора, или среди берёз на берегу неспешной речки.

В обычные дни встречи коллектива проходят на принадлежащей музею городской площадке, и за это снова спасибо Инне Александровне. Помещение, надо сказать, по-своему удивительное, не случайно, первый раз сюда попав, я долго вглядывалась в интерьеры, буквально ими напивалась. Возможно, есть дни, когда оно пустует, но мне показалось, что творческий процесс не прекращается здесь ни на минуту. Огромный стол вдоль окон заставлен баночками с краской. Рядом дощечки с уже упоминавшейся урало-сибирской росписью – где-то видна рука профессионала, где-то – ученические пробы. Последнее вполне объяснимо: хозяйка площадки осваивала эту технику под руководством народного мастера Веры Быковой, а сегодня сама – известная её пропагандист... Тут же вязаные скатерти, коробка с незаконченными обереговыми куклами, расписные лошадки-качалки, старинное зеркало

**Педагог Татьяна
Викторовна
Калинина
с Катей Бойко**

Архив Надежды Бойко,
фото Нина Корякина

в деревянной оправе – ни в такое ли гляделись наши прабабки, прихорашиваясь перед вечерками? И хотя отчасти «Летице» возвращает нас к этим песенно-рукодельным вечерам, его не стоит воспринимать только как клуб для встреч старых и новых друзей. Каждому он даёт своё: кто-то развивает здесь способности, кто-то воплощает мечты и идеи.

Петь умеют все!

Интерес к народной культуре привёл в «Родник» Татьяну Агibalову. Ей, маме четырёх ребятшек, не просто хотелось окунуться в творчество – она искала ценностную опору для будущего своей семьи. И ниточка потянулась: многие годы Татьяна не только поёт в коллективе, но и изучает историю костюма. И шьёт – для себя и своих подруг: «Не могу пока назвать то, что я делаю, реконструкцией. Работы реконструкторов видела на больших фестивалях, таких, как «Димитриевская суббота», но создание аутентичного казачьего костюма – удовольствие дорогое. Надо заказывать кожаную обувь, наборы украшений, кружева, сплетённые на коклюшках. Да и ткани казачки старались выбирать побогаче, чтобы отличаться от обычных крестьянок, часто использовали шёлк или бархат... Я изучаю литературу, смотрю, какие особенности были у женского сибирского наряда, и обязательно учитываю их, когда сажусь за работу. Сшила себе казачью «парочку» и крестьянское полуплатье, чтобы появляться на фольклорных праздниках. Собираюсь глубже изучить белорусский костюм – у меня папа белорус, хоть и родился в Сибири. А ещё от родственников я слышала, что наши предки держали казачий разъезд. Пока не могу их слова подтвердить – основные земли казаков лежали южнее Ишима, а теперь оказались на территории Казахстана. Сведений по этой теме мало, но может быть, однажды я узнаю что-то для себя важное...»

Если в жизни Татьяны краеведение не выходит за рамки хобби, другая участница студии – Надежда Бойко – несколько лет вела в Доме Буркова краеведческую программу «Мой город». Тогда же её дочери Мария и Екатерина занимались у Ольги Викторовны, а вечерами и педагоги задерживались на рабочем месте, чтобы попеть в своё удовольствие: «Помню, как мы жили: начинали дело и сами в него влюблялись. В одной из комнат бывшего купеческого особняка воссоздали крестьянскую избу: расписали стены, принесли утварь, повесили старинные занавески. Начали водить на экскурсии. И наши дети были рядом – знакомились с народными играми, учились носить русские костюмы. Сейчас мои старшие девочки приходят в основном на праздники, которые устраивает «Летице», – у них появились свои дела и заботы, но младшую, Софию, стараюсь брать сюда как можно чаще. Помню, что в детстве я стеснялась петь, только иногда подпевала бабушке. Вот у кого был

**Любимые всеми
часы творче-
ских занятий**

Архив Надежды Бойно,
фото Нина Корякина

прекрасный голос – близкие её так и звали: певунья! И внуков она стремилась этому приобщить, часто звала: пойдёмте, детки, попоём... Бабушке уже 96 лет, но мыслит она по-прежнему ясно. И, знаете, мне удалось осуществить давнюю свою мечту: я приехала к ней повидаться и спела для неё – красиво, как научилась в нашем коллективе».

Ещё одна представительница семьи с глубокими песенными традициями – Надежда Шалимова. Сегодня в Доме Буркова она обучает молодёжь игре на гитаре, а когда-то была студенткой Ольги Викторовны и одной из первых участниц её «Казачьей песни». Перейдя вслед за своим педагогом в «Родник», создала ансамбль «Красные девицы»: в девяностые, когда наша страна влюблённо поглядывала на Запад, в российских городах, оказывается, рождались и становились популярными такие вот самобытные коллективы.

– Одним из основателей фольклорного молодёжного движения считается музыкальный педагог, москвич Андрей Сергеевич Кабанов – собиратель, исследователь, исполнитель народных песен. Он предпочитал работать с непрофессионалами, поющими не столько по нотам, сколько от души, и по всей стране у него нашлись последователи. А поскольку наше руководство шло нам навстречу, мы регулярно выезжали на различные фестивали, встречались с Кабановым, приглашали его в Тюмень. У него, кстати, вся семья поющая: сегодняшние лидеры фольклорного движения – его дети.

Надежда родом из Архангельской области. Вот где тягучие напевы, так мало имеющие общего с ритмами казачьих песен. Песенная традиция казаков – преимущественно мужская. Женщины, её переняв, начинали петь низко, а у Надежды от природы голосок как серебро... Но она училась у Ольги Викторовны, и сегодня, кажется, два её разных голоса звучат одинаково проникновенно... Кстати, оказалась в наших краях она благодаря отцу-лётчику. Это он попал по распределению с одного севера на другой, работал в Плеханово, а когда уволился, несколько лет преподавал в «Роднике» резьбу по дереву. Сейчас вышел на пенсию – дома плетёт корзины.

– У меня и мама поёт, а бабушка ещё и на балалайке играла. И гармонистов в родне могу припомнить... Но совершенно удивительным человеком была моя прабабка. Дожила до 103 лет. Знала наизусть Библию, пела в церковном хоре. Дважды из родных мест ходила паломницей в Киев. По дороге зарабатывала на пропитание: выучила огромное количество потешек и пестушек, и её охотно приглашали нянькой.

К разговору присоединяются Наталья Мирошниченко и Людмила Косинцева. Людмила в коллективе недавно, но уже успела проникнуться атмосферой этих тёплых песенных вечеров. И тоже начала для себя шить, а ещё – записывать песни, чтобы поскорее их выучить. Улыбается: «Ольга Викторовна – это магнит. И зажигалка! То, о чём она говорит с любовью, не полюбить невозможно. Я когда-то пела в хоре и с особым удовольствием танцевала. А годы спустя вернулась к этим занятиям, да ещё на художественное творчество нашла время...» Наталья Мирошниченко с ней соглашается, вспоминает, как однажды попросилась к Ольге Лапчинской послушать песни, а та немедленно пригласила её присоединиться к поющим. Попытку отказать, сослаться на неумение парировала своей убеждённостью: петь умеют все! «Так и вышло:

**В музее кре-
стьянского
быта, деревня
Насекина**

Архив студии «Летице»
фото Александр Романов

я искала коллектив для дочери, а влилась в него сама. Зато мои дети, соприкоснувшись с казачьей культурой, не стали ограничиваться пением. Сегодня они занимаются в «Кижеватовце» у известного тренера, казака Вадима Недоступа. Мою дочь, кстати, он пригласил к себе сам, когда узнал, у кого она занималась...

Каждый участник студии мог бы, наверное, рассказать о себе немало интересного, но время занятий шло к концу, и многие уже торопились по домам. И всё-таки на прощание Ольга Викторовна познакомила меня с семьёй, о которой невозможно не сказать хотя бы нескольких слов. Пятнадцать лет назад Александра Боровинская привела в «Родник» сыновей Всеволода и Семёна и, как и многие другие родители, попала под обаяние этого места.

– Выступления на публике – конкурсы, концерты, музейные ночи, в которых благодаря нашим педагогам мы постоянно участвовали, – помогали детям развиваться. Ольга Викторовна – профессиональный пианист, у неё Сева начал играть на фортепиано. А Семёну больше нрави-

лась гармонь – он и сегодня с ней не расстаётся. Ещё глубже в традиционную культуру нас погружали слёты движения «Трезвая Россия» – мы каждое лето туда выезжали, жили в палаточных лагерях, и, слушая живое исполнение, ребята полюбили протяжные русские песни. Сегодня они учатся в ТюмГУ на специальности «Техническая физика», и там, в молодёжной среде, Всеволод создал Студенческое творческое объединение «Беседа по-Сибирски», а Семён стал ему помогать. По сути, это те же вечерки – с играми, песнями, бытовыми танцами. Для общения, для знакомства с родными традициями. Кроме того, Всеволод делает русские музыкальные инструменты – струнные, смычковые, духовые. Говорит: главное – понять принцип... Благодаря Сёме он тоже полюбил гармошку. Сейчас купил две сломанных, мечтает их починить... И, конечно, мы не расstaёмся с «Летице» – приходим на песенные вечера, выезжаем на этнофестивали. Здесь годами сохраняется важнейшее умение – слышать друг друга, а потому у этих встреч мощный терапевтический эффект.

Вдали от городской суеты, там, где песня рождалась, она звучит особенно чисто

Архив студии «Летице»
фото Александр Романов

«Освещать «Фонарём науки»

Вряд ли можно найти в нашей стране человека старше пятнадцати лет, который не знал бы, кто такой Менделеев. Описание вклада, внесённого Д.И.Менделеевым в российскую и мировую науку, способно превратиться в увесистый том.

К юбилею Д.И.Менделеева

Текст **Татьяна СОЛДОВА (МАТИКАНСКАЯ)**

ЕГО ЖИЗНИ и деятельности посвящены сотни, если не тысячи исследований, монографий, научных и популярных статей. О Дмитрии Ивановиче вспоминали десятки мемуаристов, поэты сочиняют о нём стихи, драматурги пишут пьесы. Его именем называют звёзды, населённые пункты, корабли, заводы, учебные заведения... Его открытия и достижения в разных направлениях человеческого познания изучают инженеры, агрономы, химики, физики, математики и даже искусствоведы.

Однако проведём небольшой эксперимент: спросим в нашем городе Тобольске, на родине знаменитого учёного, у прохожих на улице, у студентов в учебном заведении, у покупателей в магазине – о чём говорит им фамилия Менделеев.

– Ну, это всем известно: великий химик!

– Конечно, знаю: он периодическую систему придумал.

– Ага! Она ему во сне приснилась!

– Он у нас в Тобольске родился... и, это, похоронен на кладбище.

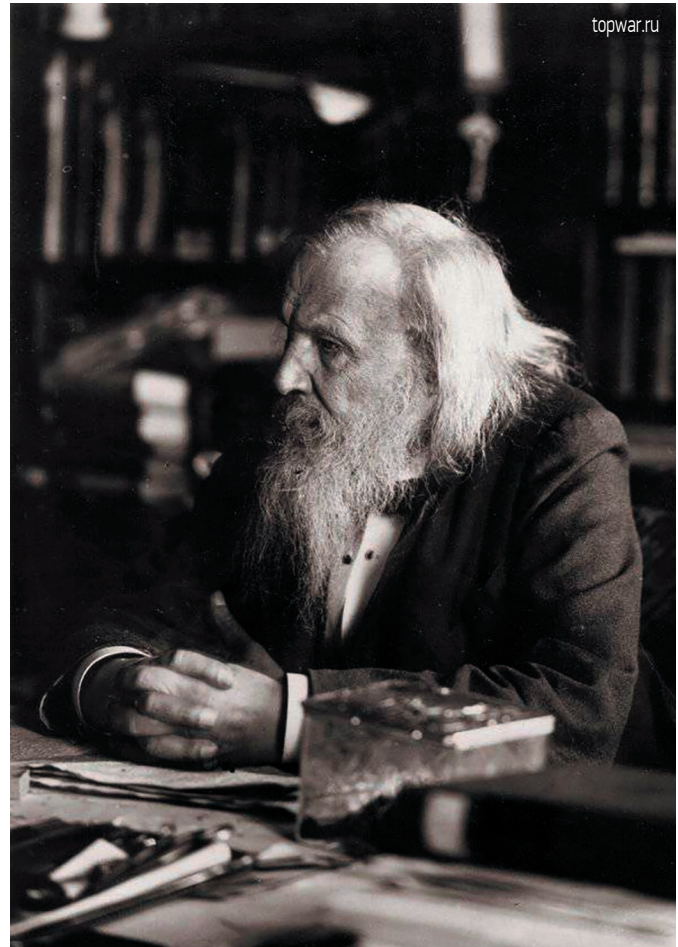
– Не-а, чо ты гонишь? Он в Москве или Питере умер. Это у нас Ершов похоронен, который «Конёк-Горбунок».

– Менделеева весь мир знает!

– А я, между прочим, на проспекте Менделеева живу...

– Это такой мощный дядька. У него борода и волосы как бы длинные... Да вон на Комсомольском его памятник стоит.

Конечно, улица или магазин – не место задавать серьёзные вопросы и ждать глубоких ответов на них. Но если попытаться узнать, в чём суть научных открытий Д.И.Менделеева, каков диапазон его творческих интересов, каким он был человеком и как складывалась его судьба, большинство опрошенных только разведут руками. Недавние школьники скажут, что им это не рассказывали, а если и говорили, то всё запомнить невозможно. Люди постарше: когда-то слышали или читали, но толком не

знают. Разве попадешь на студента химика-физика или на учителя... Но и от них можно услышать такой ответ: «Научные открытия Менделеева очень сложны – неспециалисту понять трудно. Достаточно знать, что он был великим реформатором и во многом предугадал будущее химии, причём не только фундаментальной, но и прикладной».

А ведь и правда, достаточно!

Другое дело – почувствовать за этими абстрактными словесными формулами – «великий учёный», «химик с всемирной известностью», «гениальный ум», «энциклопедист» – живого человека, ЧЕ-ЛО-ВЕ-КА! С его радостями и огорчениями, ошибками и победами, особенностями характера и поведения. Только тогда, когда мы узнаём живую жизнь знаменитости, формируется наше эмоциональное отношение к ней. Нет знания личности – каким бы великим ни было её имя, – нет притягательной силы к ней. Есть лишь рассудочно-равнодушное осознание её значимости.

Общеизвестно, что человека во многом формирует среда, особенно в то время, когда закладывается характер, – в пору детства и отрочества. «Все мы родом из детства» – изречение, в наше время ставшее «ходовым», но не утратившее от этого свою истинность, наоборот, эта истинность и сделала его таким популярным.

Дед Дмитрия Ивановича со стороны отца – Павел Максимович Соколов – был священником в Тверской губернии. Все его четыре сына, как в то время было принято у священнослужителей, ещё в годы обучения в низших духовных заведениях получили разные фамилии. Самый младший, Иван, отец будущего учёного, стал именоваться Менделеевым.

Мария Дмитриевна, мать Дмитрия Ивановича, – коренная сибирячка. Она происходила из старинного рода богатых, предприимчивых и просвещённых купцов Корнильевых. Корнильевы первые в Сибири открыли бумажную и стекольную фабрики. Их деятельность способствовала развитию в Сибири промышленности, судоходства, культуры и образования. В 1787 году прадед Дмитрия Ивановича – Василий Яковлевич Корнильев – основал в Тобольске первое в Сибири типографско-издательское дело. В его частной вольной типографии печатались журналы, в том числе и второй в России (по времени издания) литературно-публицистический журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», имеющий огромное значение для развития просвещения в Зауралье.

По широко известному преданию, не подтверждённому документально, родоначальником Корнильевых был крещёный калмык (джунгар) Яков. Его в начале 18 века купил ребёнком тобольский купец Григорий Парфентьев, когда ездил по торговым делам в Джунгарию, которой в то время называли территорию, входящую в область современного Алтая и частично северного Китая. Мальчик получил отчество по имени своего хозяина и когда вырос, сделался одним из приказчиков купца, позже проявив прекрасные коммерческие способности, совладельцем его фирмы, а потом и собственником. Откуда появилась фамилия Корнильев – неизвестно.

Интересную и весьма допустимую версию происхождения рода Корнильевых предлагает член Тюменского генеалогического общества, бывший казачий атаман из с. Салемал ЯНАО С.Е. Дурьнин в статье «Тобольские служилые люди Корниловы: от атамана Ивана Дурьни до генерала Лавра Корнилова». В ней он пишет, ссылаясь на архивные документы, что часть представителей рода тобольских служилых людей, известных с начала XVII века и ведущих своё начало от атамана Ивана Савельева Дурьни, со второй половины этого века стала писаться Корниловыми. От одного из этих Корниловых и идёт начало династии тобольских купцов-промышленников Корнильевых, потомком которых по материнской линии является Д.И. Менделеев, а именно от тобольского посадского Якова Григорьевича Корнилова, драгуна Курганской роты, вместе со своей семьёй жившего в приходе Богоявленской церкви. С.Е. Дурьнин предполагает, что один из сыновей Якова Михаил «стал записываться Корнильевым для того, чтобы выделиться, так как в одно с ним время прихожанином в Тобольской Богоявленской церкви был служилый Михаил Корнилов, или чтобы показать свою образованность, подчёркивая тем самым, что фамилия Корнильев образована от имени Корнилий, а не Корнила». Видимо, считает он, что вслед за Михаилом и остальные члены рода стали именоваться Корнильевыми.

У Дмитрия Васильевича Корнильева, деда Менделеева, была самая большая и хорошо подобранная библиотека в Западной Сибири. Мать Дмитрия Ивановича не полу-

чила систематического образования, поскольку школ для девочек в то время в Тобольске не было, но она, с детства очень умная и целенаправленная личность, внимательно слушала и впитывала в себя всё, чему учили домашние преподаватели её брата Василия. Она всегда много читала, даже став семейной дамой с большим числом детей, и была в Тобольске одной из самых образованных женщин. «Книги – лучшие друзья моей жизни, – делилась она в письме к своей замужней дочери Екатерине в Омск. – Всю радость и утешение нахожу в чтении...». Мария Дмитриевна сумела сохранить прекрасную библиотеку деда и привить любовь к чтению своим детям.

Иван Павлович Менделеев получил очень хорошее и широкое образование в Петербургском педагогическом институте. После его окончания он был назначен преподавателем в Тобольское главное народное училище, где вёл уроки философии, политэкономии и изящных наук. В это время будущие родители Дмитрия Ивановича познакомились, нашли друг в друге родственные души и поженились.

В 1817 году Менделеева перевели в город Тамбов, позже в Саратов, а в 1827 году он был отправлен в Тобольск директором местной гимназии.

У Ивана Павловича и Марии Дмитриевны были одинаковые принципы воспитания в семье. Они не подавляли волю ребёнка, его живой ум и энергичную, подвижную натуру, но вместе с тем умело, решительно и незаметно направляли его чувства и разум в нужное русло действий, поступков, размышлений.

Духовным центром семьи, несомненно, являлась Мария Дмитриевна. Она считала «благородство чувств выше всех сокровищ и почестей света», этому учила и своих детей. «Бедность никогда не унижала и не унижит меня, – часто повторяла Мария Дмитриевна, – но краснеть за детей моих есть такое несчастье, которое может убить меня». Она подчёркивала, что её любовь «ко всем детям основана на строгих правилах чести и добродетели», что «окружена детьми, которых будущность будет наградой попечений родителей».

Четырнадцатый, младший ребёнок в семье директора тобольской гимназии – Митенька – хоть и очень любил в детстве играть в «учителя», сам в учёбе не преуспевал, как это часто бывало с выдающимися в будущем людьми. Особенно ненавидел латынь. Обходились «домашними» способами: то отец, уже находящийся в отставке, переведёт и переписет урок для любимца Митеньки, то сестра Мария, вышедшая к тому времени замуж за учителя гимназии, уговорит мужа сказать ей, о чём он будет спрашивать на экзамене её братца. А потом – стремглав к нему: «Вот это зубрить надо!»

Когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, его отец умер от чахотки. А вскоре в недалёком от Тобольска селе Аремзяны сгорел стекольный завод, которым управляла мать Дмитрия, энергичная, волевая, мужественная Мария Дмитриевна. Старшие дети уже были взрослыми, а вот младшего, несмотря на очень стеснённые средства, Мария Дмитриевна решила во что бы то ни стало выучить: она верила, что у него блестящие способности, которые обязательно проявятся. Мать и сын отправились сначала в Москву, а потом в Петербург. В 1850 году Дмитрий поступил в Главный педагогический институт, а через несколько месяцев умерла горячо любимая им мать.

Образ матери освещал собой всю жизнь Менделеева. О ней с раннего возраста слышали его дети, о том, какая это была замечательная женщина, знали все близкие учёному люди. Дмитрий Иванович говорил о ней так часто и с такой любовью, что его чувства к ней передавались всем, кто окружал учёного.

Не напрасно Мария Дмитриевна сердцем чувствовала, что её младшенький обладает огромным творческим потенциалом и ещё покажет себя. Уже в двадцать два года Дмитрий Иванович стал магистром физики и химии, в 31 год – доктором наук, написал более тысячи работ, проявил себя в самых разнообразных областях знаний: химия и физика, железорудное производство, бездымный порох, метеорология, освоение Северного морского пути, нефтяное дело, агрономия и экономика...

Его полный научный титул занимал целую страницу, набранную петитом. Однажды, увидев эту страницу в коректуре, – её должны были напечатать в каком-то научном издании – Дмитрий Иванович сказал: «Нельзя печатать. Больше, чем у царя!» И страницу убрали.

В двадцать восемь лет Дмитрий Иванович женился. Как удивительно переплетаются судьбы людей! Его женой стала женщина со странным на наш современный взгляд именем Феозва. Феозва Никитична Лещёва была падчерицей тобольского писателя П.П.Ершова, автора бессмертной сказки «Конёк-Горбунок», дочерью его первой жены. Два знаковых не только для Тобольска, но и для всей России имени – Ершов и Менделеев – тесно связаны между собой. Их отношения продолжались до самой смерти Ершова в 1869 году. В научном архиве Менделеева при ленинградском государственном университете ещё в 60-е годы прошлого века (двадцатого) было обнаружено несколько десятков писем Ершова, написанных в период с 1839-го по 1863 годы. Большинство их адресовано Дмитрию Ивановичу и его жене. В них поэт рассказывает о своём быте, служебных и творческих делах, о встречах с декабристами, которые в то время отбывали ссылку в Тобольске.

После выхода в отставку Ершов очень нуждался. В одном из писем к Феозве Никитичне он горько констатирует: «Холодная квартира, не знаю, как согреть руки, а о писании и думать нечего». Дмитрий Иванович помогает Ершову получать пенсию. Петербургские издатели, выпускающие сказку «Конёк-Горбунок», часто были недобросовестны и задерживали или совсем не платили поэту гонорар. Трудно воззвать их к совести или пригрозить судом из далёкого провинциального Тобольска. Пётр Павлович выдаёт Менделееву доверительное письмо на ведение дел по изданию сказки, и учёный хлопочет о высылке тоболяку гонорара.

Своих детей – дочь Ольгу и сына Владимира – Менделеев с детства приучал к труду. В усадьбе Боблово, которую Дмитрий Иванович приобрёл для семьи, летняя или осенняя страда являлась обязательной для всех. Даже маленькая Ольга (по-домашнему Лёля) вставала вместе со взрослыми в четыре часа утра и шла, как большая, работать. У неё были маленькие вилы, грабли, лопата. А вечером отец говорил при ней управляющему: «Нужно Ольге Дмитриевне заплатить за работу. Ведь работает человек наравне со всеми». И Лёля получала свою зарплату.

К сожалению, семейная жизнь Дмитрия Ивановича дала трещину, которая превратилась в непреодолимую пропасть. «Разрыв между супругами произошёл после

1872-го года». В чём тут причина? Значительно позже дочь Менделеевых Ольга писала: «Жизнь моих родителей была странной, и брак их счастливым не был. Оба честнейшие, добрейшие, уважавшие друг друга, они тяготились своей совместной жизнью. Дмитрий Иванович был одинок и весь ушёл в науку. Вся его радость заключалась в необыкновенной любви к своим детям...»

Менделеев обладал удивительно целостной, благородной и открытой натурой. Ему были чужды раздвоенность и противоречивость, дух самоуничужения и равнодушия. Он ненавидел фальшь в любых её проявлениях; неискренность чувств, поведения претила ему.

В то время для расторжения брака требовалась большая смелость: сколько мужей и жён скрывали взаимное равнодушие, а подчас и ненависть друг к другу под маской показного благополучия и семейного счастья. Всеобщее осуждение или по крайней мере обсуждение ждало тех, кто решался разорвать церковные узы супружества. А ведь надо учесть и то, что Менделеев как известный учёный был на виду. Он никогда не зависел от интересов конъюнктуры, мнения начальства и власть предержащих. Его отличала способность на решительные действия, на совершение поступков.

После окончания бракоразводного процесса на Дмитрия Ивановича Синодом был наложен запрет на церковное венчание в течение шести лет, а без венчания брак считался незаконным. Ему удалось подкупить священника, который за 10 тысяч рублей (на эти деньги можно было купить большое имение) совершил таинство бракосочетания. Оно состоялось 18 апреля 1882 года в Адмиралтейской церкви. Священника лишили сана, но венчание осталось в силе.

Дмитрий Иванович и после разрыва с женой принимал самое активное участие в воспитании и устройстве жизни своих детей Ольги и Владимира. Он полностью материально обеспечил их и Феозву Никитичну, сохранив за ними своё университетское жалование; а сам жил на доходы от изданий своих трудов.

Через несколько лет Менделеев женился на молодой девушке Анне Ивановне Поповой. (Его брак с Феозвой Никитичной решением духовной консистории был расторгнут в 1882-м году). Это дало ему возможность закрепить свои отношения с Анной Ивановной церковным венчанием. В семье росло четверо детей. Старшая дочь Менделеева от второго брака Любовь Дмитриевна стала женой поэта Александра Блока.

Дмитрий Иванович не был кабинетным учёным. Он много ездил по России, неоднократно бывал в Баку, где его очень интересовали нефтяные промыслы. Много раз выезжал за границу, посетил даже Соединённые Штаты Америки.

Человек действия, он обладал физической смелостью и мужеством учёного. Свидетельство этому – его путешествие на воздушном шаре, и не простое, а во время полного солнечного затмения – не с целью острых ощущений и праздно любопытства, а для наблюдений, имеющих огромное научное значение. Это произошло в 1887 году, когда Менделееву уже исполнилось пятьдесят три года. Первый в мире полёт на аэростате с определённой научной целью! Предполагалось, что Дмитрий Иванович полетит с опытным военным аэронавтом, но в последний момент стало ясно: аппарат не сможет поднять корзину с двумя людьми.

И тогда Дмитрий Иванович принимает решение – он полетит один. Полёт продолжался около трёх часов. Верёвка, с помощью которой надо было открывать регулирующий клапан для спуска на землю, запуталась среди строп шара. Менделееву пришлось лезть по стропам и распутывать верёвку. Без всякой страховки пожилой учёный повис над пространством более чем в два километра высоты. Аэростат болгало ветром вокруг своей оси... Явный риск для жизни! Но в этом риске – подвиг учёного! Зато каким триумфальным стало возвращение! Встречающие даже хотели распрячь лошадей, на которых ехал учёный, чтобы везти его карету на себе...

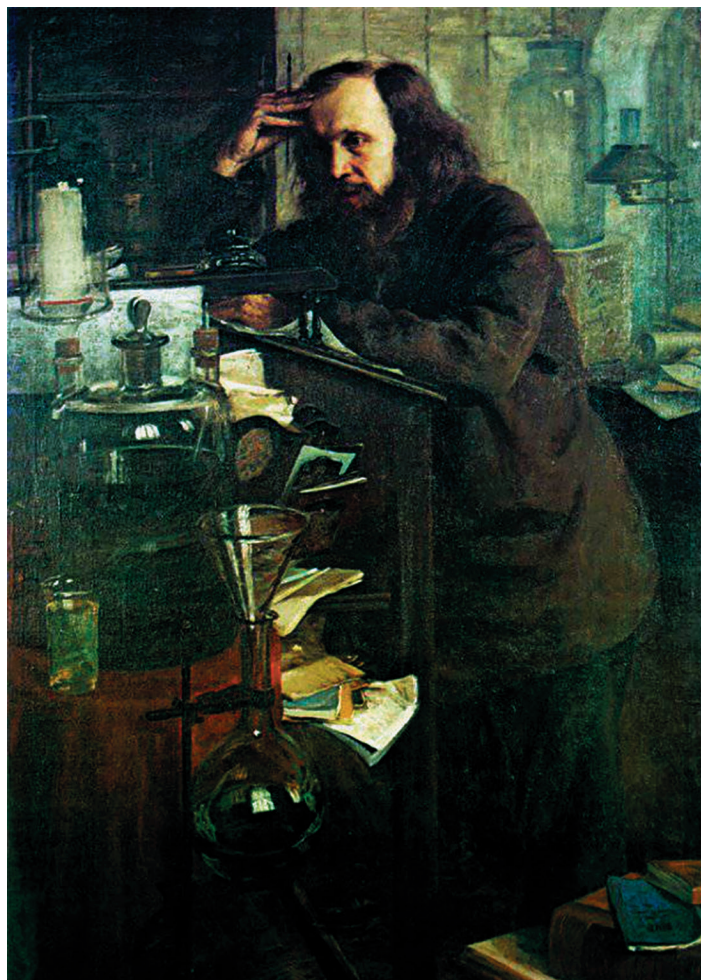
Дмитрий Иванович очень любил литературу, живопись, музыку. Одним из его друзей был химик и композитор А.П.Бородин. В Боблове часто гостили художники Репин, Куинджи, Ярошенко. В своей квартире профессор устраивал по средам вечера для учёных,

литераторов, живописцев. Не все знают, что Дмитрий Иванович написал рецензию на знаменитую картину А.И.Куинджи, с которым был очень дружен и часто играл в шахматы, – «Ночь на Днепре». Рецензия Менделеева называется «Перед картиной Куинджи». В 1894 году учёного избирают членом совета Академии художеств в Петербурге.

Много книг написал Дмитрий Иванович. Он обладал несомненным литературным даром, и поэтому его научные труды до сих пор читаются легко и даже с увлечением. Как удивительно поэтично называются некоторые его произведения: «Заветные мысли», «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца», «К познанию России»!

Интересно то, что одна из книг Менделеева неожиданно оказалась в списке запрещённых – это «Основы химии». Сам учёный иронически замечал по этому поводу: «Большая выпала честь!» Спрашивается, чем же было страшно царской цензуре сугубо научное исследование? Скорее всего, запрет связан с тем, что знания химии давали возможность революционерам-народникам, сторонникам индивидуальных террористических актов изготавливать в кустарных условиях взрывчатые вещества.

Никто не собирал такого количества студентов в аудитории, как профессор Менделеев. Его лекции предназначались для первого курса, однако на них приходили не только старшекурсники, но и совсем посторонние люди. С огромной гривой волос, прямыми живописными чертами

Н.А.Ярошенко. Д.И.Менделеев. 1886. Масло

topwar.ru

лица, высокий, он стоял, опершись на кафедру, и говорил, говорил... Его голос то гроыхал, то опускался до шёпота, то издавал какие-то звуки, похожие на стоны. Речь его не была блестящим ораторским искусством. Где-то обрывистая и неуклюжая, она заражала не плавностью и красотой, а убедительностью, силой духа, личной заинтересованностью, эрудицией и огромным знанием предмета разговора.

Менделеев не являлся сторонником революционных мер, тем более террористических. Но он всегда поддерживал протест против нарушения прав на свободу, личное достоинство и общественную независимость, был в этом последователен, принципиален и бесстрашен. Когда в 1861 году правительство стремилось ввести новые правила для университетов, которые ущемляли студенческое самоуправление и демократические права, университетская молодёжь отказалась подчиниться

и стала устраивать сходки. Молодой педагог Дмитрий Менделеев участвует в студенческих демонстрациях на Невском проспекте.

В 1879 году снова начались сильные студенческие волнения из-за так называемых «Временных правил» для студентов. Они полны запретов: на сходки, посещение концертов, разрешают «наблюдения», по сути шпионство, за поведением студентов, за их личными письмами. Молодёжь заволновалась. Менделеев и близкие ему преподаватели поддерживают её.

В 1890 году студенты написали петицию протеста против притеснения их личных и общественных прав, адресованную министру просвещения и доверили её передать своему любимому профессору. Петиция не была принята. В знак протеста Дмитрий Иванович оставил службу в университете и вообще в ведомстве министерства просвещения. Это был акт гражданского мужества.

В рукописи своей статьи, найденной после его смерти, Дмитрий Иванович пишет: «Как педагог я клал в дело и возбуждение, и душу, а о том, что не бесплодно, свидетельствовало множество свободных, независимых и зрелых людей. Ко мне в аудиторию ломились не ради красивых слов, а ради мыслей. Это сильно меня ободряет. Вышел из университета, защищая и университет, и студенчество. Тут горького нет у меня, а есть только явная вражда к режиму, родившему поверхностных радетелей... Мне ли их убедить?»

Нет, проще отшатнуться от них, плюнуть. Я и плюнул и все силы напрог, выйдя из университета, на практику экономической жизни России. Такие дела, как бездымный порох или «меры и весы», были только каплей высоких порывов повлиять на экономическое положение России.

Пусть глупцы судят меня, как и кто хочет, мне не в чем каяться, ибо ни на минуту ни грубой силе, ни своему достатку я ни на йоту при этом не служил, а только старался и, пока могу, буду стараться – дать плодотворное промышленное реальное дело своей стране в уверенности, что политика, устройство, образование и даже оборона страны ныне без развития промышленности немыслимы и весь венец желаемых, по мне, преобразований, вся свобода, нам нужная, здесь сосредоточены...».

Вскоре Менделеев назначается «хранителем точности», управляющим Главной палатой мер и весов, где он служит до самой смерти.

Уход из университета совсем не означал самоустранение учёного от участия в общественных событиях, волнующих каждого честного человека. Жизнь неоднократно ставила Дмитрия Ивановича перед выбором: не вмешиваться, не действовать, отойти в сторону или с риском для себя: здоровья, научной карьеры, расположения властей – совершить нечто решительное. И он всегда выбирал последнее. Это был искренний во всех своих мыслях и поступках человек. Он никогда не отступал от своих убеждений и делал так, как диктовала ему его совесть.

В страшный день 9 января 1905 года, наблюдая события из окон Главной палаты мер и весов, Менделеев пришёл в очень взволнованное состояние, потребовал карету и отправился к министру финансов С.Ю.Витте.

Из воспоминаний А.И.Менделеевой:

«Когда началось шествие во главе с Гапоном к Зимнему дворцу, несметные толпы наводнили не только те улицы, по которым проходило шествие, но и соседние. Все ходили бледные и тревожные. У нас в Палате было то же, что и везде, – ожидание и тревога. Дети сидели дома. Вдруг Дмитрий Иванович, который в последние годы буквально никуда не ездил, зовёт служителя Михайлу и посылает его за каретой. Он был в таком состоянии, что спрашивать его ни о чём нельзя было. Карету подали. Дмитрий Иванович простился с нами и уехал с Михайлой «куда-то». Только через шесть часов они возвратились... Михайла рассказывал, как их нигде не пропускали, и они кружили по разным глухим местам, чтобы пробраться к дому Витте на Каменноостровском проспекте. Витте был дома и принял Дмитрия Ивановича. Возвратясь домой, бледный, молчаливый, он снял в кабинете портрет Витте и поставил его на пол к стенке (с тем, чтобы убрать его совсем) и сказал: «Никогда не говорите мне больше об этом человеке». Из страха вызвать волнение я никогда не расспрашивала о том, что произошло во время посещения им министра финансов Витте».

Что за разговор состоялся между Витте и Менделеевым, так и осталось неизвестным. Рассорились они не навсегда. Менделеев ещё пойдёт на торжественную встречу Сергея Юльевича после подписания Портсмутского мира – Витте будут чувствовать за твёрдость в защите российских интересов. Они будут обсуждать ещё много важных вопросов... Но портрет бывшего министра финансов (вскоре ставшего премьером) уже не вернётся на стену менделеевского каби-

нета». А ведь именно под эгидой министерства финансов находилась Главная палата мер и весов, и разрыв с Витте мог серьёзно осложнить не только жизнь и труды учёного, но и научные работы коллектива, которым он руководил.

Кое-что об этом разговоре мы можем узнать из дневниковой записи Менделеева: «Витте говорил горячо и много, но всё было лишено откровенности <...>. Во всём видел я страсть к власти, заносчивость и что-то скрываемое и недостаточное».

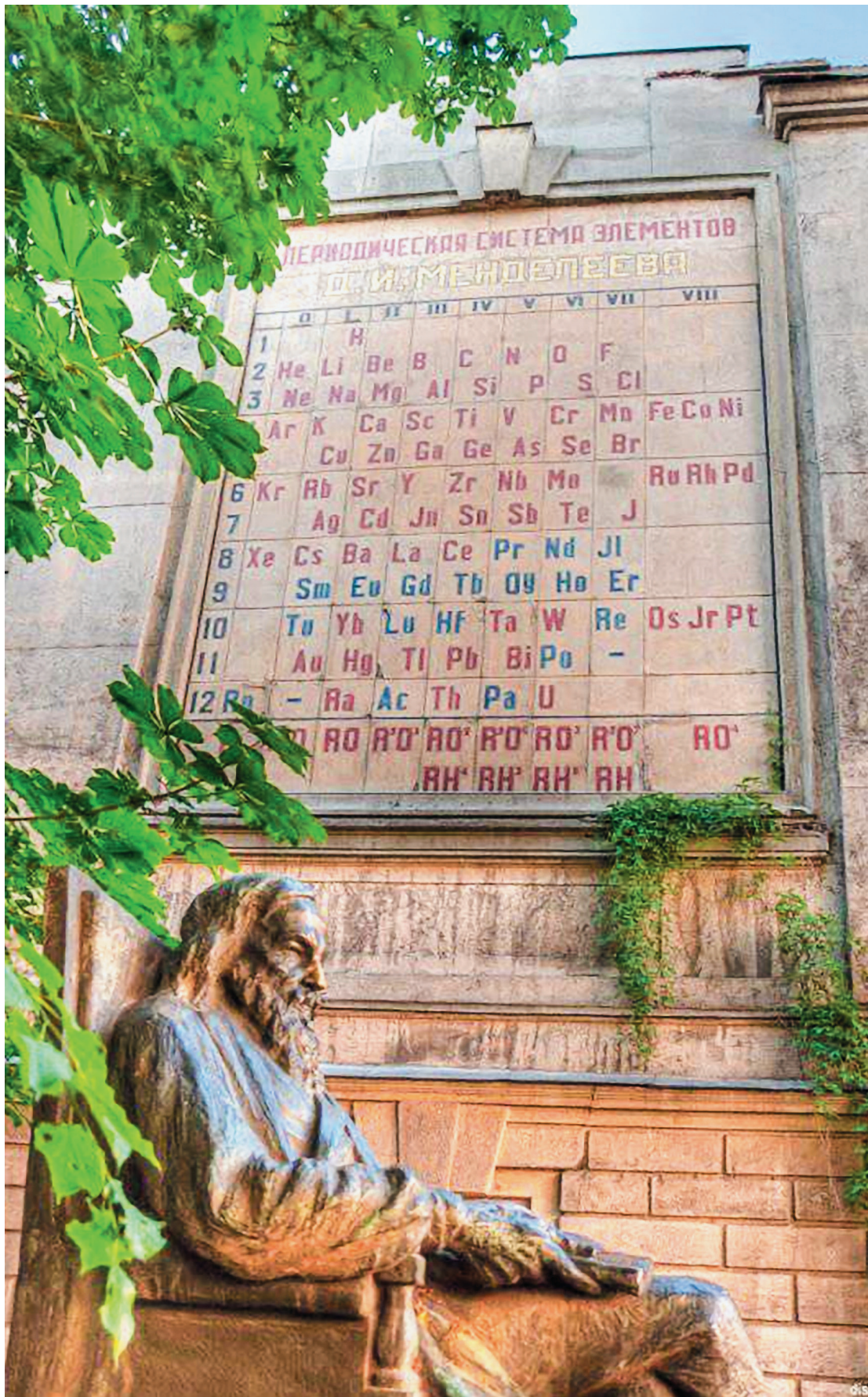
Каким бы ни был разговор между учёным и министром, явно Дмитрий Иванович очень обеспокоился ситуацией 9 января, скорее всего, предчувствовал кровавую развязку и хотел не допустить этого. Он всегда выступал против политических крайностей, против насилия, террора, убийств с любой стороны.

Его было много во всём: в статном теле и гриве пышных волос, которых хватило бы на трёх мужчин, в зычном от природы, мощном голосе, а главное – в силе гения и активности действия. Как не вспомнить его поездку-экспедицию на Урал в 1899 году для изучения этого богатого природными ресурсами края России. Пожилой, не очень здоровый (у него было больное сердце) учёный возглавил объёмную работу по исследованию железорудного производства. Его интересовали экономика и сельское хозяйство Урала, угольное и металлургическое дело.

Именно тогда, впервые за пятьдесят лет, прошедших после прощания с Тобольском, учёный приехал в свой родной город. Дмитрий Иванович побывал и в памятной ему по годам учёбы мужской гимназии, и в местном музее, и в селе Аремзяны, где провёл много счастливых детских дней. Везде его ждали и встречали очень сердечно. Как будто и не было этой полсотни лет, проведённых вне Тобольска! Великого химика интересовало всё: положение крестьян в сибирских деревнях, новое здание мужской гимназии, богатство природных ресурсов окружающих город земель, будущее экономики Сибири, которое он связывал с необходимостью проведения железной дороги до Тобольска. Позже в своём отчёте об экспедиции на Урал Дмитрий Иванович написал: «Только тогда, когда дойдёт железная дорога от центра России до Тобольска, родной мне город будет иметь возможность показать своё превосходнейшее положение и настойчивую предприимчивость своих жителей, хранящих память о старой силе древней столицы Сибири».

«В знак особого внимания... к своему знаменитому учёными трудами» земляку тоболяки присвоили Менделееву звание почётного гражданина города Тобольска. Посещение Тобольска и встречи с его жителями долго согревали душу Дмитрия Ивановича: «Пять или шесть дней, проведённых в нём, оживили и без того тёплое воспоминание о родине, – подчеркнул он в своём отчёте.

«Жизнь Менделеева, жизнь изо дня в день, из часу в час являла собой непрерывную цепь труда», – писала Ольга Эрастовна Озаровская, сотрудница и биограф учёного. Отдых его заключался в том, что, отрываясь от научных работ – письменных или лабораторных, он читал газеты, правил корректуры. Было у него и то, что сейчас называют «хобби». Причём довольно неожиданное – выделка чмоданов. Увлекался он им два раза в жизни: в молодости и в старости, когда стал плохо видеть и ожидал операции по удалению катаракты.

Памятник Дмитрию Менделееву и его периодической таблице, расположенной на стене ВНИИ метрологии им. Менделеева в Санкт-Петербурге
topwar.ru

Поздно вечером Дмитрий Иванович позволял себе сыграть в шахматы с кем-нибудь из таких же любителей-сотрудников. «...поиграют до часу, до двух ночи, отпустит партнёра, а сам, почувствовав себя отдохнувшим, сядет писать, потому что «очень интересно», – вспоминала Озаровская. Вот это «очень интересно!» являлось путеводной звездой учёного во всех его делах. Ему было интересно жить, интересно заниматься многообразными науками, постигать новое. Традиционно и справедливо мнение: талант – это врождённые способности плюс огромная трудоспособность. Думается, что к этому можно добавить ещё одно составляющее качество – неиссякаемый интерес, увлечённость, любовь к своему делу.

Интересны литературные пристрастия Менделеева. По свидетельству Озаровской, он очень любил Майн Рида, Жюль Верна считал гением, которому не хватало образования, чтобы стать великим учёным. Льва Толстого и Достоевского не воспринимал: «Мученья, мученья-то сколько описано! Я не могу... Я не в состоянии!». И в то же время очень любил глубоко философское стихотворение Ф. Тютчева «Silentium», особенно строчку «Мысль изречённая есть ложь».

На склоне лет, подводя итог своей жизни, Менделеев говорил, что посвятил себя трём службам: первая – наука, вторая – просвещение, третья – содействие развитию российской промышленности и сельского хозяйства – «Мне бы хотелось, чтобы следы от моих жизненных усилий остались прочные»...

Дмитрий Иванович призывал молодёжь работать для преобразования общества, освещать «фонарём науки» дорогу будущему человечества.

«Фонарь науки», высоко поднятый великим учёным много лет тому назад, освещает своим ярким сиянием и людей двадцать первого века.

Дневник таёжного охотника, журналиста, писателя

Феномен таёжного одиночества

Текст **Анатолий КОНДАУРОВ**

Фото Личный архив Анатолия Кондаурова,
авторы неизвестны

ОДИНОЧЕСТВО – понятие ёмкое, многогранное, потому подвержено расширительному истолкованию. И, согласитесь, сразу приходят на память то узник замка Иф граф Монте-Кристо (Эдмон Дантес), томившийся в тюрьме 14 лет, и авантюрный Робинзон Крузо, благополучно проживший на необитаемом острове вдвое больше лет, то Мечтатель из «Белых ночей» Фёдора Достоевского, который, безгранично страдая, так и не смог найти единомышленников, то нежно-лирическое нобелевского лауреата по литературе Ивана Бунина:

*Твой след под дождём у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.*

А какова виртуозная философия о запечатанной одиночеством душе «талантливым писателем и сволочью» (как определил товарищ Сталин – прим. ред.) Андреем Платоновым!

Припоминаются мне знакомые по работе в правоохранительных органах сидельцы, радующиеся мухе, случайно залетевшей в камеру, а то и мышке, невероятным образом оказавшейся в каменном мешке. Конечно, таких «гостей» никогда не прибьют свёрнутой в трубку газетой или тапочком, а будут беречь, кормить и лелеять, потому что это уже общение, связь с внешним миром, по которым страдает одинокий человек.

Да одиноким может почувствовать себя вышедший на пенсию, ощутив на себе диагноз отдалённости и отдалённости от привычного трудового коллектива, и даже индивидуум в толпе.

Существует тем не менее и обратное, когда человек перегружен общением, особо это проявляется в больших городах: зайдя в кафе выпить кофейку, он обязательно попытается уединиться, выбрав укромное местечко.

А трагические примеры добровольного одиночества тех, кого затянули сети интернета?

И прочая, и прочая.

Мне же предстоит раскрыть тему одиночества таёжного, в котором пребывает человек уходящей профессии – охотник-промысловик, явление в цивилизованном мире редчайшее, вызывающее болез-

ненно-экзотический интерес, как вроде к йети, снежному человеку.

Промысел – это не птичек пострелять. Труд специфический. И работник, заключивший договор со специализированным предприятием, к примеру с госпромхозом, так и называется: охотник промысловый. То есть штатный. Профессионал.

Но до профессионала надо где-то набраться опыта, пройти неписанные университеты, дорасти, созреть. И не каждому это по силам и нутру.

В исконную тайгу нельзя шагнуть сразу. Такого энтузиаста там никто не ждёт. А поджидать есть чему и кому.

Мне, срубившему в 1985 году первую из шести избышек в урочище Камельяга Уватского района, потребовался изначальный стаж ровно в три десятка лет. Тогда, в 50-х годах 20 века, вступить в общество охотников можно было в 14 лет. Благословенные времена! Чиновничья каста ещё была в зародышевом состоянии – никаких препон! Ни рекомендаций, ни экзаменов, заплатил охотоведу 1 рубль 50 копеек, получил охотничий билет – и был таков!

С одностволкой, где вместо бойка был вставлен гвоздик, я немедленно отправился на озеро и двумя выстрелами добыл первую дичь – утку, израсходовав на это весь ружейный боезапас.

– Господи, вот и добытчик в семье появился! – сказала мать, вдова погибшего на фронте пулемётчика, а до призыва – преподавателя в школе механизаторов и заядлого охотника. Это я про своего отца.

Ну а потом с ружьишкой и на Подкаменную Тунгуску, где топографы научили меня ходить по азимутам, и к ненцам, на реку Пур, потом в Селькупию, в Ратту, на Чёртовое озеро, и в Среднюю Азию, в горы Копетдага.

Трёхлетняя служба в Советской Армии дала мне основательную огневую подготовку, поскольку кроме выполнения положенных нормативов я до автоматизма отработал технику стрельбы из нарезного оружия в тирах на многочисленных армейских соревнованиях. Но то были эпизоды, разрозненная затянувшаяся прелюдия, и как только я реализовал свою заветную мечту, сдав трудовую книжку с последними записями о работе на благо юриспруденции, залетел вертолётном на выделенный участок и сразу осознал, что уже сделал первый шаг в пленительную ловушку, которая называется одиночеством. Уже на второй день таёжного бытия я убедился, что вся моя многолетняя практика – труха, и здесь всему надо учиться заново.

Вот картинка акварелью: лесное утро, дикая рань, солнце только что первым лучом прорвалось сквозь кроны вековых елей и вперилось в тент палатки. В предчувствии опасности я открываю глаза. В нос ударяет вязкий запах смолья

и багульника; во всех мышцах тела – ноющая усталость. Явственно слышу за тонким брезентом палатки грузные шаги, медленные, ритмичные – ушами, спиной слышу. Тихонько поднимаюсь, беру в руки рядом лежащую двустволку (в стволах – дробь) и высовываюсь наружу.

И что? Собака, крупная псина, развалившись, посапывает у входа, а неподалёку по щепе грузно топает матёрый глухарь. После выстрела глухарь – на бок, собака со страху – в палатку. Чёрт побери, оказывается, не стоит возлагать надежды на собаку как на сторожа. Абсолютно недопустимо! Эта истина в дальнейшем имела неоднократные подтверждения и даже с трагическими последствиями.

Изба на участке – основа основ. База. Форпост. Потому все дни визжит бензопила, с шумом низвергаются лесины, стучит топор. На душе легко, радостно, с каждым бревенчатым рядом возникает, растёт в безлюдном месте желтобокая избышка. Неподалёку, во мхах, бесшумно бродит собака. На лесоповал вмиг слетаются чёрные как смоль усачи-короеды. Оголтело, по-вороньи, кричат шмыгающие в хвое растревоженные кедровки. Не одиноко. Хочется выскочить в тайгу, за пределы обжитого круга, посмотреть, что там, есть ли на мхах чей-то след.

Ружьё с собой, топор – за пояс. На шее компас на шнурке.

Тайга по определению – тёмнохвойный лес, так называемые урманы, чернь, тяготеющий к пойменным участкам, по увалам – сосняки, в материке – мешанина.

И потому сразу попадаешь в другой мир – неизведанный, напряжённый. Напряжённость исходит от редких просветов среди деревьев, выворотней, обомшелых валежин, непроглядных хвойных сгущений. Идешь медленно, высоко поднимая колени. За спиной – быстро смыкающиеся ветви, в упругих мхах – исчезающий след твоих резиновых сапог. Это – маленькая вылазка. На сегодня достаточно.

Так шаг за шагом будет изучаться участок, который у меня с юга на север все 52 километра!

Пока изба не готова, вечер – у костра. Отблески – на брёвнах сруба, уходящих ввысь стволах деревьев, остове палатки. Мир сужается до светового круга. За ним – лес. Он живёт, дышит, шевелится.

Вечер строг. В объёме всё сурово, монументально. Хочется быть незаметным. И так, не двигаясь, присидеть у костра вечность.

*«Костёр подёрнуло золой,
Но рдеют в головнях рубины.
Когда и что будет со мной,
Гадают кедр-исполины»,*

– появляются строчки к «Таёжной балладе».

Промысел – это не птичек пострелять. Труд специфический. И работник, заключивший договор со специализированным предприятием, к примеру с госпромхозом, так и называется: охотник промысловый. То есть штатный. Профессионал

Собака, тварь, опять спит, ей всё равно, что вокруг витают невидимые флюиды одиночества.

На пороге зимы «рассиропливаться» некогда. Мне дан план: 15 соболей, мясо, рыба, чага и прочее. И мне надо не просто здесь жить-выживать, но и зарабатывать. И этим отличается промысловик от других охотников. Нужда заставляет быть в непрерывном движении - и за нескончаемыми делами, повседневной усталостью начинаешь забывать, что ты с тайгой один на один.

Но вот уже пали снега, над избушкой сизый дымок победно устремляется в холодное небо, поодаль притулилась банька, собаке срублена тёплая конура, а путики (обставленные ловушками тропы) расплзлись по тайге. Это пока, на первый год, а потом, даст Бог, появятся в местах разведанных новые избы, соединятся визирками.

Трудный, солёный хлеб. Хлеб «штучных» людей. Приходят и ещё не раз придут пронзительные минуты: слабости? отчаянья? грусти?, когда поздними зимними вечерами в остановившейся тиши, в которой не воспринимаются на слух ни треск

Таёжные рассказы Анатолия Кондаурова читаются легко, хотя часто в них встречаются диалектизмы и профессионализмы, за значением которых надо лезть в словари...

дров в печурке, ни сипение лампового фитиля, ни стук еловой лапы в окно – в вековой кондовой тиши, словно в вакууме, вдруг нахлынет обвальное, будто нестерпимым жаром обдаст всплеск все сильного раздражения. Тогда открываешь дверь пинком, выходишь на «улицу», и здесь раздражение возрастает – всё вокруг знакомо до мелких мелочей, осточертело – глаза бы не видели! – и кричишь многократно в таёжную глухомань: – Э-э-й-й! Есть кто-нибудь?

И только эхо, множась, озорно отвечает будто бы нецензурно...

Да и кто услышит, кто ответит? До ближайшей заимки сорок вёрст, связи никакой, раций не хватает даже для старослужащих, первогодники и так обойдутся, это им для испытания, чтоб от романтики одни горелые пеньки остались. Но не это угнетает. Придут, однако, лучшие времена, нашли бы в марте мою точку: изба у меня в массиве, ориентир один – елань (полянка), сверху разглядеть трудно, одна надежда на ракетницу.

К шестому сезону у меня уж пять изб срублено, по одной в год. На путиках более четырёхсот ловушек (точнее, 416, все поименованы), рацию выдали – веселее стало. Дорог много, какое-то ощущение прицепилось: идёшь и будто бы вместе с тобой невидимый мирок следует, перемещается, вроде аура какая-то. Ты думаешь, разговариваешь с собой, с собакой, лесом, ловушками, а то, что за спиной, постепенно съёживается, как шагрeneвая кожа, отчуждается, уходит в небыль.

Не забыть заброску на шестой сезон. Груз у меня рассчитан на три посадки.

Облачность низкая, экипаж не наш, тайге не обучен. Штурман потерял всякие ориентиры, летали-летали большими кругами, внизу всё незнакомое, случайно наткнулись на посадочную площадку самой крайней избы: плотик из берёзовых жердей, но казахстанские асы и тут умудрились промазать метров на триста.

– Всё! – кричит командир. – Гарь кончается! Разгружай!

Груза под тонну, выбросили в каком-то березняке, как только лопасти не обломали!

Пространное зигзагообразное болото с чахлой, ущербной сосной и одиноко возвышающимися островками перестойного кедра, с редкой, прижимающейся к еловым стенам берёзой с ещё не облетевшей листвой. Там, где зубчатые стены смыкались, хмуро клубилось мрачное скопище облаков. Оттуда веяло настороженностью, враждебностью, где в глубинных чащобах дремали дикие и безжалостные тайны. И подумал: «Да, берёзка облетит, придут первые снега, заровняют болотные ухабы, и будет зима – много дней, и всё равно снег когда-то сойдёт, и я опять увижу кое-где жухлую листву».

А пока, голубок ты мой «сизорылый», здесь ты сам себе и царь, и раб, и здесь тебе не только жить-поживать, но и работать!

Как ни бодрись, после перерыва адаптация ещё не наступила – ощущение опасности витает в воздухе довольно остро.

Есть ещё одна опасность, коварство её будто бы незаметно, но необратимо: переохлаждение, будь то от непродуманной экипировки или от пренебрежения к капризам погоды. Но эта тема хоть в некоторой степени имеет отношение к человеку-одиночке, но в основном распространена среди туристов: от известных дятловцев до других многочисленных групп, трагически погибших в условиях безлюдности и холода.

По сути, в тайге надо больше всего остерегаться несчастного случая. В руках постоянно оружие, одного случайного выстрела достаточно, чтобы навсегда избавиться от насморка. Ещё в руках топоры, бензопилы, под ногами – хлябь и ломь, то есть бойся травм да медведя.

Был со мной накоротке товарищ из N-ска; куда бы мы ни шли, он всё то на пятки мне наступал, то пытался идти рядом.

– Зачем? – спросил я.

– Я слышал, медведь нападает на последнего идущего, верно ли?

– Возможно. Зато оставшийся в живых будет свидетелем геройской гибели.

– А как правильно ходить в тайге?

– Смотри вперёд, чтобы не потерять тропу – на затёски, вниз – чтобы не повредить ноги, по сторонам – чтобы дичь добыть, а чтоб медведь не съел – почаще оглядывайся.

– Ну, это сложно.

– Учись. Зато никогда шейного остеохондроза не будет.

Медведь в тайге самый крупный зверь, как говорят биологи, на самой вершине пищевой цепочки, и человек, его враг, пришедший в его палестины, тоже входит в его меню.

Заготовки медвежатины в плане нет, добыча – по случаю, на страх и риск. Много лет с местными косолапиками мы сожительствовали тихо-мирно: на глаза они попадались редко, но видели они меня, думаю, много чаще. В пиковых случаях приходилось стрелять только и исключительно по башке, прицельно, одним патроном (больно дорогой, 5 долларов стоит) калибра 9,3x72. Череп для трофея уже не сохранялся.

Залютовал зверь на десятый сезон. Обошёл все избы, повышибал двери, выдрал оконные рамы, выбросил печки, посуду, изжевал всё, что попадало в пасть, вплоть до веников-голичков.

«Охранные грамоты» – изодранные деревья – попадались частенько. Походный топор у меня специальный, с длинной ручкой, и я иногда подшучивал над дремучим зверем – над его задирами повыше делал затеси. Озлобясь, некоторые, приняв вызов, умудрялись задирать кору ещё выше, стоя, видимо, «на цыпочках». Тогда я подтаскивал какую-нибудь корнелыгу или валежину, забирался на них и делал затеси ещё выше.

...Но тайга дарит автору не только историю, но и какую-то базовую философскую систему бытия. И всякий отшельник по Божьему промыслу начинает говорить миру. Анатолий Кондауров предпочитает писать...

Ну, тут всё, уже не до соревнований! Зверюга в ярости расшибал мои подставки, задирали деревья подряд, мелкие вырывал с корнем и разбрасывал. Медвежий разбой я принял: ошестинил гвоздями и геодезическими штырями окна и двери, навешал опадины и банки с дихлофосом, иногда за спиной, на тропе, оставлял петли.

Появились медведи «экспедиционные», самые опасные – те, что кормились кухонными отбросами у буровых. Зверь уникальный, он лучше человека приспособлен к жизни в тайге. Обладая незаурядными способностями, он специализируется на охоте на крупную дичь. И поверьте, «сохотит» любого, самого осторожного человека без труда. Если пожелает.

Вот, трагически погиб мой сосед по участку Володя Ш. Медведь зашёл ночью в его избу (собаки мирно спали под нарами!), убил его и съел. А Вовка был не новичок, охотился много лет, правда, в одиночку. Есть старая поговорка: «С напарником тайга – мать, без него – мачеха». Не знаю, но для меня оказалось, что одному лучше.

Во-первых, по тайге всё равно ходишь один, здесь у каждого своя дорога; во-вторых – спокойней, никаких тревожений за другого. Сам в грехе – сам в ответе. Наши ещё шутили: одному всегда легче делить добычу.

А что одиночество? Где оно – среди непрерывных до тяжкой усталости лесных дел, постоянного движения, напряжения мыслей и чувств?

Нет, оно не ушло. Это тень в образе удава, которая незримо тянется за тобой, иногда забегает вперёд, а чаще неожиданно опутывает весь организм. Градус одиночества поднимает молчаливое равнодушие, безучастность Природы: тайга может быть приветливой и агрессивно-жестоккой. Непроходящее чувство зависимости до ущербности и малозначимости перед госпожой Природой, дирижёром оркестра, в первые годы лесной жизни призывает к терпимости и примирению со своей участью.

Слякотной осенью по чернотропу занесло меня на лай собаки в хламные урманы. Краплет дождь, солнца нет, сумрачно, а соболек затаился в кронах – не разглядеть. Корова бы залезла – всё одно не увидишь. Закрутило-закружило меня вокруг деревьев, мало того, без толку и основательно промок, ещё и направление потерял.

Прилёг, думаю: «Не жизнь – наказание Господне. Чёрт меня дёрнул в тайгу забуриться. Сидел бы сейчас в конторе в сухих штиблетах, пил кофию; зарплата ежемесячна, регулярна». Видно, тогда ещё не созрел, проявил слабость; хорошо, что никто не видел, не слышал – тайга не выдаст, всё спит. Она-то, пожалуй, всё спит, а ещё может захоронить так наглухо, что – как там в песне – «и родные не узнают, где...». А как перед собой отчитаться? Нет уж, коль хоть разок труханул – уже не отмывься!

Субкультура промысловиков – экстрим, в основе которого выживание в условиях малолюдной таёжной зоны – агрессивной среды, постоянно предъявляющей к человеку повышенные требования. У профессионалов-охотников не принято жаловаться, распространяться об образе жизни. Есть у них и особый сленг: они никогда не скажут «убил такого-то зверя». Не убил – добыл. Убивают сельскохозяйственных животных, выращенных на убой: овец, коров, свиней, птицу, у которых нет ни одного шанса на спасение. Они закономерно обречены, в отличие от охотничьей фауны. Жаловаться некому и некогда. Это их профессиональная деятельность, добровольный выбор жить и работать вне коллектива, в одиночку.

Привычного потока информации нет, по сути, он прекращается. Начинается процесс обращения внутрь. Как в кино, когда лента откручивается обратно, ты начинаешь видеть себя, тобой прожитое со стороны.

Я знаю, есть люди, которые боятся встречи с самим собой. Но в тайге избежать этого невозможно. Одиночество властно пробует тебя на зуб, определяя: кто ты? Кто ты был и кто ты есть?

К примеру, бояться – нельзя, ибо сробел – пропал. Остерегаться – можно и нужно. Остерегаться ежесекундно, не позволять расслабухи. Быть на чеку. По моему убеждению, долгое одиночество посилено людям с крайними интеллектами: либо с низким культурным уровнем, примитивным мышлением, когда главенствуют инстинкты: тепло – хорошо, холодно – плохо, либо высокоорганизованным, с долей фанатической увлечённости (любовь к природе, охоте, склонность к философствованию).

Мой знакомый Юра Надточий, по официозу писатель, поэт, драматург, а по жизни очень даже милый человек, экстравагантный, с чудаковатым поведением, горячо обсуждая мою первую повесть о таёжных охотниках, кружась на месте, размахивая, как мельница, руками и задрав вверх голову, спросил:

– Э-э, послушай, дорогой, это ты хорошо о тайге и людях, там живущих, написал, а где лесная философия; что их побудило жить в тайге и каково это там, вдали от цивилизации?

И, следуя принципу, пиши о том, что ты знаешь в совершенстве (а это было по прошествии тринадцатого охотпромысла), я счёл возможным ответить в книге «Лицензия на одиночество». Там промысловик Фёдор Скатов (литературный герой) по окончании сезона, когда вертолёт облетал уголья-урочища для сбора охотников, неожиданно спрашивает у директора госпромхоза разрешение остаться в тайге до лета.

Каково, а? Полгода в изоляции и, казалось бы... М-да, но такой геройский поступок в реалии возможен далеко не в первый промысловый год! Так вот, наш писатель, возвращая мне рукопись, прокопчённую донельзя табачищем, выдал предисловие, назвав его «Возвращение к личной силе».

Текст нервный, корректуре не поддается, потому строго по сути: «Одиночество – катарсис. То есть очищение. Если конкретней, очищение духа... Природные циклы воспринимаются безропотно; на природу не поропщешь, у нее нет плохой погоды. Есть ты сам. С данной, принадлежащей только тебе личной силой. Вне

леса ты можешь о ней не знать. Когда ты – как все. Или как многие...

Автор текста отправляет тебя в лес. В сибирскую тайгу. В исконную глушь, в урманы, в урему, в тайболу (перешеек, тропа через заболоченное место – прим. ред).

«Великие – они тут как тут: британский писатель Бернард Шоу: «Уметь выносить одиночество – великий дар»; немецкий философ Артур Шопенгауэр: «Кто не любит одиночество, не любит и свободу»; американский писатель Эдгар По: «Всё, что я любил, я любил в одиночестве»; пусть более умеренно, но и наш, русский, авторитетнейший философ, упомянутый выше Фёдор Достоевский: «Быть одному – потребность нормальная»».

Он сам, автор, уходит туда, где герой начинает водить автора. И автор пишет всё как есть. Как видел и слышал. Добыча – одна-единственная, недостижимая. У неё имя есть. Свобода. Продолжившая лицензию на одиночество»...

Да, верно подмечено, что одиночество – это тернистый путь к свободе, цепь испытаний, которые очищают душу. Поистине справедлива христианская мысль о том, что «страданиями душа совершенствуется».

В эссе, сотворённом моим коллегой, было много импульсивных, набегающих и сталкивающихся строк, неожиданных знаков препинания, даже лагизмов. Без сомнения, он добросовестно поучаствовал в раскрытии означенной темы. Но он – человек со стороны. И, конечно, неведом ему психологический перелом, когда количество переходит в качество, когда наконец одиночество, поверженное «личной силой», подпитанное опытом, превращается в лёгкую радость, божью благодать.

Цитирую из «Таёжного кодекса»: «Окончательно собрав всё на стол, опустив ноги в таз с горячей водой, Скат, наконец, угомонился – устроился поудобней на фанерном ящичке, подстелив плед.

Ну что, дядя Федя? Имеешь полное право «заквасить»! Путики – настропалены, сейчас делаю спаренную днёвочку... постирать, сходить в баньку... нажарить шашлычков... Классно!

Неспешно, растягивая удовольствие, приступил к трапезе. Мысленно окинул свои лесные ходы: тропы – протёсаны, капканчики – на взводе, приманка – в достатке и покачал головой, вдруг поражаясь прорвой сделанного, и не абы как, на отвязжись, а добротнo, с душой.

– А что, Скат, ты, оказывается, большой молодец! – сделал он себе комплимент, опрокидывая очередной стопарь под ножку рябчика. – А хорошо, чёрт побери!

Мешал транзистор. Он выключил его, толкнул дверь. Ламповый свет прыгнул наружу, упёрся в конуру. Из лаза торчала собачья голова, глаза светились изумрудами.

– Всё хорошо!

Скат знал: не в роме дело и не в удаче, хотя десяток соболей, несколько норок, добытых попутно, – неплохой задел.

Эйфорические состояния почему-то приходили только здесь, в лесу, обычно по вечерам, в условиях минимального комфорта. В той, цивилизованной жизни – никогда.

Скат шагнул в проём, сел на порог, вытянул босые ноги навстречу холоду. Избенной свет, упираясь в спину, спроецировал перед конурой голову и плечи гигантского человека – владыки тайги.

Шёл семнадцатый охотничье-промысловый сезон.

Мне не дано судить, насколько трансформировались мои черты характера, а равно и у многих, которые, испытывая непреодолимое влечение к охоте, смогли пройти испытание одиночеством без потерь.

Великие – они тут как тут: британский писатель Бернард Шоу: «Уметь выносить одиночество – великий дар»; немецкий философ Артур Шопенгауэр: «Кто не любит одиночество, не любит и свободу»; американский писатель Эдгар По: «Всё, что я любил, я любил в одиночестве»; пусть более умеренно, но и наш, русский, авторитетнейший философ, упомянутый выше Фёдор Достоевский: «Быть одному – потребность нормальная».

Можно привести ещё много цитат с оптимистической оценкой этого термина, но истины ради – в умах великих немало и полярных суждений.

И вот здесь мне остаётся ориентироваться на личный опыт и субъективные суждения.

Не буду купать себя в овациях, но вот что совершенно бесспорно: вышел из испытаний – приобрёл уверенность и силу; выполнил вопреки обстоятельствам нелёгкую работу – отраднo на душе, научился входить в изменённое сознание и думать как зверь – развил в себе исключительные способности. А чтоб читатели не попеняли автору за тщеславие, скажу попросту, как есть: сумел выйти из тайги живым и здоровым – и слава Богу!

Если вы встретите сосредоточенно-неторопливых в манерах, убеждённых в своих принципах, жёстких до непримиримости в оценке людей – знайте: они из тех, кто не только познал одиночество, но и сумел возвыситься и над ним, и над судьбой своей.

«Добыча в тайге – не только дичь. Это и глубинные знания, наблюдения, и... лишённое городской суеты время, растянутое в хвойном пространстве, располагающее к осмыслению человеческого бытия в первозданной природе»

К 190-летию Василия Перова

Тоболяк по рождению, художник по призванию Василий Перов

Текст Вячеслав СОФРОНОВ

Барон Криденер и его тобольские крестники

Достоверно известно, что Василий Перов родился в Тобольске. По неточным сведениям – 21 декабря 1833 г. (2 января 1834 г. – по другим, и, стало быть, в этом году у художника был 190-летний юбилей – прим. ред.). Во всяком случае, документального подтверждения этой даты на сегодня не имеется. Дело в том, что родился он вне брака, а возможно, был и приёмным сыном барона Григория Карловича Криденера, который на тот момент служил тобольским губернским прокурором. В силу «строгости законов» того времени он не мог дать сыну свою фамилию, и долгое время мальчик рос бесфамильным, что довольно часто встречалось в прошлые века. О матери нашего героя сведений не имеется. Даже имени её история для нас не сохранила. Верно, была она из незнатного податного сословия – из мещан, а то и из крестьян.

Барон Криденер вёл свое происхождение из балтийских немцев, со временем изрядно обрусевших и принявших православие. Об этом говорит тот факт, что ему случалось быть в Тобольске «восприемником», то есть крёстным, нескольких новорожденных, что исправно зафиксировано в метрических церковных книгах. Лютеранин или католик на эту роль не подходили. Да и столь важный пост губернского прокурора мог занимать лишь православный человек. Когда мои познания в тонкостях архивного дела были ещё на уровне совсем зелёного исследователя, то заведующая читальным залом Тобольского архива Тамара Анатольевна Панова «по секрету» сообщила мне, что нашла фамилию Криденера, губернского прокурора, в архивных фолиантах.

Запомнив столь редкую для русского уха фамилию, сам через какое-то время случайно наткнулся на любопытную запись в метрических книгах, где фиксировали вновь рождённых: «14 мая 1832 г. в приходе церкви Рождества Богородицы крещена Господину Прокурору Крединеру подкинутый младенец Ольга. Молитвовал и крестил священник Баженов при дьячке Резчикове. Восприемница Тобольского Полицмейстера Александра Гавриловича Алексеева жена Пелагея Кондратьевна».

Автопортрет
my.tretyakov.ru

Да простит читатель за плохо воспринимаемый стиль документа. Выражаясь современным языком: губернскому прокурору подкинули ребёнка, которого при крещении нарекли Ольгой. Восприемницей сироты, или, как сейчас принято говорить, – крёстной матерью, – выдалась стать жена тобольского полицмейстера. По какой причине подкинули ту девочку именно Криденеру (в документе его фамилия записана с искажениями, верно, писали на слух) можем лишь догадываться. Подкидышей несли обычно к дверям состоятельных людей. А имел ли прокурор какое-то отношение к появлению на свет той сироты, Господь знает.

Чуть раньше в том же году 13 марта в приходе Рождества Богородицы Криденер крестит сына Александра у «Титулярного Советника Захара Корнеевича Карпенко-Бережневского». Ещё через год 17 июня 1833 г. в приходе Богоявленской церкви губернский прокурор Григорий Карлович записан как Надворный Советник Круднер. Он всё с той же Пелагеей Кондратьевной Алексеевой значится в восприемниках на крестинах у новорожденного сына Александра «служащего в Совете Тобольского Губернского правления чиновника 12 класса Петра Семёновича Теодорова».

Не удержусь от соблазна и сообщу читателю, что в приходских метриках отыскивал своих собственных родственников: нашёл в приходе Петропавловской церкви дату крещения Александры Никифоровны Ольховской – 22 июня 1832 г., которая приходится мне не больше и не меньше как пращуркой (есть такой термин в генеалогии, означающий прабабушку моей бабушки). Правда, крёстный её был не столь значим по чину.

Служить бы рад

Но вернёмся к Григорию Карловичу Криденеру. Он был не только добрым отцом, но, как сейчас принято говорить, всесторонне воспитан и развит: владел несколькими иностранными языками, играл на скрипке и фортепьяно и даже был не чужд сочинительства. Почему же при его дарованиях и социальном статусе (барон!) он оказался столь далеко от столицы? Пил? Играл в карты? Дрался на дуэлях? Насчёт этих пороков биографы В.Г.Перова ничего не сообщают, но в один голос заявляют, что

был барон невыдержан в своих высказываниях, особенно когда это касалось вышестоящего начальства. Кто же подобное потерпит хоть тогда, хоть в наше демократическое время?! Советую проверить. И тогда вы узнаете, почему достопочтенный барон долго не задерживался на одном месте службы. Хотя документально эти факты не зафиксированы. Тем не менее и в Тобольске Григорию Карловичу долго не послужилось и, став крёстным отцом нескольких малышей, через год после рождения сына, вполне возможно приёмного, он переехал на службу в Архангельск.

Думается, слава о его злом язычке и колкостях в начальственный адрес бежала если не впереди барона, то шла об руку с ним. Может, намекнули барону, а может, сам понял, что роста по службе ему не дожидаться исключительно в силу собственного характера, и через два года он подаёт в отставку. Его биограф на этот счёт выразился довольно скупой: «из-за французских стихов, написанных им на всю губернскую администрацию». Семья на какое-то время обосновывается в Петербурге, а затем перебирается в родовое имение «Суслан» в окрестностях г. Юрьева, принадлежавшее старшему брату рода Криденеров – Морицу. Затем была деревня Кротовка в Самарской губернии, которой владел зять дочери барона от первого брака, а потом деревня Кольцовка, принадлежавшая уже другому зятю.

Проба пера

Именно здесь маленький бесфамильный пока Василий по обычаю того времени был отдан на обучение к священнику, а от него - к заштатному дьячку. А кто ещё мог обучить грамоте в глухой деревне? Зато мальчик получил первые уроки по грамоте, письму, арифметике и Закону Божию. Существует легенда, будто бы за особые успехи по части чистописания он и получил фамилию Перова.

В 1842 г. барон с семьёй переехал в Арзамасский уезд Нижегородской губернии, став управляющим имением «Саблуково». Тут будущего живописца постигла жестокая оспа, в результате которой он едва не ослеп, а отметины от неё носил всю жизнь на своем лице. Волею случая в имение прибыл живописец из Арзамаса, которому барон поручил исправить изображённую рядом с ним на портрете собаку. Василий тут же принялся подражать художнику и озадачил того тем, что довольно точно схватывал основы рисовального искусства, и этот факт стал основополагающим в судьбе будущего великого русского живописца.

После того как В.Г.Перов закончил за три года курс в Арзамасском уездном училище, показав особые успехи в рисовании, встал вопрос, где ему продолжить образование. Для родителей более престижной виделась Нижегородская гимназия, но нашлись люди, которые настойчиво рекомендовали отдать талантливого мальчика в художественную школу А.В.Ступина в Арзамасе. Родители долго не соглашались, справедливо считая, что профессия художника в России далеко не самая лёгкая и престижная. К тому же в нравственном отношении выпускники подобных школ оставляли желать много лучшего: пьянство и художник уже тогда были синонимами. И тем не менее победил талант, и в 1846 г. Перов поступил в школу Ступина, но на особых условиях: он будет посещать школу лишь два раза в неделю, а остальное время заниматься дома. Так родители хотели уберечь мальчика от общероссийского порока. Но уже через три месяца мальчик явился домой в изрядном подпитии, чем произвёл всеобщую семейную панику. Чтобы

дать сыну возможность доучиться, барон Криденер переезжает в Арзамас и снимает квартиру прямо напротив училища, чтобы более полноценно производить родительскую опеку. Может, излишними были родительские опасения, а может, как раз вовремя усилили они свой надзор за развивающимся талантом, «соломку подстелили», но на протяжении всей дальнейшей жизни проблем с выпивкой у Перова не было.

Первая картина

На первых порах ученикам художественной школы запрещалось писать масляными красками, и тогда Перов тайком от всех начал писать копию с картины кумира тогдашней живописи Брюллова. Но бдительный учитель застал пятнадцатилетнего мальчика за этим занятием и... неожиданно похвалил, разрешив и дальше работать по маслу. Биограф пишет: «Как прежде в рисовании, так теперь в живописи он доходил до всего сам, почти без посторонней помощи, если не считать помощью указаний других лиц, матери и товарищей, на предметы занятий».

В 1849 г. семейство Криденеров совершает очередной переезд, а Перов остаётся в Арзамасе, предварительно дав матери слово, что «не будет увлекаться дурным примером своих товарищей». И надо сказать, что слово своё он сдержал и даже пошёл на разрыв со сверстниками, закончившийся крупной ссорой, после которой подросток в очередной раз, в прямом смысле, пошёл своим путём – забрав вещи, он вернулся в родительский дом, пройдя пешком 35 вёрст.

Сколько нам известно примеров, когда тот или иной молодой человек, одарённый талантом, оставшись недоучкой, всю свою дальнейшую жизнь посвящал сетованиям на окружающий мир, на несправедливое к нему отношение и тому подобное. Примеров множество. Но гораздо реже встречаются таланты, которым Бог дал ещё и характер или они сами выработали, выпестовали его. Таким житейские бури и дрязги нипочём. Они видят цель и идут к ней, не опускаясь до обвинения других. Их принцип: человек, помоги себе сам.

Перов, несомненно, имел характер и, оставив обучение (может быть, как раз вовремя), продолжил занятия живописью. Выбрав одного из своих сверстников, он сделал его натурщиком и в великий пост принялся писать картину «Распятие Христа». Для этого он сколотил большой крест, в нём сделал кольца для рук и ног, куда поместил своего натурщика, привязав того для верности широкими ремнями. Шесть недель шла работа, и добровольный помощник терпеливо сносил страдания, оставаясь распятым на время сеансов. Когда картина была закончена, то Перов с гордостью направился с ней в церковь в соседней деревне. Но церковь оказалась старообрядческой, и священник предложил юному художнику сделать некоторые изменения на картине, что по его понятиям должно было соответствовать общепринятым канонам. Живописец вновь проявил характер, сделать изменения отказался и отправился к церковному старосте другого села, где картину приняли с радостью и без всяких претензий. После этого, осознав себя мастером, он с жадностью накинулся на работу, за короткий срок написав портреты отца, нескольких родственников и свой автопортрет.

Обучение в Москве

При всём том он понимал, к счастью, и родители тоже, что процесс обучения далеко не закончен. В 1852 г. Перов вместе с матерью отправился в Москву, где поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества в класс к преподавателю

Н.А.Рамазанову. Видимо, мать, пристроив сына в престижное училище, вернулась обратно к семье, поскольку биографы указывают, что его «приютила одна почтенная старушка, очень тепло относящаяся к Перову, постоянно оказывающая ему и нравственную, и даже материальную поддержку, когда отец его, обременённый большим семейством и сам крайне нуждавшийся, принуждён был прекратить всякую помощь сыну и перестал присылать ей деньги на его содержание». Когда его хозяйка умерла в 1855 г., то Перов хотел было бросить обучение и уехать куда-нибудь в провинцию учителем рисования. Но помогли училищные преподаватели: один из них взял его к себе на квартиру, а другой записал на своё имя, освободив от платы за обучение.

Первые награды

В 1856 г. за свой этюд «Голова мальчика», написанный с двенадцатилетнего брата Николая, Перов получил малую серебряную медаль Академии Художеств. Затем он пишет многофигурную картину «Приезд станового на следствие», за которую получил от академии большую серебряную медаль. Картины выставляли в училище, а затем в зале академии, где она «имела громадный успех». За другую свою картину – «Сцена на могиле» – в 1860 г. он получил малую золотую медаль. За основу картины – он взял слова из русской народной песни: «Мать плачет, как река льётся; сестра плачет, как ручей течёт; жена плачет, как роса падает, – взойдёт солнышко, росу высушит». Зрители отмечали «экспрессию действующих лиц» картины. Но сам Перов был ею недоволен и, чтобы лучше постичь основы рисунка, начинает посещать в течение нескольких месяцев младшие классы училища, где рисует наравне с новичками. Лишь после этого он берётся за картину, которую назвал «Сын дьячка, произведённый в первый чин». В качестве натурщиков он приглашает училищных дьячка и портного. Совет академии утвердил эскиз, отвели художнику мастерскую, определили содержание. В 1861 г. за эту картину Перов был награждён второй золотой медалью. После этого следует очередная награда (большая золотая медаль) за картину «Проповедь в селе» и право поездки за границу за казённый счёт. В 1862 г. Перов выезжает в Париж, обвенчавшись до этого с Еленой Эдмундовой Шейнс.

Несбывшиеся ожидания

Париж для всех художников, и в частности для русских, всегда оставался желанной Меккой, где они приобщались к иному миру, иному искусству. Да что там художники! И литераторы, и музыканты желали бы жить там, творить, вечерами встречаться в уютных кафе, спорить, дышать свободой, которую им с избытком дарил некоронованная столица мира. Сколько известно случаев, когда они не хотели возвращаться на родину, желая «умереть в Париже». Тем более не совсем понятно, что случилось с Перовым, который смог выдержать парижскую жизнь лишь два года, а затем обратился в академию со слезным прошением об окончании своей командировки на год раньше. Вот как он мотивирует причину своего возвращения: «Причины, побудившие меня просить об этом: несмотря на всё моё желание, я не мог исполнить ни одной картины, которая бы была удовлетворительна, – незнание характера и нравственной жизни народа делают невозможным довести до конца ни одной из моих работ». И действительно, им были начаты такие картины, как: «Итальянец, продающий статуи», «Шарманщик», «Старик с кружкой» и другие. Но до конца ни одну из них он не сумел довести. В России, только в России он видел своё призвание, верен которому остался до конца

своих дней. Недаром его называют живописцем «загадочной русской души».

Живописец русского народа

Не будем вдаваться в детали биографии нашего земляка. Об этом можно прочесть как в популярных, так и специальных изданиях, благо, что Василий Григорьевич Перов – один из самых почитаемых у нас художников. Отметим, что даже самые первые работы его произвели огромное впечатление на публику, увидевшую в художнике прямого наследника П.Федотова, но наделённого большей наблюдательностью, глубоко вникающего в русскую жизнь.

С 1865 по 1871 г. он создал ряд произведений, поставивших его в один ряд с лучшими живописцами Европы. В этот период из-под его кисти вышли такие картины, как «Очередная у фонтана», «Монастырская трапеза», «Проводы покойника», «Тройка», «Чистый Понедельник», «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Учитель рисования», «Сцена у железной дороги», «Последний кабац у заставы», «Птицелов», «Охотники на привале», «Рыболов» и другие. В 1866 г. он удостоен степени академика, а за «Птицелова» в 1870 г. получил звание профессора. Он проявил себя и как талантливый портретист. Так, портреты А.А.Борисовского, В.В.Бессонова, А.Ф.Писемского, А.Г. и Н.Г.Рубинштейнов, М.П.Погодина, Ф.М.Достоевского и купца Камынина вошли в сокровищницу русской живописи. В 1871 г. Перов получил место профессора в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и примерно в то же время примкнул к товариществу передвижных художественных выставок.

Его кисти принадлежат и картины на библейскую тематику: «Христос в Гефсиманском саду», «Снятие с креста», «Весна» и другие. Интересовала Перова и тематика отечественной истории, что нашло выражение в картинах «Плач Ярославны», «Первые русские христиане», «Поволжские хищники», «Пугачёвцы», «Никита Пустосвят».

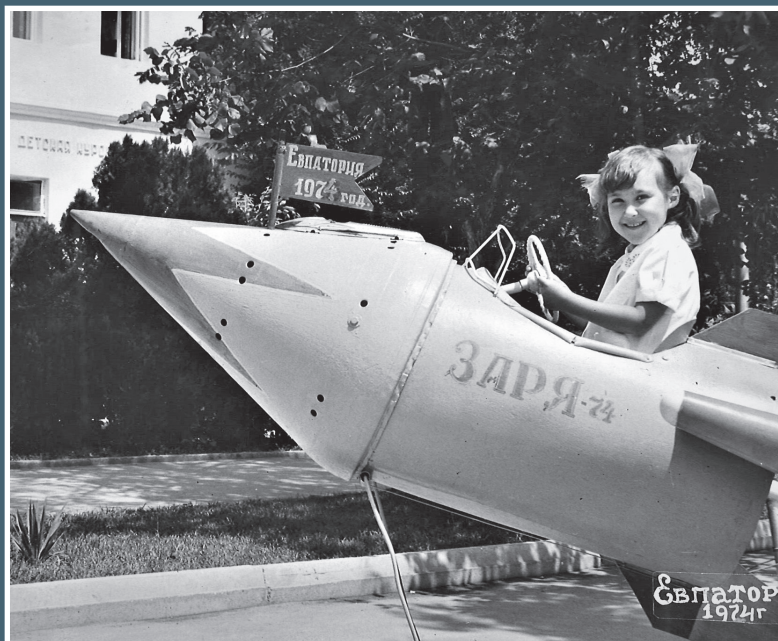
В конце жизни Перов занялся литературной деятельностью, поместив в газете «Пчела» за 1875 г. и в «Художественном Журнале» за 1881–1882 гг. несколько рассказов из быта художников и свои воспоминания.

Умер он от чахотки в селе Кузьминки под Москвой 29 мая 1882 г., похоронен в московском Даниловом монастыре.

В завершение приведём слова живописца, которые мог сказать лишь человек, хорошо понимающий, что такое Творчество.

«Чтоб быть вполне художником, нужно быть творцом; а чтобы быть творцом, нужно изучать жизнь, нужно воспитать ум и сердце, воспитать не изучением казённых натурщиков, а неусыпной наблюдательностью и упражнением в воспроизведении типов и им присущих наклонностей... Этим изучением нужно так настроить чувствительность воспринимать впечатления, чтобы ни один предмет не пронёсся мимо вас, не отразившись в вас, как в чистом правильном зеркале... Художник должен быть поэт, мечтатель, а главное – неусыпный труженик... Желающий быть художником должен сделаться полным фанатиком, живущим и питающимся одним искусством, и только искусством».

Когда в Третьяковской галерее или на простенькой репродукции вижу его «Тройку», то невольно пытаюсь через снежные метельные завихрения разглядеть узнаваемый облик родного Тобольска, хотя и понимаю, что тобольских тем у живописца нет. Но почему-то хочется верить, что сибирский дух пропитывает все его полотна. Потому что Сибирь была и остаётся «парником» огромного числа талантов, составивших славу России.

УРОКИ ЖИЗНИ

Мне пять лет... На календаре 1 марта, и погода на удивление тёплая. После зимы я впервые вышла на улицу не в шубке, а в куртке. В руке у меня веточка, и на ней уже набухли почки. Я хожу с этой веточкой и напеваю: «Первый день весны пришёл, мне сегодня хорошо!» И вечером, когда домой возвращаются родители, бабушка им говорит: «Наша Оля-то – композитор!»

К 180-летию И.Я.Словцова

Словцов, опередивший время

Два тома научных трудов исследователя-энциклопедиста Ивана Яковлевича Словцова, изданные в столичном издательстве «Наука», – не предел. Будет и третий, и четвёртый... Таково истовое желание специалистов Тюменского музейно-просветительского объединения и издателя Тимофея Сайфуллина, чья инициативность и стремление сохранить славные страницы региональной истории подарили новую жизнь богатому наследию нашего земляка. Первый том запланированной книжной серии вышел в прошлом году, второй поспел аккурат к 180-летию со дня рождения Словцова.

Текст и фото **Ирина ТАРАБАЕВА**

Материализация идеи

Иван Яковлевич – личность неординарная. Широтой своих знаний (археология, палеонтология, этнография, биология, зоология, педагогика), организаторскими и администраторскими способностями, новаторскими подходами в деле и неуёмной энергией он изумлял своих современников. Всем этим Словцов, опережавший своё время (это отчётливо видится из XXI века), продолжает удивлять и сейчас.

Столь разносторонне одарённые люди – «товар» штучный во все времена. И именно такие люди всегда восхищали Тимофея Сайфуллина. Их жизнь и труды хотелось изучать, извлекать из забвенья занятые повороты их судеб, напоминать о них тем, кто слабо знает родную историю. С идеей издать труды Ивана Словцова Тимофей Алексеевич жил несколько лет. Она начала формироваться ещё в культурном центре «Русская неделя», где Сайфуллин вместе с Мирославом Бакулиным работали над философскими и религиозными изданиями, постепенно погружаясь в краеведение с подачи большого знатока темы Юрия Мандрики. Потом «Русская неделя» прекратила существование, а идея осталась.

Игорь Шишкин

– Пару лет я ходил по Тюмени, искал инвестора, – поведал Тимофей Алексеевич. – Желание помочь изъявил только депутат областной Думы Дмитрий Новицкий. Он готов был поддержать проект, но вкладчину с коллегами. Увы, не случилось. И вдруг меня посетила мысль обратиться в музей имени Словцова. Как раньше она в голову не пришла?

Он написал обращение к генеральному директору ТМПО Светлане Сидоровой, а сам махнул в Питер, где побывал на могиле Ивана Яковлевича. Кстати, тюменцы в 2019 году совместными усилиями восстановили разорённый надгробный памятник ему (стопка книг с глобусом и крест), и случилось это как раз в преддверии 175-летия со дня рождения Словцова.

Стоя у памятника, Сайфуллин признался Ивану Яковлевичу, что устал искать поддержку и готов сдать. Но вернулся в Тюмень, и тут сразу всё закрылось.

– Я пришёл в музей со своим списком трудов Словцова, – рассказал Тимофей Алексеевич. – Оказалось, есть ещё и ещё и в Тобольске, и в Омске... В Тюмени хранится его большая коллекция, над которой, как мамочки, хлопочут фондовики, готовые про каждый черепок подробно и с любовью рассказывать. В разговоре со Светланой Юрьевой моя идея, наконец, оформилась. Появилась ясность, что нужно делать, чтобы в выгодном свете подать труды сибирского учёного. Так началась наша работа с доктором исторических наук, учёным секретарём ТМПО Игорем Шишкиным.

– Словцов оставил после себя богатейшее наследие, – подчеркнул Игорь Геннадьевич. – Он писал учебники, которые выдержали несколько переизданий, научные труды на различные темы. Публиковался в различных журналах и газетах, в том числе в «Записках Западно-Сибирского отделения Российского географического общества», «Научном вестнике Томского университета». Но очень многое из написанного им не опубликовано и хранится в рукописях. В фондах Тобольского архива таких рукописей – колоссальное количество. Имя Словцова хорошо известно краеведам, музейщикам, историкам Сибири, но широкому обывателю оно, увы, вряд ли что-то говорит, особенно за пределами Тюмени и Тобольска. У нас оно на слуху за счёт того, что музейный комплекс носит имя Словцова. Хотя нельзя сказать, что об Иване Яковлевиче никто ничего не писал. В первом томе приведена библиография работ о нём, их порядка шестидесяти. Однако переизданием его трудов для широкой аудитории занимался только Юрий Мандрика, он публиковал отдельные работы Словцова в альманахе «Лукич» и в «Тобольских губернских ведомостях». Мандрика в этом отношении большой молодец! Нужно низко поклониться этому человеку. Он нашёл письма Словцова тестю – естествоиспытателю и горному инженеру Гуляеву – в Барнауле. Отсканировал их за свой счёт, издал, а ксерокопии подарил нашему музею. Поэтому, конечно, нельзя сказать, что труды Словцова не издавались. Но то, что задумано нашим музейно-просветительским объединением, – выборка наиболее интересных и значимых работ, которые получили отклик ещё при жизни Словцова, и систематизация их по темам, – такого осмысления его наследия и подачи материала ещё не было.

Снабдить книги множественными иллюстрациями – это была идея Тимофея Сайфуллина.

– И он был прав! – подтвердил Игорь Шишкин. – В коллекции Тюменского музейно-просветительского объединения сохранилось много артефактов, добытых самим Словцовым в ходе археологических и этнографических экспедиций, изучения им флоры и фауны нашего края, в том числе чучела птиц, фрагменты гербариев, которые он сам делал. Богатейший прикладной иллюстративный ряд!

– Ещё один иллюстративный ряд выстроен снимками, любезно предоставленными нам Кунсткамерой, – добавил Сайфуллин. – Мы сами обратились туда, пояснив, что у нас есть труд Словцова «Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский округ Акмолинской обл. в 1878 г.». Хотелось совместить его с какими-нибудь экспедиционными фотографиями того же времени. В своих переписках Иван Яковлевич указывает на то, что у него были фотографии, которые он отправлял в Омск. Но они, увы, не сохранились. А в Кунсткамере хранятся снимки этнографа, фотографа, художника и путешественника Самуила Дудина, их более 500. Один-два года всего разница между его путешествием и словцовским.

Притягательных сюжетов много

Два тома словцовских трудов были изданы за счёт средств Тюменского музейно-просветительского объединения. И музейщики планируют продолжить эту книжную серию. Например, в третьем томе запланирован рассказ о ранней истории Тюмени через документы, которые Словцов передал в Императорскую академию наук

в Санкт-Петербурге, где они и сохранились. Речь идёт о первом 40-летию XVII века – бытование Тюмени, история её развития. В книге будут воспроизведены 80 документов, им дадут подробное описание.

Любопытно: как они оказались у Ивана Яковлевича? На этот вопрос Шишкин воскликнул:

– О, это интереснейшая история! В Тюмени существовала воеводская канцелярия, основанная едва ли не с основания города-острога. Там собирали и хранили все царские указы, воеводские отписки, отчёты о сборе налогов, челобитные и прочее. И поскольку Тюмень существовала благополучно, её не преследовали наводнения и не так часто случались пожары, документы эти хранились веками. А когда в XIX столетии появилась городская Дума, всё это наследие перешло в её ведение. Что делать с таким богатством, никто не знал. С одной стороны, толща веков в документах, с другой – разбирать всё это ни времени нет, ни специалистов. Однако всё это необходимо было как-то хранить. Насколько мне известно, в 1878 году для разбора и систематизации старинного архива был нанят учёный из Казанского университета, некий И.И.Канонников. Какое-то время он выполнял порученное ему дело, но потом по непонятным причинам прервал работу и уехал. И, как позже выяснилось, прихватил с собой 40 томов с наиболее интересными, на его взгляд, документами. Возможно, со временем они вовсе сгинули, а может, где-то лежат до сих пор.

– Канонников уехал, а с архивом-то всё равно надо было что-то делать, – продолжил Игорь Геннадьевич. – В 1896 году представители гордумы по ходатайству Археологической комиссии Министерства народного просвещения обратились к Словцову. Иван Яковлевич уже тогда был личностью выдающейся – директор реального училища, общественный деятель, известный учёный. Он согласился поработать с архивом, несмотря на свою занятость. И даже попытался что-то сделать (некоторые документы, в том числе несколько указов Бориса Годунова, были им расшифрованы и записаны современным русским языком), но оказалось, что полностью разобрать архив ему не под силу. При этом Иван Яковлевич понимал, что у него в руках – ценнейший материал и что в Тюмени он, если ничего не предпринять, пропадёт. Что сделал Словцов? Он, видимо, получив согласие городской Думы, обратился в Императорскую академию наук с просьбой принять часть архивных документов на сохранение. Замечу, этот архив – огромный исторический пласт. Первый документ в нём датирован 1597 годом! Но вообще, документов XVI века там мало. Зато в архиве отложились подробно XVII, XVIII и XIX века. Сегодня весь этот массив документов до сих пор хранится в Российской академии наук и находится в разделе, который называется «Документы из фонда Словцова». И мы должны быть благодарны Ивану Яковлевичу, который уберёт ценнейшие исторические материалы. Одной их части, самой древней (с 1597 года по 1640-е), мы и хотим посвятить третий том нашей серии.

– Почему вы выбрали такой короткий отрезок времени? – поинтересовались мы.

– Это пока, – заверил Шишкин. – Все документы требуют расшифровки и перевода, осмысления, дополнения археологическими справками. Постепенно мы сделаем это и,

конечно же, обратимся к документам времён царствования Алексея Михайловича, Петра Первого и так далее.

Приступая к работе над первым томом, Шишкин и Сайфуллин единодушно решили, что простое переиздание трудов будет скучным. Им хотелось показать, насколько актуальны идеи Словцова сегодня. Поэтому они обратились к современным учёным (историкам, археологам, биологам, зоологам, географам) с предложением прокомментировать статьи Ивана Яковлевича.

– К счастью, у нас специалисты есть и в Тюменском государственном университете, и в Сибирском центре РАН, – заметил Игорь Геннадьевич. – Что интересно, если при работе над первым томом нам приходилось их убеждать дать комментарий, то после того, как в 2023-м сборник занял первое место в номинации «Лучшая научная книга» в региональном конкурсе «Книга года», для второго тома учёные соглашались давать комментарии без особых уговоров. Меня удивило, что комментаторы, никогда близко не соприкасавшиеся с работами Словцова, отмечали, что они фундаментальны, интересны и даже современны. Профессура, знакомая с историей развития научной мысли, была поражена тем, что Иван Яковлевич, находясь в сибирской провинции в отрыве от академических центров, владел современной тому времени методикой исследования, знал классификацию типов и видов, передовые методы раскопок.

Чем глубже Шишкин и Сайфуллин погружались в тему, тем больше находили малоизвестных, но интересных и притягательных сюжетов и фактов. Например, их весьма заинтриговало скупое упоминание об участии Словцова в организации промышленно-художественной выставки в Москве в 1882 году, которое можно найти во всех биографических изданиях об учёном. Игорь Геннадьевич решил прошерстить музейные фонды и к своему удивлению обнаружил переписку Ивана Яковлевича с чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Павловым-Сильванским, с которым они и готовили выставку. Сохранилось несколько черновиков писем Словцова Павлову-Сильванскому и его ответы Словцову, а также переписка Ивана Яковлевича с тобольским губернатором Владимиром Лысогорским и несколько протоколов комитета по подготовке выставки. В письмах, которые Словцов писал своему тестю, Шишкин нашёл размышления о том, как учёный сам оценивал свою работу. Так по крупицам собрались детали, и получилась прекрасная вводная статья ко второму тому о малоизвестных страницах биографии Словцова.

– У нас каждый том предваряет биографический очерк о Словцове, – уточнил Игорь Геннадьевич. – И мы планируем продолжать эту практику, раскрывая читателю разные стороны жизни нашего героя. Например, Словцов и образование в Западной Сибири. Интересно же? Иван Яковлевич – крупнейшая фигура. Он не только основатель Омского и Тюменского музеев, он очень многое сделал для становления образования, в том числе кадетского в Омске и реального в Тобольской губернии. Сегодня мы говорим о ноу-хау в системе образования – создании попечительских советов при учебных заведениях, фондов для привлечения средств, которые можно направить на развитие материальной базы, о поддержке талантливых детей из малоимущих семей. Но нет ничего нового под луной. О нововведениях в системе образования, которыми мы гордимся, Словцов

говорил ещё в XIX веке! Думаю, было бы здорово издать историю образования Западной Сибири в размышлениях и заметках Словцова. Словом, наша работа будет не скоро завершена. Впереди у нас ещё очень много интересного.

– Кстати, сейчас мы занимаемся расшифровкой рукописи, касающейся работы Словцова в Сибирской военной гимназии (г. Омск), где он начинал как молодой педагог, – дополнил Тимофей Алексеевич. – В воспоминаниях он описывается как молодой человек, который любит быструю езду на лошадах. Историк-краевед Георгий Катанаев писал: «Нередко можно было видеть его в веселом настроении, ухарем разъезжающим по городу зимою в лёгких саночках, шапка набекрень и с трубочкой в зубах – так себе для променаду». Никто не мог предполагать, что из этого, казалось, совершенно беззаботного юного фланера выйдет серьёзный учёный...».

– Значимость личности Словцова до сих пор не оценена должным образом. Масштаб фигуры его не осознан. Ещё долго мы будем постигать его, – сделал вывод Игорь Геннадьевич. – Это был пассионарий. Чего только ни было в поле его зрения! Наверное, не нашлось ни одной стороны жизни общества, куда бы не обратился компетентный и любопытный взор Ивана Яковлевича. Эта пассионарность его и подвела. Он очень быстро стал терять здоровье. Бурная кипучая деятельность, все эти путешествия по Кокчетавскому уезду, Сибири, Уралу надломили исследователя. Повлияла и нервная должность директора реального училища. У Словцова рано начались проблемы с опорно-двигательным аппаратом. Одно время рука не работала. Мы сейчас с Тимофеем смотрим его работы, которые написаны разным почерком. Сам он не мог писать и надиктовывал своим ученикам.

– Кстати, Словцов мог и не стать директором Александровского реального училища, – обратил внимание Шишкин. – Он вообще не стремился покинуть Омск, который был тогда крупным административным центром и где сам Иван Яковлевич был на хорошем счету. Однако когда ему предложили возглавить гимназию в Томске, он дал согласие. Но что-то не срослось тогда. После этого Словцов и получил назначение в Тюмень. Здесь у него изначально не сложились отношения с коллективом училища, где во многом работали люди случайные. У Ивана Яковлевича возникали с ними конфликты. Он даже помышлял уехать из Тюмени, но западносибирский генерал-губернатор Николай Казнаков разрешил ему самому сформировать штат. Только после этого Словцов прочно осел в нашем городе. К своему делу он подошёл очень серьёзно. Думал не только об укреплении материально-технической базы училища. В его планах уже было создание музея, на основании экспозиций которого дети могли бы познавать естественную историю края, а также ремесленных классов, где для них проводились бы практические занятия. Он замыслил разбить при училище сад, и частично эта идея была реализована. Кроме того, Словцов сразу же озадачился созданием попечительского совета из именитых купцов города. Мало того, хотел выкупить долю золотых приисков для того, чтобы доходы от продажи найденного золота шли на развитие материально-технической базы учебного заведения. Представляете? Иван Яковлевич на сто лет опережал своё время. И таких идей у него было полно. Живость ума – вот что его отличало ото всех!

Библиографическая редкость

Оба тома трудов Словцова были изданы в старейшем академическом издательстве «Наука», ведущем свою историю с 1917 года (а предшественницей издательства была типография Академии наук, существовавшая с 1727 года!). С «Наукой» у Тюменского музейно-просветительского объединения сложились настолько добрые партнёрские отношения, что, несмотря на огромный заказ (20 томов «Истории России»), там нашли время, чтобы издать второй том к 180-летию Словцова.

Но что такое 500 экземпляров для такого издания? Это до обидного мало. Конечно же, Игорь Шишкин и Тимофей Сайфуллин понимают, что создают библиографическую редкость.

– Когда в Москве была очередная книжная ярмарка на Красной площади, нас за это ругали, – признал Тимофей Алексеевич. – Москвичам очень интересно всё, что Сибирь издаёт, и не только о сибирском панк-движении, к которому они равнодушны, но и о нашей истории. Поэтому они сильно удивляются, что мы делаем такие маленькие тиражи. Но! Зато повышается ценность книги...

Игорь Геннадьевич, однако, успокоил:

– При запросе общества и нахождении инвестора тираж всегда можно повторить. Было бы желание и финансы...

Дело его жизни

Не скучна, богата на события судьба Ивана Словцова. Родившись 23 ноября 1844 года в Тюмени в семье священника, он в будущем не пошёл по стопам своего отца. После

окончания физико-математического факультета Казанского университета Иван Яковлевич некоторое время служил в канцелярии Главного Управления Западной Сибири в Омске, а в 1869-м стал воспитателем и преподавателем естествознания в Сибирской военной гимназии. Чтобы сделать свои лекции по естественной истории края живее и ярче, молодой педагог совершил несколько экспедиций по разным районам Сибири. Его интерес к научной работе был весьма серьёзен. Не случайно в 1870 году Словцова избрали членом Русского географического общества. А спустя семь лет он сам стал одним из основателей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО). Тогда же под руководством Ивана Яковлевича была проведена экспедиция по территории Кочетавского уезда Акмолинской области, в которой исследовалось сочетание растительных и животных форм на чернозёмных и глинисто-солонцеватых равнинах. После этого путешествия Словцов написал путевые заметки, которыми обнаружил свой литературный дар и владение образным языком.

Через два года после этой экспедиции Иван Яковлевич получил назначение в Тюмень. Ему надлежало открыть и возглавить Александровское реальное училище. Новому делу он отдался всей душой. Из Омска перевёз богатую коллекцию сибирских древностей, собранных в экспедициях. Предметы из этой коллекции он сразу стал использовать в учебном процессе, создав при училище музей. Богатой

Издатель Тимофей Сайфуллин и профессор-историк Игорь Шишкин – два в одном: труды И.Я. Словцова выходят в свет через тесное сотрудничество этих людей

Они оба могут рассказывать об Иване Словоцове часами или цитировать его работы

Павел Россомахин, заслуженный врач-педиатр Станислав Карнацевич, оперный и камерный певец Андрей Лабинский.

Слава о Тюменском Александровском реальном училище как об одном из лучших учебных заведений простиралась далеко за пределы Сибири, и его выпускники могли без экзамена поступать в столичные вузы.

На посту директора училища Иван Яковлевич проработал 27 лет. Помимо всего сделанного им за эти годы он совершил ещё один исследовательский подвиг: собрал и издал библиографию Тобольской губернии, в которую вошли публикации о Западной Сибири, собранные более чем за 300(!) лет. И первая из них датирована 1556 годом.

Словцов был активен не только в научной, преподавательской и административной деятельности, он выступал и как общественный

деятель. Читал публичные лекции, возглавлял педагогический совет Тюменской женской прогимназии, комитет помощи голодающим и комиссию по производству переписи в Тюмени, писал статьи в «Тобольские губернские ведомости» и «Сибирский листок», работал почётным мировым судьёй Тобольского округа и цензором тюменской «Сибирской торговой газеты».

В отставку Словцов подал в 1906 году и сразу уехал к сыну в Санкт-Петербург. В 1907-м Ивана Яковлевича не стало. Похоронен он на Никольском кладбище Александрово-Невской Лавры.

Иван Словцов был награждён орденами Св. Станислава 1-й и 2-й степеней, Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, Св. Анны 2-й степени, медалями Стокгольмской академии и Русского географического общества. Библиотека, которую он собрал в реальном училище, в будущем пополнила фонды городской публичной библиотеки (ныне Тюменской областной научной библиотеки). Фонды музея, основанного на коллекции Словцова, в конце XIX века сравнивали с наиболее значимыми европейскими музейными собраниями. В Тюменской области музейный комплекс, получивший имя Словцова, и сегодня сохраняет статус крупнейшего. В память об основателе учреждения с 1989 года здесь регулярно проводится научно-практическая конференция «Словцовские чтения». Именем Словцова названа одна из тюменских улиц, а на фасаде здания бывшего Александровского училища установлена памятная доска.

Храним наследие

О том, как музей продолжает дело своего создателя, рассказал заместитель генерального директора Тюменского музейно-просветительского объединения, директор структурного подразделения «Музейный комплекс им. И.Я. Словцова» Иван Панасенко:

– 2024 год является знаменательным для музейной жизни нашего региона. В этом году исполняется 145 лет со дня появления первого тюменского музея и 180 лет со дня рождения его основателя – педагога, учёного, краеведа, архео-

естественноисторической коллекцией восхищались российские и зарубежные учёные. Словцов был знаком и состоял в переписке с немецким естествоиспытателем и зоологом Альфредом Бремом, географом Петром Семёновым-Тян-Шанским, адмиралом Степаном Макаровым, энтомологом и орнитологом Отто Финшем.

Спустя годы купец Николай Чукмалдин выкупит у Словцова собрание экспонатов и передаст его городу для устройства общедоступного музея. Так коллекция учёного положит начало областному краеведческому музею.

Иван Яковлевич за короткий срок развил бурную деятельность: ввёл прогрессивные формы обучения, устроил в училище богатую библиотеку (9 тысяч томов!), написал и издал в Москве учебники по физической географии и российской истории, которые потом неоднократно переиздавались, привлёк к делу знающих преподавателей. Сам преподавал естественную историю и географию, продолжал ездить в экспедиции (Западная Сибирь, Средняя Азия, Урал, Тянь-Шань, Казахстан), вёл раскопки на берегах Андреевского озера в окрестностях Тюмени и проводил исследования по разным направлениям (геология, археология, история, почвоведение, зоология).

Американский путешественник и публицист Джордж Кеннан, побывавший в Тюмени в 1886 году, писал: «...училище находится в самом большом и красивом здании города и состоит из двух отделений: одного, чисто научного, и другого, технического. В последнем находится паровая машина, станки и все необходимые орудия. В чисто научном отделении – физический кабинет, богато снабжённый всеми нужными приборами, даже телефонами системы Белля, Эдисона и Дольбера и фонографом; химическая лаборатория обставлена с таким совершенством, какого я нигде не видал, зал для технического рисования, прекрасная библиотека и отличный музей».

Кстати, в пору директорства Словцова в училище проходили обучение люди, в будущем получившие известность не только в Тобольской губернии, но и в стране. В их числе – писатель Михаил Пришвин, первый директор Тюменского областного краеведческого музея и художник

лога Ивана Яковлевича Словцова. С 2009 года Музейный комплекс нашего города гордо носит его имя. Сегодня он объединяет в себе пять разноплановых объектов: современный главный корпус; краеведческие музеи «Городская Дума», «Усадьба Колокольниковых», «Дом Машарова»; археологический музей-заповедник на озере Андреевском.

В 1879 году И.Я.Словцов привёз в наш город из Омска богатейшее собрание предметов, полученных им в результате экспедиций, сборов со своими учениками. В нашем крае он продолжал заниматься научными изысканиями и пополнять фонды музея. Сегодня предметы из его коллекций мы можем увидеть в экспозиции «Окно в природу» в музее «Городская Дума»; находки с первых раскопок Андрушина городка представлены в экспозиции «Из глубины веков» в Археологическом музее-заповеднике. В главном корпусе в октябре этого года открылась выставка, посвящённая 180-летию Ивана Яковлевича. Посетив её, вы увидите предметы из археологических экспедиций, чучела животных, ботаническое собрание, редкие фотографии и книги – это лишь небольшая часть того, что было представлено в первой экспозиции музея при Александровском реальном училище. В наших планах – отразить наследие Словцова и в постоянной исторической экспозиции «Увертюра. Врата Сибири», которая готовится к открытию в главном корпусе Музейного комплекса.

Музейный комплекс им. И.Я.Словцова продолжает регулярно заниматься пополнением своих фондов. Наше собрание насчитывает более 400 тысяч предметов. За прошлый год в фонды поступило более 11 тысяч предметов.

Активно в объектах показа комплекса ведётся просветительская деятельность: проходят открытые лектории на исторические, краеведческие и искусствоведческие темы, в прошлом году их посетило более 2,5 тысячи человек; организуются познавательные программы и мероприятия для разных возрастных аудиторий, которые знакомят посетителей с региональными культурными кодами, историей, традициями.

Популяризация наследия Ивана Яковлевича Словцова отражается не только в выставочной и просветительской деятельности, но и в научной. В 2023-2024 годах увидели свет первый и второй тома переизданных Научных трудов И.Я.Словцова, продолжается традиция проведения конференции «Словцовские чтения», с 2020 года они проходят в рамках Тюменского музейного Форума, в 2024 году мы провели его в третий раз.

Музейный комплекс им. И.Я.Словцова продолжает популяризировать и преумножать наследие Ивана Яковлевича, представляя его через традиционные и новые формы работы с нашими посетителями. Интерес к музеям в Тюмени не ослабевает, а наоборот, возрастает с каждым годом, так, в прошлом году количество посещений объектов музейного показа составило около 900 тысяч человек.

180-летний юбилей И.Я.Словцова это уже не повод, это обязанность вернуть труды великого учёного и краеведа на полки наших библиотек и через них найти ключи понимания современности

А где-то там... Непрожитая жизнь

Из найденных рукописей поэта Владимира Белова

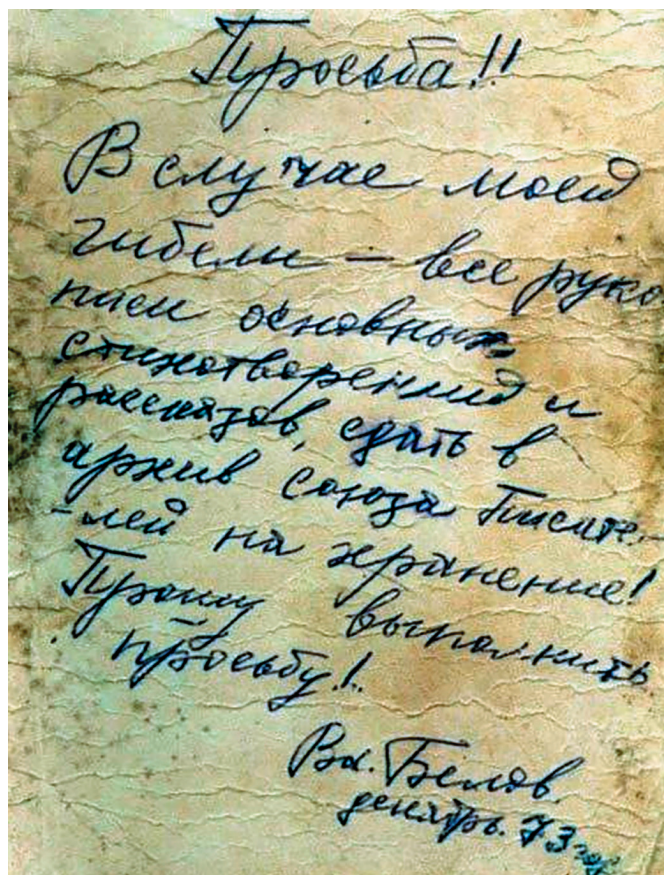
27 октября 2024 года яркому поэту и тихому лирику нашей земли Владимиру Белову должно было исполниться 75 лет. Прикованный к инвалидному креслу, он ушёл рано. В 1983 году. Последний раз сборник его стихов «Высвечивая судьбы» был издан в 2014 году и сразу стал библиографической редкостью. А в этом году накануне юбилея в Тюмень из Ялуторовска приехала супруга поэта Тамара Ивановна Белова и передала около сотни листов, отпечатанных на машинке, на которых оказались стихи, ранее нигде не публиковавшиеся. Мы попросили Тамару Белову предварить первую публикацию из этого сокровища небольшим воспоминанием.

«Поэзия – опасная игра!»

Текст Сергей КОЗЛОВ

«**В** ГЛУХОЙ ДЕРЕВУШКЕ Большой Кусеряк вертолёт санавиации не смог приземлиться, кругом лес и болото, мальчишку Володю Белова с переломом позвоночника везли лошади до участковой больницы села Кротово. Большой двенадцатилетний мальчик был госпитализирован в травматологическое отделение Ишимской горбольницы, где он пролежит без движения почти год. Диагноз – приговор: компрессионный перелом позвоночника грудного и поясничного отделов, парез нижних конечностей. Володя не сможет ходить. Никогда! Удар деревом, спиленным дедом, пришёлся по хрупкому тельцу двенадцатилетнего мальчишки...

Теперь он не сможет играть с друзьями, гонять своих любимых голубей, не сможет помочь дедушке. Теперь дед будет помогать внуку – носить его за ограду на руках, поудобнее усаживать, носить в баню, парить и массажировать парализованные ноги. Шёл 1962 год. Весна. Перед ребёнком встал вопрос: «а что дальше?» В школу не попадёшь, она в другой деревне. Парнишка растерялся. Дед с бабушкой понимали его боль, но ничего не могли и часто от бессилия плакали по ночам, особенно бабушка.

Володя слушал радио, где иногда читали стихи Р.Рождественского, Е.Евтушенко, Р.Гануатова и других поэтов. Володе стихи нравились, и он попросил сестрёнку Нину, что была младше его на два года, сбегать в библиотеку за книгами. Белов стал читать книги, особенно стихи. А потом и сам попробовал писать и даже отправил в районную газету, и стихи напечатали! Под псевдонимом Сибиряков.

Прибегали соседские девчонки с газетой: «Вовка, твои стихи, напиши нам...» Володя обещал: «Если получится, ждите». И одна из них дождалась:

«Тебя увидев в первый раз,
Зачем была та встреча?
Я понял, жизнь моя без Вас – лишь мука человека.
Ты чуть не плакала тогда под звук гитары.
В тебя влюбился я слегка, мне кажется, Тамара.
Слегка или нет, время покажет, а пока:
«Девочка из далёкого девятого класса «Б»
За всё, что случилось когда-то, спасибо одной тебе!»

Но боль, слёзы деда и бабушки - всё это предопределило решение паренька.

«Не хочу быть обузой для родных». Володя уезжает в Тобольский дом инвалидов.

Сразу же вслед за ним едет Тамара. Поступает в педучилище, и они встречаются ежедневно на протяжении почти четырёх лет.

Володя печатает стихи в «Тобольской правде», знакомится с редактором Юрием Бакулиным (отцом известного писателя Мирослава Бакулина – прим. ред.), но очень часто болеет, подолгу лежит в больнице г. Тобольска и очень мечтает о своей книге стихов. Не только мечтает, но и работает над стихами, отправляет их в журнал, но стихи не печатают. Пытается встать на ноги, хотя бы с помощью протезов. В Свердловском институте протезирования, где он находился два месяца, он заболел и всё-таки пришлось лечь в больницу на месяц, а затем с неостребованными протезами вернуться в Тобольск...

Тамара закончила учёбу, получила диплом, и они поехали на родину, в Аромашевский район в с. Кротово, где обязательно есть стационар. К Володе приходил сотрудник районного радиовещания, приезжало областное телевидение, но Беловым не удалось посмотреть передачу – не было телевизора. Регистрировались Володя и Тамара дома, в своей квартире, которую им выделил сельский совет, провели телефон, съездила Тамара за креслом-коляской, оформила Володе пенсию в 16 рублей, сама работала в детском саду воспитательницей. Володя писал...

Но постоянные боли не давали жить. Хорошо, что был телефон, обращался в областную больницу в Тюмени, прилетел врач И. Тимошук. Увидев картину, сказал Володе: «В этой глуши с твоей болезнью можно погибнуть». И Беловы решаются на переезд в Тюмень. Там нет ни квартиры, ни работы, но есть возможность лечиться, главное - общаться. Володя остаётся в Аромашевской райбольнице, Тамара нашла работу в Тюмени, от работы дали место в бытовке общежития, а Володе выделили путёвку в санаторий в городе Юрмала. Отдохнул два месяца, подлечился. Перед его отъездом жене сделали операцию, и Тамара не смогла проводить мужа в аэропорт – лежала в больнице. Но зато могла встретить.

Хорошая новость – Белов приглашён на семинар молодых литераторов в областную писательскую организацию. А её председатель К.Я.Лагунов обещал помочь с квартирой.

После семинара к Володе стали приезжать молодые начинающие ребята – Сергей Горбунов, Виктор Захарченко, Александр Рахвалов, Андрей Маркиянов, Сергей Комаров, да и не только начинающие – Владимир Нечволода, Николай Денисов. Читали свои стихи, прозу. Белов познакомился со студентами Тюменского университета, которые тоже тянулись к нему. Он лично познакомился с Константином Яковлевичем Лагуновым, который, кстати, помог с квартирой. Оформлять документы на квартиру Белов ездил с земляком Тамары, студентом мединститута Додоновым Валерием, который стал для Володи настоящим другом. Валера сопровождал его в больницу, буквально носил на руках по кабинетам при оформлении квартиры, готовил еду, делал перевязки, ставил уколы, стирал бельё, ходил за лекарством...

Здоровье становилось всё хуже... Стихи Белова стали появляться в областной газете «Тюменская правда», но по-

эту всегда хочется сборник. Володя просит друга сохранить его стихи, а в случае смерти отдать в архив, Валера забирает стихи, хранит их... (просьба поэта выполнена, тюменские писатели передали его бесценные рукописи в архив социально-политической истории Тюменской области).

После смерти Владимира Белова вышли в свет три сборника стихов. Они написаны в двадцатом веке, но их читают и в двадцать первом!

В Аромашевской библиотеке имени Владимира Белова проходят встречи с читателями, где школьники, взрослые, ровесники Владимира декламируют его стихи. Есть несколько песен местных авторов на стихи Владимира Белова. Значит - бессонные ночи, работа над каждым словом были не напрасны. На могиле поэта лежит камень со словами:

Всю жизнь к горизонту дойти пытался

По белым ступеням дней

И в чёрные ямы ночей срывался,

Но сердцем не стал черней.

Эти слова сказаны полвека назад, но мы можем увидеть и сейчас светлую душу поэта в его стихах. К сожалению, ещё не напечатанных в сборниках. Хочется надеяться, что сборник неопубликованных стихов Владимира Белова будет! И Владимир Белов снова порадует читателей своим талантом».

Тамара Белова

А мы предлагаем вам несколько стихотворений из вновь обретенных рукописей поэта...

Вот почти переключка с есенинским «Письмом матери».

ПИСЬМО

Высылая табак и соленья,

Пишет матушка горестно мне,

Чтобы я возвращался в деревню

И не шлялся в чужой стороне –

Среди всяких бродяг да артистов,

Безпризорен и гол, как голик,

А купил бы вон Нюркину избу,

Да и жил, как степенный мужик...

Ранят сердце корявые строки.

И, как сон, вспоминается мне:

Серый домик у мокрой дороги,

И закатное солнце в огне,

И под огненным солнцем вечерним –

Одинокая мать на крыльце...

Как ответить мне ей, что в деревню

Я вернусь только в самом конце...

Чтобы лечь навсегда под осиною,

Когда время сорвется к нулю...

А пишу, что приеду с любимой

И, пожалуй, избёнку куплю,

Что живу я прекрасно, почти что,

Но спасибо за сало и хрен...

А душа, что в капкане волчица,

Тихо воеет средь каменных стен,

И гуляет сквозняк по квартире...

Но как светлая память судьбы:

Серый домик в ознобленном мире

И горячий дымок из трубы...

Многие поэты пророчески видят свою судьбу, а некоторым дано видеть и судьбы мира. Владимир Белов тоже слушал Вселенную, слушал глас Божий, а не партийные директивы... Но главной темой тихого лирика остаются любовь к жизни и любовь к родному краю.

+++

Не успеваем всё, не успеваем!
И по бетонке взлётной полосе
Бежим – и в кровь колени разбиваем,
Какая изумительная высь!
Огни земли на звёздные похожи.
Влюблённые, целуясь, обнялись,
Одним ремнём пристёгнутые в ложе...
А где-то там... непрожитая жизнь,
И красный плащик твой среди пороши...
И вдруг – удар! И ослепила мысль.
Лёд под ногами вечности всё тоньше...
Далёким взрывом прокатилась жизнь.
И стихло эхо в неизвестной роще...
Любовь моя! Хоть ты не торопись.
Иди –
И не оглядывайся больше.

+++

Ничего между нами не было,
Просто, накрасив рот,
Ты целовалась весело
С месяцем у ворот.
Просто, играя в прятки
С северным ветерком
Вдруг расстrepала прядки
Под голубым платком...
Просто, бедой случайной,
Ночью, среди села,
Вместо калитки маминой –
В сердце моё вошла...
И, улыбаясь, бредила,
Плакала и звала...
... Ничего между нами не было.
Просто любовь была.

+++

Отшельестели сплетни листопада.
Берёзовые голые леса.
Сырых ветров ночная канонада.
Туманы да сорочки голоса...
За деревнями солнечно и пусто.
Пригнулись вербы чёрные к воде.
И на заре цветёт кочан капусты
Заиндевелой розой на гряде.

БОЖИЙ РАБ

Так светло в кладбищенских берёзах!
Жиденькая пёстрая толпа...
Чья-то бабка вытирает слёзы:
Схоронили божьего раба!..
Говорят, отмучился на свете.
Никакого зла не сделал нам...
Пыль с дороги разметаёт ветер...
Разошлись тихонько по домам...

Обсуждают новости в народе,
И о том, что вызрели хлеба...
Ничего и не случилось вроде,
Схоронили божьего раба.

Но история страны не проходила мимо поэта...

+++

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ (27.02.1982)

Где был судья эпохи и закон,
Куда смотрел Творец и эпигоны,
Когда под чёрный похоронный звон
Срывали с кровью Блюхера погоны?!
Молчит, как гроб, История архив.
Страшны его подвалы и темницы.
И кем прочитан страшный детектив:
Протоколов кровавые страницы?
Там маршалы с убийцами равны.
Жизнь гения – дешевле идиота!..
И вы подряд, от имени страны
Умылись кровью, как враги народа.
Но страшный исторический роман
Настолько страшен и кровав ужасно,
Что лучше не читать его бы вам,
А умным детям вредно и опасно...
Но как в бреду больного забытья
Бьют, как осколки, выкрики из хора.
Куда смотрел слепой палач Судья.
И как народ не умер от позора.

Судьба поэта, судьба инвалида, судьба честного слова – об этом весь Белов, не боявшийся писать правду. И к нему шли многие, обласканные властью и наградами. Они так не могли, а многие и попросту не умели, потому что не имели такого дара... от Бога.

+++

За хлеб и за любовь расплачиваться нечем!
Чужой среди салонов и дворцов,
Рождённый для мечты и для бунтарских песен,
Я – третий лишний в мире подлецов!
Что я умею?!
Души понимать,
Да слушать голос Времени всевышней.
За это ж хлеб не принято давать,
И потому я снова – третий лишний...
Так где же в мире есть моя звезда,
Звезда поэта, чистая, как совесть?!
Как серых дней залистанная повесть –?
Мне надоела ваша правота!
+++

По всей вероятной сути
Вечером, ночью, днём
Памятью живы люди,
Памятью, как огнём.
Забывших времён пустыня
Ветрами ревет во мгле.
Забывшие род и имя –
Не числятся на земле...

И там, на этих листах, есть написанная рукой Белова строка:

Писать стихи, как пить от жажды воды...

Но, скорее, он утолял жажду читателей к настоящей поэзии. И писал поэтические послания другим большим поэтам.

Андрею Маркианову

Не отыскал в бурном поле двери...
 И не увидел в проруби звезды!
 А в роковую ночь самопотери –
 Не отыскал обратные следы...
 И, проклиная всех поводырей
 И участь беспризорного поэта,
 Просил, как подавня, у людей –
 стакан воды и полминуты света!
 Но выли телеграфные столбы
 высокие и чёрные в метели...
 И были окна города слепы...
 как будто навсегда оледенели.
 И не дойдя до вспыхнувшей звезды,
 И до последней спички исчеркавший –
 Увёл за горизонт свои следы...
 И стал для мира без вести пропавший.
 И порой доходящее до кричащего отчаяния:
 От «до» начальной, до конечной «до» –
 Мир состоит из совести и мрака.
 И собственную душу, как пальто,
 Поэт на нож бросает, если драка...
 На пистолет, взведённый до конца!
 Честь - или смерть!
 И Пушкин умирает...
 И ледяные слёзы утирая,
 Россия плачет в шапки у крыльца...
 А этот выход ищет до утра,
 Обдумывая Вечность за полшага...
 Бывает красной белая бумага!
 Поэзия – опасная игра!

Но нынешнему человечеству совсем не до поэзии. Его интересуют шоу, деньги и комфорт... И оно ради этого готово сыграть в очередную последнюю игру.

ИГРА

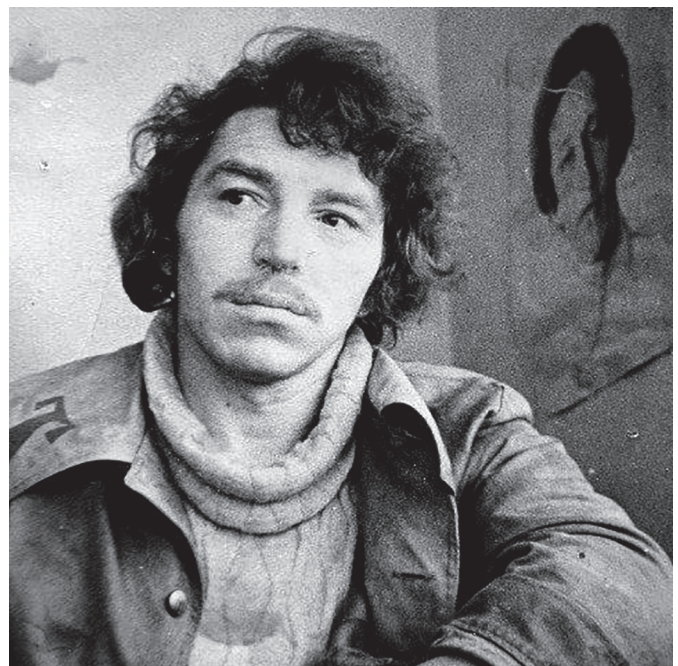
Живёт тревога вечером и днём.
 Хохочет ветер.
 Играет человечество с огнём.
 А у огня – есть пепел...
 Но слушая Хатыни перезвон,
 сносимый ветром,
 играют дяди-физики в нейтрон.
 А пахнет – пеплом...
 И кто оплачет горе похорон?
 Какие ветры?..
 Играет человечество с огнём,
 Забыв советы,
 что зарубить бы надобно на лбу
 отцу и сыну...
 Играет человечество в судьбу,
 как в Хиросиму...

И нельзя не поставить в год грядущего 80-летия Великой Победы это стихотворение поэта. Как напоминание... Тем, кто уже снёс (политкорректно выражаясь – демонтировал) этот памятник:

У русской церквушки в Латвии,
 Где-то у моря близко,
 Сибирские бабы плакали
 У чёрного обелиска,
 Теребили платки цветные,
 Чтобы не заголосить!..
 «Далеко же пришли, родные,
 Головушки-то сложить.»
 А в старом английском парке –
 Наяривал хриплый джаз!
 А русские бабы плакали,
 Не вытирая глаз.
 И, под немые вопросы
 Жеманных курортных дам,
 Ломали тяжёлые розы –
 К каменным сапогам!..

Всем издателям, меценатам, филологам-исследователям: в архиве социальной и политической истории Тюменской области лежит неисследованная, частично неизданная рукопись большого русского поэта. Я не посмел держать её на своём столе, потому как уже на второй день за неё предлагали деньги... У Владимира Ивановича Белова денег по жизни не было, как у многих настоящих писателей и поэтов. Тем более – у прикованного к инвалидному креслу. Он попросил отдать его стихи в архив, они принадлежат народу. Небольшую их часть в этом номере в год 75-летия поэта публикует наш журнал. Пора поставить точку в издании наследия Владимира Белова.

СТИХИ О ТОЧКАХ.
 Скучен глазу песок многоточий
 И нерешительность запятых.
 Вовремя ставить точки! –
 Право для всех живых.
 Ну, зачем вы так побледнели.
 Испугались посметь?..
 А поэты – всегда умели
 Ставить точки и не бледнеть.

Люди, которые делают историю

О деятельности Ольги Пушкаревич я услышала намного раньше, чем познакомилась с ней лично. Люди, активно участвующие в культурной жизни области, называли мне её имя, причём сферы, в которых они с ней взаимодействовали, могли быть самыми разными. Литераторы говорили о стихах Ольги Анатольевны, краеведы – о сотрудничестве в разработке туристических маршрутов, общественники вспоминали успешные проекты Ишимского землячества – организации, которую она основала и возглавляет.

В режиме многозадачности

Текст **Виктория ЕРМАКОВА**

ЕСТЕСТВЕННО, подобные разговоры постоянно подогревали моё журналистское любопытство: человек яркий и разносторонний – всегда желанный собеседник, и не грех даже в чём-то пойти у него на поводу... Зная, насколько Ольга Анатольевна загружена всевозможной работой, я решила не предлагать ей тему предстоящей беседы, а дать возможность рассказать о направлениях, которые она сама считает на сегодняшний день для себя наиболее актуальными и интересными. Ожидая такой вот – с чистого листа – встречи-знакомства, я настроилась слушать и удивляться, как это нередко бывает при соприкосновении с чьей-то далеко не банальной судьбой. И да, собеседница сумела

В музее Тюменских историй.
Костюм предоставлен Екатериной Макаровой
Фото Марат Усманов

меня удивить. Она упомянула, что с апреля 2021 года возглавляет Тюменское областное отделение Судебно-экспертной палаты РФ, работа которой направлена не только на проведение судебной экспертизы, в том числе материалов экстремистского толка, но и на предупреждение экстремистских или деструктивных проявлений в молодёжной среде и гармонизацию межнациональных отношений. А творческие и исследовательские проекты рассматривает не просто как личное удовольствие, а как наиболее понятный и действенный инструмент для выполнения поставленных задач, притом доступный, по сути, любому члену общества. И постоянное самосовершенствование, обучение и развитие тоже считает инструментом, помогающим лучше и лучше исполнять возложенные на неё обязанности. А поскольку подобная позиция уже сама по себе интересна и заслуживает

Вот оно, стремление вверх, наметившееся у Ольги с самого детства

Архив О.Пушкаревич, автор неизвестен

вает внимания, с расспросов о том и о другом я начала постепенно узнавать свою собеседницу.

– Ольга Анатольевна, слышала, что по первому образованию вы – филолог...

– Да, в 1994 году я окончила филологический факультет Тюменского государственного университета. До сих пор храню написанную от руки дипломную работу с пометками, сделанными Владимиром Александровичем Рогачёвым, культурологом, публицистом и журналистом, доцентом кафедры русской литературы, который был моим научным руководителем. Тема выбранного нами исследования по тем временам считалась новаторской – я занималась постмодернизмом на примере творчества поэтов 1980-х годов, в том числе Ивана Жданова. Сегодня он – известнейший поэт, можно сказать, звезда. А в годы моего студенчества отношение к постмодернизму было преимущественно негативным: официальные литераторы воспринимали его как непонятную, а иногда просто ужасающую бессмыслицу. Да ещё Владимир Александрович, человек нестандартный и специфический, нарочно акцентировал внимание на моментах, которые вгоняли меня в краску... Отдельные сложности были связаны и с технической стороной работы – это сейчас достаточно забить в поисковик имя автора, чтобы получить подборку его произведений. Тогда же приходилось с утра до ночи сидеть в библиотеке, просматривая кипы журналов, чтобы вдруг наткнуться на одно или два необходимых тебе стихотворения. И, невзирая на критику, которая обрушивалась в те годы на внесистемных авторов, помню, как мы находили в их творчестве уникальные проявления метареализма или концептуализма, начинали понимать, насколько это потрясающе и глубоко. В последующем меня приглашали в Екатеринбург, один из центров российского андеграундного творчества, где в аспирантуре я могла бы продолжить работать по этой теме, но у меня уже появился маленький сын, и не было желания отрываться от семьи.

– Но ваши-то стихи совсем другим нежные, хочется даже сказать, местами акварельные. Созвучные естественным нашим переживаниям... Помните время, когда начали сочинять?

– Поделюсь с вами одним воспоминанием: мне пять лет... На календаре 1 марта, и погода на удивление тёплая. После зимы я впервые вышла на улицу не в шубке, а в куртке. В руке у меня веточка, и на ней уже набухли почки. Я хожу с этой веточкой и напеваю: «Первый день весны пришёл, мне сегодня хорошо!» И вечером, когда домой возвращаются родители, бабушка им говорит: «Наша Оля-то – композитор!». Наверное, потому что я именно пела, а не декламировала... Хотя уже со второго класса начались мои занятия в музыкальной школе, и я с гордостью могу сказать, что педагогом у меня был Сергей Анатольевич Глухих, сегодня заслуженный работник культуры и Почётный гражданин города Ишима. А тогда ему было всего девятнадцать лет, и я оказалась его первой ученицей! Мы потом не раз вспоминали эту встречу: он – маленькую девочку с огромными бантами, пришедшую на занятия вместе с папой, а я – высокого молодого человека, на которого ещё долго буду смотреть снизу вверх. В музыкальной педагогике это был настоящий новатор, стремившийся гармонично развивать своих учеников. Под его руководством мы занимались не только музыкой, но и изучали все виды искусства – Сергей Анатольевич, например, на некоторые уроки

Иной раз и неспешная прогулка по городу становится настоящим праздником

Архив В.Полищук, автор Владимир Полищук

приглашал преподавателей художественной школы. Сегодня он – педагог, удостоенный множества наград, а было время, когда его экспериментальная программа вызывала шквал критики. Даже экзамены мы сдавали специальной комиссии, приехавшей из Тюмени, чтобы посмотреть, способен ли этот парень чему-то научить детей. И, несмотря на то, что методика проверки, предложенной экзаменаторами, была очень сложной, я выдержала её на «отлично»!

– *Предположу, что вас с детства окружали незаурядные люди...*

– Прежде всего, мне везло на педагогов. Моя первая учительница Вера Алексеевна Горбенко была человеком высочайшей культуры, и её аристократическим манерам пытались подра-

С Никасом Сафроновым во время презентации нового издания сказки «Конёк-Горбунук»

Архив О.Пушкаревич,
фото Г.Крамор

Участники и гости «Кросскультурного штурма», г. Ишим

Архив О.Пушкаревич,
автор неизвестен

жать многие девочки. Зоя Николаевна Устинова, преподаватель английского, влюбила меня в свой предмет. Какой невероятной красавицей она нам казалась, как изысканно всегда была одета: до сих пор не представляю, где в то время можно было доставать такие вещи! Что касается меня, я была членом совета дружины школы, в своём классе возглавляла культурно-массовый сектор, и все вокруг считали меня фантазёркой. Ещё раньше, когда мы с мамой шли в детский сад, я могла всю дорогу рассказывать ей сказки, а она слушала, не перебивая. И мой сын с самого детства тоже начал сочинять и фантазировать, а когда подросток, у него проявились замечательные способности к декламации. Учитель зачитывал классу его юмористические рассказы, сам же он на праздниках читал собственные стихи, в том числе – и это мне особенно приятно – посвящённые своей маме. Чтобы дать ему возможность развиваться, я решила записать его в литературное объединение «Парус» – наше, ишимское, но известное всей области. И когда его председатель Нина Александровна Башук узнала, что я пишу тоже, она мне предложила присоединиться к их сообществу.

Сегодня на счету Ольги Пушкаревич три книги стихов, а её мистические рассказы в жанре былички вошли в антологию, подготовленную столичным издательством «Современный писатель». В Тюмени моя героиня нашла поддержку известных литераторов, таких как Леонид Иванов, Анатолий Васильев, Александр Мищенко. Предисловие к её первому сборнику написал Мирослав Бакулин – человек воцерковлённый и глубоко верующий, он как никто другой сумел почувствовать, какими

переживаниями подпитана её поэзия. Кстати, в эту первую книгу вошло множество цветных фотографий из её личного альбома. Друзья тогда же пытались предостеречь: с этими «картинками» тебя не примут в Союз писателей России... Она отмахнулась: а я и не стремлюсь – найдутся дела поважнее...

Когда мы говорили с ней о музыке, Ольга Анатольевна заметила между прочим, что её любимый композитор – Иоганн Себастьян Бах. «Мне близко и понятно его многоголосие, наверное, потому что я предпочитаю жить в режиме многозадачности», – добавила она. – «До сих пор что-то мешает мне выбрать какую-то одну мелодию и довести её до совершенства. Зато всегда готова учиться: у меня целая стопка различных дипломов, сертификатов и прочих «корочек». Например, ещё в девятом классе я получила удостоверение юного корреспондента УрГУ, дающее право поступить туда на льготных условиях, – писала для «Ишимской правды» – и всё же предпочла педагогическую специальность. Когда в Ишиме начали набирать кадры для детского реабилитационного центра, пошла на конкурс, надеясь устроиться туда педагогом-воспитателем, а вместо этого в свои двадцать четыре года возглавила службу экстренной психологической помощи или, по-другому говоря, «телефон доверия».

– В то время это была новая практика – такие телефоны создавались по всей стране.

– Да, и я очень скоро влюбилась в свою работу. По сравнению с условиями, в которых трудился кабинетный психолог, она, конечно, была сложнее... Тот во время приёма видит клиента, может оценить его состояние. Нам же зачастую приходилось иметь дело не просто с человеком, а с той ролью, которую он на себя примеряет. Например, звонила девочка и, представившись взрослой женщиной, начинала рассказывать о взаимоотношениях с мужем и детьми. И её вообразимые проблемы мы прорабатывали как реальные, потому что они были для неё важны. Возможно, она транслировала историю мамы, которой хотела помочь, или беспокоилась за собственное будущее. Кстати, несмотря на то, что телефон был адресован детям и подросткам, до нас действительно дозванивались и взрослые люди. Пользуясь тем, что их никто не видит, они позволяли себе максимальную искренность, и зачастую сотрудник нашего подразделения оказывался тем единственным собеседником, который мог им чем-то помочь. Представьте себе, что мне в первое же дежурство позвонил суицидник, которого надо было отвлечь от мыслей о самоубийстве. Или постоянно звонил мужчина, назвавшийся поэтом и философом, – он выбирал мою смену, читал мне стихи, и мы их потом обсуждали. Постепенно по образам, которые он описывал, по темам, которые его волновали, я поняла, что этот человек, скорее всего, не выходит из дома. Так и оказалось: он был прикован к инвалидному креслу, видел жизнь

в своё окно да ещё много смотрел телевизор. И только богатый внутренний мир помог ему не сломаться, более того, найти занятие, в котором он сумел себя реализовать.

– Наверное, для работы в таких службах действительно нужны специалисты с широким кругозором, способные поддержать любой разговор...

– Да, служба была очень полезной, и я к ней вернулась много лет спустя, когда началась пандемия. Изначально она задумывалась для врачей, оказывающих помощь больным ковидом: алгоритм спасения людей только формировался, и медицинские работники, видя невероятное количество смертей и страданий, находились на грани профессионального выгорания. Но вскоре оказалось, что поддержка нужна и другим гражданам, столкнувшимся с болезнью или уходом близких. Звонили женщины, оставшиеся без мужей с грудными детьми на руках, просили оказать им материальную помощь или хотя бы просто принести еды, звонили мигранты, у которых рядом нет никого из знакомых. Работа с мусульманами требовала особого подхода, и не только потому, что некоторые плохо владеют русским. Обращение к психологам – не в их менталитете, и только дойдя до полного отчаянья, они обращались в службу #МЫВМЕСТЕ. Кроме того, волонтерам, сидящим на горячей линии, постоянно приходилось координировать действия различных структур.

– Значит, прежний опыт работы вам пригодился?

– Конечно, ведь к нам дозванивались люди в стрессовой ситуации, и надо было вести их так, чтобы это состояние преодолеть. Работая на телефоне доверия, я регулярно ходила по школам,

Ольга Анатольевна уверена: знание родной истории – надёжная опора в жизни человека

Архив В.Полищуна, автор Владимир Полищук

рассказывала о нём ребятам и всех просила на последней страничке дневника записать наш номер. Помню случай: мне позвонила маленькая девочка, у которой в классе я недавно побывала. Она вернулась домой, когда родители были ещё на работе, начала играть с младшим братиком, и во время этой игры он упал и ударился головой о батарею. Видя, что он без движения, не зная, что делать, она вспомнила о нашем телефоне. А дальше я диктовала ей последовательность действий, выводила её из стресса, контролировала, как идут спасательные мероприятия. Под мою диктовку она позвонила в квартиру знакомой соседке, а та, оценив состояние ребёнка, вызвала «неотложку». Но если бы соседки не оказалось дома, скорую могла вызвать наша служба – так мы работали со всеми чрезвычайными ситуациями: помогали подросткам, спасали наркоманов и алкоголиков... В итоге во время пандемии меня посадили на чат-бот горячей линии, где приходилось иметь дело с самыми тяжёлыми случаями. Известно, что сегодня многим людям легче писать, чем что-то рассказывать, задышавшись от слёз... Так я и работала до тех пор, пока сама не слегла с коронавирусом...

Говоря об этой части деятельности Ольги Анатольевны, необходимо упомянуть, что она – дипломированный психолог, получивший второе высшее образование в Тюменском государственном университете. «Я амбассадор этого вуза, очень его люблю, – признаётся, когда мы отвлекаемся от грустной, связанной со многими потерями темы пандемии. – С научным руководителем Евгением Леонидовичем Доценко нами была придумана интереснейшая тема моей работы: «Творчество как ресурс развития предпринимателя» Да-да, есть такой термин «творчество», и мне понятна и близка была

Незабываемые мгновения Новогоднего фестиваля

Архив В.Полищуна, автор Владимир Полищук

сфера, которую я начала в тот момент исследовать. Занимаясь предпринимательской деятельностью, я хотела понять: какие качества помогают людям продвигаться в бизнесе? А поскольку общалась с бизнесменами, в том числе на очень высоком уровне, успевала замечать, как много среди них настоящих талантов. Построив и укрепив своё дело, они создавали группы и студии, начинали осваивать или коллекционировать редкие музыкальные инструменты – просто так, для души, позволяя себе воплотить мечты юности. И на примере деятельности восьмидесяти успешных предпринимателей я пришла к выводу, что не только лидерский склад, смелость и креативность помогли им на этом пути. Самыми важными оказались умение искать оригинальные решения и развитое воображение, то есть отказ от стандартных подходов к работе с поставленными задачами. Эти люди всегда стремились сделать всё уникально, по-своему – в названиях брендов, в разработке внешнего вида изделий, в оформлении офисов. Это можно сравнить со звучащей внутри музыкой и желанием чувствовать её во всём, что тебя окружает...»

Маленький штришок к портрету: пока моя собеседница вела предпринимательскую деятельность, вечерами в её магазине собирались гости, чтобы почитать любимые стихи, и тут же рядом выставлялись картины местных художников. Ольга Анатольевна предоставляла им площади с главной целью – помочь продвинуться. Многие творческие деятели Ишима – до сих пор близкие её друзья. И когда в 2013 году она приняла решение оторваться от малой родины и окончательно переехать в Тюмень, именно к ней обратились обосновавшиеся в областном центре земляки с просьбой объединить их в организацию. В 2016 году ТРОО «Ишимское землячество» будет официально зарегистрировано, хотя поисковая и культурно-просветительская деятельность её единомышленников начнётся гораздо раньше. Яркой вехой станет выигранный конкурс Российского военно-исторического общества по УрФО с проектом «Тропа героев: Кузнецовская тропа – 2015». А в последующие годы – с проектами «Герои Тюмени и Приишимья. По местам формирования Сибирских дивизий» и «Тюменские крылья Победы». Она, кстати, упомянула, что с детства, с пятого класса вела переписку с бывшими бойцами 229-й и 384-й стрелковых дивизий, которые жители нашей области иногда называют «ишимскими», лично знала участников тех далёких событий, написала несколько статей по воспоминаниям ветеранов. Как, возможно, уже заметил читатель, жизнь Ольги Анатольевны не только многогранна и многозадачна – всё, с чем она соприкасается, как-то очень естественно увязывается между собой, словно подчиняясь определённой, заранее выстроенной свыше логике. Когда к изданию готовился второй том Ишимской энциклопедии, в него была включена

статья о созданной ею литературной гостиной «Созвучие». Ольга сама писала материалы о земляках-поэтах и на этой почве сошлась с научным редактором издания Александром Павловичем Ярковым – доктором исторических наук, профессором ТюмГУ, возглавлявшим, кроме того, существующую при вузе лабораторию этноконфессиональных исследований.

– Лаборатория проводила экспертизы на предмет экстремистских контентов, и однажды Александр Павлович показал мне видеоматериал с просьбой высказать по нему своё мнение. Объёмно оценив речевую часть и визуальный ряд, я написала комментарий о том, какие именно действия и эмоции хотел вызвать создатель ролика. Комментарий был включён в экспертное исследование, и с этого момента началось наше сотрудничество. Лаборатория выросла в научный центр по противодействию экстремизму – вместе с ним я участвовала более чем в трёхстах исследованиях. Получила дополнительное образование как судебный эксперт, прошла специализацию по психолингвистике, позволяющую работать с текстами и другими информационными материалами, что сегодня особенно востребовано в судебной экспертизе. Также при поддержке Комитета по делам национальностей на субсидию из областного бюджета Ишимским землячеством реализуется комплексная программа противодействия экстремизму и терроризму в Тюменской области.

– *Расскажите, пожалуйста, об этой работе подробнее...*

– Тема гармонизации межнациональных отношений отражена во всех проектах, которые мы реализуем. Представители экстремистских организаций разрабатывают свои программы воздействия с учётом реалий текущего времени, цепляя самое больное. Совсем недавно это была пандемия, сегодня – СВО. Их методы быстро меняются, и нам приходится постоянно совершенствоваться, чтобы успевать отслеживать то, как они подбираются к нашей молодёжи. В рамках

Патриотические проекты поддерживают даже самое юное поколение

Архив О. Пушкаревич.
автор неизвестен

комплексной программы, о которой я говорила, проводятся исследования информационных материалов, консультации сотрудников правоохранительных органов, лекции и тренинги для молодёжи и семинары для ветеранов, потому что люди старшего поколения особенно подвержены мошенническим воздействиям. Огромную поддержку в этой работе мне оказывают мои земляки – многие идеи я черпаю именно от них. Среди членов нашей организации очень известные, очень авторитетные люди. Это архимандрит Тихон, епископ Ишимской и Аромашевский, это Виктор Александрович Рейн, почётный житель, бывший глава города Ишима и депутат Тюменской областной Думы. Это Геннадий Викторович Стреленко, служивший в ВДВ, сегодня казачий атаман, это учёный Александр Павлович Ярков, это краевед Владимир Владимирович Полищук. Это Вера Георгиевна Кузнецова – мой заместитель, председатель нашей ветеранской группы, и многие-многие другие. Мы едины в том, что в основе патриотических проектов должна лежать семейная память, потому что ребёнок, знающий историю прадеда и восхищающийся его подвигами, не совершит предательства, его невозможно будет перепрограммировать. Несколько лет назад нас потряс случай: на памятнике советским воинам школьник нарисовал свастику, и когда его задержали, плачущая мама спросила: «Как же ты мог, сынок? Ведь наш дедушка погиб, сражаясь с фашистами!». «Какой дедушка?» – искренне удивился мальчик: он узнал историю героя-предка только в отделении полиции. Мы понимаем, что этого бы не случилось, если бы портрет фронтовика висел дома на видном месте, если бы в праздник о нём говорили тёплые слова. Именно поэтому первые наши проекты были осуществлены при поддержке Российского военно-исторического общества, а сегодня землячество продолжает работать с сохранением семейной памяти.

– *Я слышала, что ваша организация – своеобразный чемпион по числу выигранных грантов...*

– Да, у нас на счету более двадцати побед. Назову, например, конкурсы Благотворительного фонда развития города Тюмени «Активное поколение» в партнёрстве с фондом Е. и Г.Тимченко, куда мы выходили с проектами музыкально-исторических спектаклей «Двадцать кадров хроники Тюмени» и «Двадцать кадров хроники Сибири». Это очень яркие, очень весёлые постановки в стиле студенческого театра эстрадных миниатюр (я же когда-то участвовала в КВН), представляющие историю нашего края и к тому же способные выступать как определённая форма адаптации, реабилитации и психотерапии для людей разных возрастов. Также Ишимское землячество становилось победителем в конкурсах грантов Президента Российской Федерации, которые, как известно, поддерживают только наиболее социально значимые проекты. В 2017 году это был Междисциплинарный образовательный проект

«Первая школа востоковеда», направленный на профилактику экстремизма. В 2018 году – Образовательный проект для школьников Тюменского района, а в 2019 году – для школьников Ишима и Ишимского района «Кросскультурный штурм». Наконец, Форум «Территория МИРА», который был реализован в 2019-20 гг.

– Но сегодня вы реализуете очередной, уже пятый по счёту проект, ставший победителем конкурса Президентских грантов?

– Наш новый проект «Тюмень тыловая: моя семейная память» призван воскресить имена тружеников тыла, приближавших время Великой Победы, – не только героев, удостоенных различных наград, но и простых крестьян и рабочих. Объектами наших исследований станут тюменские заводы, госпитали, школы, но главное – мы постараемся вспомнить о своих предках – участниках трудового фронта. Такие люди найдутся в каждой семье: стоит только поговорить о них с родителями, с бабушками и дедушками, поинтересоваться их заслугами. Особенно это важно для молодого поколения – иногда достаточно написать небольшой абзац, а потом начнёт вырисовываться история целого рода. Сегодня много сведений приходит к нам через интернет – я знаю это на примере собственных поисков. Так со мной связалась девочка, оказавшаяся моей внучатой троюродной племянницей, а началось всё с того, что она прочитала публикацию о моём прадеде.

Историческая экскурсия «Тайны Тюменского уезда». Возле памятника царской семье

Архив О.Пушкаревич, автор неизвестен

Всего за год благодаря этой работе я узнала о пяти троюродных братьях и сестрах, с которыми раньше не общалась. Есть ощущение, что когда ты берёшься поднимать историю своей семьи, тебе посылает информацию сам Космос. Я ведь до времени даже не задумывалась о том, что мой прадед Иван Федотович Шорохов – настоящий герой, прошедший три войны, начиная с Русско-японской! Ещё и мельницы держал во времена НЭПа... А началось всё с подготовки к участию в Свято-Елисаветинских чтениях по теме «Милосердие и Красный крест». У меня была единственная его фотография с царскими наградами, и по ним специалист, с которым меня тогда же и познакомили, заложил фундамент дальнейших исследований. В частности, я узнала, что до революции Иван Федотович был младшим фейерверкером 137-го пехотного Нежинского Её Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны полка, прекрасно стрелял, получал за свои умения знаки отличия. Простой сибирский солдат! Разве это не повод для гордости? Да, сегодня я постоянно повышаю свою квалификацию, потому что экспертизы, с которыми нам приходится работать, – большая ответственность. Нередко приходится доказывать, что ребёнок оказался втянут в противоправную деятельность не по умыслу, а только по недопониманию. Но я уверена: тот, кто знает судьбу своих предков, таких ошибок не совершит никогда.

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Если получалось, что ему не давали индивидуальную гримёрку, то уходил куда-то, чтобы одному поработать с текстом. В интервью своим сыновьям в Батуми Леонид Григорьевич говорил, что у него как у актёра самое слабое место – работа с текстом, нужно очень сильно в него погружаться

Фениксы Золотого Кольца

Открывая Россию заново

Суздаль забыть невозможно. Даже если бывал здесь давным-давно и с тех пор образы и впечатления основательно смешались в твоей памяти, стоит выйти из гостиницы, и дорожка сама поведёт тебя в исторический центр. Местный рельеф прихотлив, он диктует условия старой и новой городской планировке, и вместе с тем вряд ли кто-то умудрится заплутать среди всех этих спусков-подъёмов, резких поворотов, неочевидных закутков и манящих домашним уютом переулков. Суздаль открывается гостям охотно и без кокетства, по-доброму обволакивая их древней невычурной красотой.

Текст и фото **Виктория ЕРМАКОВА**

Вообще-то я не слишком люблю разрекламированные туристические центры, на ритмы которых влияют всесезонные потоки визитёров. Попадаешь в такое местечко, и кажется, будто ты на ярмарке, а кругом, куда ни глянь, - сувениры, гостинцы, услуги... За этим ажиотажем, за стремлением любым способом развлечь «почтеннейшую публику» теряется жизнь города с его естественным пульсом – торопливым или

размеренным, который чуть более сосредоточенному путешественнику порой так важно ощутить... Но именно Суздаль, жемчужина Золотого Кольца России, ежегодно притягивающий миллионы туристов, насквозь пропитавшийся запахом медовухи и огурцов, киношный и гастрономический, легко справляется со всей этой лубочно-развлекательной шелухой. При должном желании и настроении легко почувствовать, что оказался в старинном духовном центре страны, где сохранилось несколько десятков действующих церквей, пять монастырей, сотни уникальных

архитектурных памятников. Кстати, мне, как и всем, нынче сюда добравшись, повезло, можно сказать, необыкновенно: в конце лета город отмечал своё тысячелетие, и подготовка к этой дате велась долгие месяцы. Храмы реставрировались, улицы и сады пополнялись новой зеленью, а молодые художники готовили на суд зрителей совершенно неожиданные инсталляции.

Поздороваться с юбиларом

Традиционно возраст городов-старейшин принято считать с их первого упоминания в летописях, и на этот раз мнение историков оказалось единодушным. В «Повести временных лет» сохранились строки о восстании жрецов языческих культов, спровоцированном начавшимся в Суздали голодом. Подогреваемый волхвами мятеж так быстро набирал силу, что князь Ярослав Мудрый был вынужден оставить другие дела и отправиться с войском в здешние земли – навести порядок. Упоминание о его походе можно встретить и в Новгородской летописи – не случайно местные жители с полным правом гордятся точной датой начала своего летоисчисления.

Конечно, юбилейный Суздаль помолодел и похорошел. Впервые я побывала здесь восемь лет назад, на три недели вырвавшись в спонтанно-ознакомительное путешествие по Золотому Кольцу, и уже тогда он вдохновлял и поражал несхожестью с городами-соседями. Позже мне вспоминался и колокольный перезвон, вместе с дымами плывущий над рекой, и монастырские огороды – все в оранжевых тыквах, и утиные стаи в камышах... И вот теперь привкус праздника, казалось, наполнял сам его воздух. Осень ещё золотилась, и толпы туристов заполняли улочки, обивали порожек дома Бальзамина, давно превращённого предприимчивыми хозяевами в частный музей, устраивали фотосессии на фоне торговых рядов, приценивались к знаменитому огуречному варенью... В подобном расслабленном времяпрепровождении есть своя бесспорная прелесть, и в каждом путешествии необходимо оставлять денёк-другой, чтобы с удовольствием ему предаться, но... Прежде чем окунуться в поток развлечений, мне хотелось выполнить обязательный пункт намеченной программы и увидеть

В разных уголках Суздаля сегодня встречаются инсталляции, напоминающие о его наступившем тысячелетии

Запрет на многоэтажное строительство помогает сохранить уникальный ландшафт города

выставку «Русский Феникс. Суздальская Земля», подготовленную Владимиро-Суздальским музеем-заповедником в сотрудничестве с Музеями Московского Кремля.

Да! Эта небольшая экспозиция оказалась потрясающей. Разместившись всего в двух залах местных Архиерейских палат, она тем не менее охватывала временной промежуток от Великого княжества Владимирского до середины семнадцатого века. Среди оружия, ювелирных украшений, предназначенных для богослужений утвари и облачений и уникальнейших образцов иконописи её посетитель не нашёл бы ни одного случайного предмета. Экспонаты подчинялись единой идее, повествуя об истории края, на долю которого выпало множество драм и потрясений вплоть до периодов абсолютного упадка, но неизменно, подобно сказочной птице, вновь возрождающегося из пепла. Чего стоили, например, открывавшие выставку Южные врата Суздальского собора Рождества Богородицы, выполненные в технике огневого золочения, или домонгольских времён икона «Спас златые Власы», в шестнадцатом веке переехавшая из Владимира в Москву? Говорят, что с тех самых пор она не покидала стен кремлёвского Успенского собора, но ради тысячелетия древней княжеской столицы вновь отправилась в путешествие... А первая копия привезённой из Византии иконы Владимирской Божьей Матери, сделанная, предположительно, рукой самого Андрея Рублёва? А богатые дары местным монастырям Василия Шуйского, последнего Рюриковича на русском престоле, или героя Смутного времени Дмитрия Пожарского? От осознания значимости представленных здесь сокровищ порой начинало перехватывать дыхание, и как же хорошо было выбрать потом время для неспешного блуждания среди трогательных домиков с резными наличниками, подъёма на вал или любования панорамой города с тропинки под стенами Спасо-Евфимьева

монастыря. И уже не за горами был переезд во Владимир – ещё один город Золотого Кольца со славной тысячелетней историей.

Интересно, что термин «Золотое Кольцо» появился в середине шестидесятых годов прошлого века с лёгкой руки нашего коллеги – столичного журналиста и искусствоведа Юрия Бычкова. По заданию редакции газеты «Советская культура» он взялся объехать на автомобиле окружавшие Москву старинные города, чтобы серией публикаций вызвать к ним волну интереса и внимания. Чуть позже, изучая подготовленные им очерки, редактор обратил внимание на повторявшееся в текстах слово «кольцо» и попросил как-то по-особенному его обозначить. Юрий начал перебирать возможные варианты: «древнее», «московское», да мало ли ещё какое – ни один ему не нравился, не казался достаточно ёмким и звучным. В задумчивости он вышел на улицу и внезапно отметил лучи солнца, пляшущие на церковных маковках. Ассоциация была мгновенной: золотое! Ну, конечно, «Золотое кольцо»! Такая вот красивая легенда, близкая и понятная любому пишущему человеку... А Владимир, ещё одна знаковая точка знаменитого туристического маршрута, – да вот же он, рядом! До него от Суздаля рукой подать, всего тридцать три километра по прямой. Вместе с тем по духу и облику города очень разные. Если Суздаль и полвека назад был всеобщим любимцем, центром притяжения, витриной для гостей, в том числе иностранных, а его исторический ландшафт оберегался настолько тщательно, что даже многоэтажное строительство здесь попало под запрет, то областная столица в полной мере ощутила разгул казённой архитектуры. Город и сегодня нельзя назвать особо уютным – серый, местами угловатый, недостаточно вылизанный... И даже с возрастом его до сих пор не всё понятно, как и с правителем, в честь которого он был назван. Одни историки начинают отсчёт от крепости, основанной в 990 году Владимиром Святославичем, другие называют 1108 год, времена Владимира Мономаха... И всё же если вдруг меня спросят: Суздаль или Владимир, я отвечу, что Владимир, поскольку здесь течёт независимая от туристов повседневная жизнь, а ещё потому, что не смогу забыть первого впечатления от своего с ним знакомства.

«Звучащая в вечности»

Тогда, как и сейчас, играла красками непоздняя осень. Мы жили в Суздале и на денёк приехали в областной центр. Было не холодно, но туманно и очень влажно, и холм, на котором стоит Успенский собор, тонул в подсвеченной фонарями жемчужной пелене. Пелена стелилась и ниже по склону, скрывая деревья почти с верхушками, а над всей этой странной, зыбкой картиной похожая на маяк вздымалась колокольня, и чистым неярким золотом сияли купола... И вот он снова перед нами – Свято-Успенский кафедральный

собор, один из старейших русских храмов с фресками преподобного Андрея Рублёва... Если ты не знаток, сюда обязательно нужно прийти с экскурсией – тогда гид в полутёмном пространстве обратит твоё внимание на самые важные сюжеты росписи. Поймаешь чувство благоговения, выйдешь на улицу, вздохнёшь полной грудью, дойдёшь до Дмитриевского собора и можешь ещё хоть час ходить вокруг, любясь причудливой каменной резьбой. Главное – потом не забыть прогуляться по Большой Московской улице с её сувенирными магазинами, где порой попадаются уникальные произведения местных прикладников, и увидеть главный владимирский символ – Золотые ворота. Чем они так знамениты? Тем, что это единственный оставшийся в стране образец оборонительных сооружений домонгольского периода, выстроенный ещё во времена Андрея Боголюбского. Ворота помнят торжественные въезды в город Александра Невского и Екатерины II. Визит императрицы, правда, сопровождался изрядным казусом: громоздкая

Во Владимирскую область стоит приехать только за тем, чтобы своими глазами увидеть церковь Покрова на Нерли

карета застряла под их аркой, после чего Матушка велела сделать по сторонам удобные объезды. Исполнители приказа взялись за дело настолько рьяно, что ворота начали разрушаться, – пришлось подключаться архитекторам и укреплять их замаскированными контрфорсами. Кстати, они и нынче оказались на реставрации и стояли сплошь затянутые зелёной строительной сетью... Но наша главная цель находилась всё же не в самом городе: мы специально оставили день на то, чтобы доехать до села Боголюбovo и своими глазами увидеть Покрова на Нерли.

Эта маленькая, отражённая в речной глади церковь не случайно считается красивейшей в России. Даже на фотографиях она завораживает. Одна моя знакомая называла её «словом истины, звучащим в вечности»... Я готова согласиться, потому что рядом с этими стенами не возникает ощущения древности, отрешённости, непричастности к сегодняшнему миру. Кажется, что Покрова на Нерли сильнее самого времени, хотя, конечно, это не совсем так. Возведённый девять веков назад храм неоднократно перестраивался, менял изначальный облик, сохраняя, возможно, главное – внешнюю гармоничность, лаконизм, чистоту линий. Впрочем, чтобы это всё оценить, надо было до него добраться. А между тем владимирская погода готовила нам «подарочки». Улицу, где стоял выбранный нами отель, мы искали наперегонки с дождевыми тучами, которые пригнал поднявшийся с обеда ветер, и едва заскочили под крышу, на город обрушились потоки воды. Спать под сбивчивый ритм капель за окном я, признаться, люблю. Кажется, что рядом кто-то очень увлечённый печатает нескончаемый роман, самозабвенно пробегаясь пальцами по невидимой клавиатуре. Другое дело, когда просыпаешься утром и понимаешь, что романист, оказывается, совсем не устал за ночь, более того, с первыми рассветными лучами ощутил новый прилив вдохновения...

Выходить под ливень то ещё удовольствие. Даже прикрывшись зонтиком и надев непромокаемые ботинки. Поэтому, как я ни рвалась сразу после завтрака ехать до Боголюбова, день начать мы решили с посещения владимирских музеев. Выбор пал на музей хрусталя и стекла, с экспозицией, посвящённой зарождению в области этого хрупкого производства. На авторское стекло я могу смотреть, наверное, бесконечно, да ещё, как оказалось, музей разместился в здании бывшей старообрядческой церкви, которую горожане называют «красной». Построенная перед самой революцией, она недолго служила по назначению, зато успела побывать и архивным бюро, и складом, и женским общежитием, пока в 1974 году не перешла в ведение Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Общительная смотрительница зала, заметив мой интерес к произведениям гусевских мастеров, посоветовала взять урок у местных стеклодувов. Ещё примерно с час прове-

дя в мастерской и в результате став обладательницей собственноручно изготовленной подвески, я в который раз посмотрела на промокший город и решилась. Мы выскочили под дождь. Дожделись автобуса. Устроились в салоне. Доехали до нужной остановки. Теряя энтузиазм, шагнули в подёрнутые рябью лужи. По ним добрались до моста над путями, поднялись-спустились и оказались на огромных Боголюбовских лугах, на тропинке, выложенной каменными плитами. Не одни. По ней уже тянулась пёстрая цепочка таких же, как мы, промокших бедолаг. На зонтик упали последние тяжёлые капли, а дальше случилось что-то очень похожее на чудо – небо стало светлеть, и в считанные минуты тучи скатились за горизонт. Белоснежное строение, пока ещё от нас отдалённое, засверкало в потоке солнечного света. Идущие рядом люди расслабились, заулыбались. Женщины стали повязывать кружевные платочки. И с каждым шагом храм становился всё ближе, и на каждом отрезке пути он был по-своему прекрасен.

Город рыбный и хлебный

С этого момента погода во Владимире начала направляться, но нас снова ждал переезд – самый продолжительный в намеченном маршруте. Мы направлялись в Ярославскую область, в старинный город Рыбинск, один из промышленных центров страны с развитым судо-, машино- и приборостроением, с заводом, выпускающим газовые турбины, с крупным мебельным производством. Спокойная деловитость, уверенность Рыбинска в сегодняшнем и завтрашнем дне наложила на его облик хорошо читаемый отпечаток. Он вычищен, ухожен, продуманно озеленён. Прекрасный парк, разбитый на протяжённой Волжской набережной, – идеальное место для прогулок, да и, свернув

**Догорел
волжский закат,
и на набережной
Рыбинска зажигают
фонари**

с центральных улиц, то и дело набредаешь на какой-нибудь скверик, тихий с утра до раннего вечера и оживающий к концу рабочего дня.

Прошлое города не менее интересно: поставки отсюда волжской рыбы в столицу начались ещё во времена Ивана Грозного, а позже именно здесь сформировался крупнейший в России центр торговли зерном. На местной бирже заключались многомиллионные «хлебные» контракты, в том числе с партнёрами-иностранцами, кроме того, Рыбинск славился бурлацкими артелями, у которых тоже имелась своя биржа. И вот замечательная отсылка к тем временам: в исторических кварталах вы не встретите ни одной современной вывески! Несколько лет назад городские власти постановили вернуть рыбинскую рекламу к традициям конца позапрошлого - начала прошлого века. Никаких дешёвых искусственных материалов: только дерево, металл, ручная роспись. И закон, что называется, «выстрелил». Сегодня одно удовольствие бродить по старинным улочкам, читая надписи, затейливо зазывающие в обувные, галантерейные, ювелирные или шубные магазинчики «господ и милых дам». Эта необходимость – соответствовать – коснулась даже популярнейших российских сетей, которые, как мне кажется, с удовольствием поэкспериментировали с корпоративным стилем. Но сколько бы времени вы ни отвели для этих прогулок, дорога рано или поздно обязательно выведет к так называемой Новой хлебной бирже на набережной – одному из бесспорных архитектурных украшений города.

Великолепное здание в неорусском стиле открылось в 1912 году. Наверное, на тот момент оно идеально соответствовало размаху совершаемых здесь сделок, но вскоре ситуация изменилась. В августе 1915 года были введены твёрдые цены на хлеб для правительственных закупок, призванных обеспечить нужды вступившей в войну России, и хлебная биржа утратила своё значение. Её помещение использовалось в

Вывески в «купеческом стиле» – одна из местных достопримечательностей

Хлебная биржа и Ленин «в зимнем»

различных целях или попросту пустовало, пока не перешло к Рыбинскому государственному историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику. Коллекция, в нём хранящаяся, посвящена в основном дореволюционной эпохе – силачам-бурлакам, купцам-меценатам... Особенно любопытно, на мой взгляд, собрание купеческих портретов – стоит заметить, это отдельное направление, одновременно парадное и очень человеческое, существовало когда-то в отечественной живописи... Среди лиц молодых и зрелых, тщательно выписанных на холстах, запомнился мне Фёдор Ильич Тюменев – купец-старообрядец, общественный деятель, первый в Рыбинске потомственный почётный гражданин и трижды городской голова. Подумалось: если судить по фамилии, не из наших ли мест его предки?

На площади перед музеем и совсем уже редкость – статуя Ленина. Что её отличает от прочих, украшающих, наверное, все без исключения города России, и почему она попала в разряд местных достопримечательностей? Дело в том, что скульптор облачил фигуру Ильича в тёплое пальто с каракулевым воротником и надел на него меховую ушанку, причём – и это особенно забавно – по моде своих современников середины двадцатого века. Ленинский бюст в шапочке из молодого барашка прежде я видела только на Талабах, на острове Залит. Мне объяснили, что зимой там дуют жуткие снежные ветра, и местные жители не могли позволить вождю мирового пролетариата остаться с непокрытой головой. Не уверена, что волжские морозы сравнятся с талабскими или хотя бы нашими сибирскими, так что рыбинцы просто столкнулись с «я так вижу» работавшего над скульптурой художника. Впрочем, «утеплённую» статую они нежно любят и называют между собой «Ленин в зимнем».

**Игры
в кошки-мышки –
мышкинские
народные забавы**

Не без мышки в кармане

Расставаться с Рыбинском было очень жаль, но впереди нас ждал чудесный волжский городок Мышкин. Со своими маленькими провинциальными сюрпризами... Для начала автобус подкатил к пристани, и оказалось, что на другую сторону реки нам предстоит перебираться на пароме. Паром, построенный в годы цветущего СССР, выглядел настоящим молодцом. Был он чист, свежеекрашен белой и синей краской, а звезда с серпом и молотом на рубке обновлена бескомпромиссно алым. Любопытно, что автомобили и их пассажиры перевозились «за так», а с пешей публики брали плату – 15 рублей от берега до берега! Попутчики нам рассказали, что жителям города очень хотелось заполучить собственный мост – в летнее время паром ходит ежечасно, но к концу осени Волга мелеет, и начинаются проблемы... На зимнюю переправу тоже рассчитывать не приходится: лёд в этом месте ненадёжный, приходится ездить через Углич, тратить деньги и время... Впрочем, все понимают, что вопрос этот вряд ли решится. Мышкин – самый маленький городок на Верхней Волге, а мост через судоходную реку – удовольствие не из дешёвых. Чтобы не звучало обидное слово «нерентабельно», горожане выбрали другое объяснение. «Построят его — упразднят переправу, и мы лишимся одной из своих главных изюминок...»

Собираясь сюда, я услышала байку: чтобы превратить волжское захолустье в популярный туристический центр, мышкинцы рискнули пойти оригинальным путём. Договорились, что каждый житель города в меру своих талантов освоит профессию гида. Готова в это поверить. Во время прогулок к нам подходили самые разные люди, заводили разговоры, начинали рассказывать о своём быте. О набережной, которую помогла построить Валентина Терешкова. О музее ретро-техники, собранной местными энтузиастами. О фильмах, которые здесь снимались. Даже о том, что за месторасположение крутого берега, с которого в Волгу бросилась героиня пьесы Островского, спорят сегодня Мышкин и Плёс... Но, естественно, главный здешний бренд – мышь во всех её проявлениях. Начнём с легенды: уставший после охоты князь Фёдор Мстиславский прилёг

на траву отдохнуть. Проснулся от того, что по его лицу пробежал мышонок, и увидел рядом ядовитую змею. Случилось это в день святых Бориса и Глеба, поэтому князь в благодарность за чудесное спасение велел поставить на этом месте часовню, а селение поблизости именовать Мышкин. Сегодня мыши-тапки, мыши-валенки, мыши-магниты, мыши-игрушки встречают гостей на каждом шагу. Здесь есть Мышкины палаты и единственный в мире музей мыши с маленьким мышиным зоопарком. В нашей гостинице тоже отдавалась дань мышинной тематике – постояльцам предлагали сырный кофе и сырные настойки, а в качестве комплимента – бесплатный сыр, который, как подчёркивали официанты, бывает не только в мышеловке... Кстати, наш администратор каждое утро выставляла у самовара собственноручно связанных куколок-мышек в нарядных платьях – ни одной похожей! Мы разговорились и узнали, что она делает их на продажу, а на вырученные деньги покупает хорошую пряжу, чтобы вязать носки ребятам, сражающимся в зоне СВО. Выбрали у неё мышонка – подарок младшей племяннице.

Городок с его населением, едва приближающимся к шести тысячам человек, бесспорно достоин пристального внимания. В туристический сезон за день сюда подходят до десятка туристических теплоходов. Пока путешественникам предлагаются двадцать девять «объектов показа», но совершенно ясно, что список этот расширится... Несколько забавных местных чёрточек: в Мышкине нет ни одного светофора, зато имеется собственная автошкола. Действует газокомпрессорная и нефтеперекачивающая станции, и треть всех жителей работает в этой сфере. Ну и, конечно, сама Волга в этом месте просто невероятная! Прямо напротив набережной в неё впадает река Юхоть. Я пыталась поймать картину в объектив фотоаппарата целиком – не получилось. Пожала, что не взяла с собой «широкоугольник»... Такое вот удивительное русское местечко! В чём-то, наверное, тоже Феникс. Только, как мне показалось, этого Феникса люди возродили собственными руками.

**С холма кажется,
что этот малень-
кий городок
способен
уместиться
на ладони**

Кружева плетутся рядом

Большинство христианских святых стали таковыми за свои молитвы, покаяние, постничество и тому подобные духовные заслуги и подвиги. Особенность святого праведного Симеона Верхотурского в том, что он помимо стяжания благ неотмирных ещё много и усердно работал. И эта работа тоже ставится ему в заслугу, наравне с духовным подвижничеством

По Симеоновым местам

Текст и фото **Роман БЕЛОУСОВ**

Согласно житию, будущий святой пришёл в город Верхотурье, бывший тогда столицей уральских земель, из европейской части страны, где в те годы бушевала Сму́та. Он происходил из знатной боярской семьи, но предпочёл власти, почестям и богатству стезю нестяжательства и уединённую жизнь, посвящённую молитве и богообщению. Так что Верхотурье оказалось для подвижника чрезмерно шумным и суетным местом, и в 1620 году Симеон удалился из него в село Меркушино, что в пятидесяти верстах от уездного центра.

Здесь он и прожил до своей кончины «в лето 7150», что по современному календарю соответствует 1641 или 1642 году.

Зачастую Симеон, оставляя на время ставшее для него родным Меркушино, отправлялся в странствия по окрестностям или на берега реки Туры, предаваясь там молитвам и размышлениям. Особенно любил он местечко километрах в десяти от села, где в речное русло вдаётся крупный камень или выступ скальной породы. Сейчас он так и называется – «Симеонов камень». С этой глыбы он удил рыбу для пропитания, но никогда не добывал её больше, чем требовалось.

Симеон прославился среди новых земляков тем, что, обходя окрестные сёла, подряжался шить шубы, а когда до полного завершения работы оставалась какая-нибудь малость, он оставлял её и брал следующий заказ. Таким образом подвижник избегал получать плату за свои труды.

Умер Симеон совсем не старым даже по меркам тех времён. Односельчане похоронили его на сельском погосте у храма Архистратига Михаила... и забыли. А вспомнили лишь полвека спустя – в 1692 году, когда гроб с телом праведника стал подниматься из-под земли, а рядом с ним забил источник. Есть предположение, что забивший источник и послужил причиной поднятия гроба. Меркушинцы почли такое явление за чудо. И уральские земли облетела весть о совершающихся у гроба исцелениях.

Митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий с игуменом Далматовского монастыря Исааком провели расследование и освидетельствовали мощи, после чего митрополит дал указание перенести их в церковь и начать собирать свидетельства о жизни новоявленного угодника Божия. На их основании впоследствии и было составлено житие святого праведного Симеона Верхотурского.

Почему Верхотурского, а не Меркушинского? Дело в том, что в 1704 году новый митрополит Филофей с подачи светских властей – верхотурского воеводы Алексея Калетина и таможенного головы Петра Худякова – посчитал меркушинскую церковь недостаточно почётным местом для мощей столь почитаемого святого (а праведный Симеон уже тогда стал считаться небесным покровителем всей уральской земли), и их торжественно крестным ходом перенесли в верхотурский Ни-

кольский монастырь. Там они и покоятся по сей день в Крестовоздвиженском соборе.

В этот собор я и направился рано утром из монастырской гостиницы, куда нашу паломническую группу заселили накануне вечером по приезде из Тюмени. Внутри храм украшает совершенно уникальный фаянсовый иконостас потрясающей красоты, точная копия дореволюционного. А сень над ракой, где покоятся мощи главного уральского святого, облицованная мрамором и серебром, может поспорить размерами с иными жилыми домами.

Наш монастырский экскурсовод Наталья Никифорова сказала, что Крестовоздвиженский храм является третьим по вместительности в России, после Храма Христа Спасителя и Исаакия. Честно сказать, я в этом несколько усомнился. Главный собор Никольской обители – здание, конечно, выдающееся, но я видел и побольше, и не только в столицах.

Вот в чём Верхотурский монастырь вне конкуренции – так это по занимаемому пространству. Его площадь составляет 11 гектаров – всего втрое меньше государства Ватикан. Хотя, собственно, монастырская инфраструктура занимает малую часть этих гектаров, остальное – заросший сорняками пустырь, огороженный стеной, местами развалившейся.

В глубине этого пустыря стоит красивый деревянный терем, построенный в начале прошлого века к визиту государя императора Николая II с семьёй. Высокие гости должны были приехать по инициативе Григория Распутина, неоднократно бывавшего в Верхотурье. Он в своё время был послушником в монастыре. Но император так и не добрался до бывшей столицы Урала, помешала начавшаяся

Верхотурский
кремль

Первая мировая война и последовавшая за ней революция.

После революции Никольский монастырь был закрыт, как и большинство российских обителей, а в его зданиях расположилась колония для несовершеннолетних. Бывший главный храм монастыря – Николаевский – в 1936 году был взорван (ныне на его месте построена небольшая, но красивая, расписанная снаружи фресками, одноимённая церковь). Ещё в одном соборе, Спасо-Преображенском, был оборудован спортзал, а в надвратном Симеоно-Анненском храме содержались служебные собаки. Монастырское кладбище сравняли с землёй. Мощи Симеона Верхотурского, впрочем, не выбросили, а отправили в Тагильский краеведческий музей. Но приключился конфуз. Местные жители стали толпами ходить в музей (под который был переоборудован закрытый собор) и поклоняться раке с Симеоновыми мощами, долженствовавшей служить «антирелигиозным экспонатом». За такой промах директор музея отправился в ГУЛАГ по

обвинению в «создании антисоветских настроений», а мощи увезли в Свердловск, в запасники областного краеведческого музея, и уже оттуда они в 1989 году вернулись в Верхотурье.

Даже удивительно, что так и не востребованный деревянный «царский» дом пережил все эти исторические катаклизмы и по сей день стоит на монастырских задворках. Только паломников к нему почему-то не водят, я набрёл на теремок совершенно случайно, в силу своей любознательности.

Восстановление обители началось в 1990 году, и сейчас во многом благодаря своему возрождённому монастырю Верхотурье считается духовной столицей уральской земли. Во всяком случае, так гласит слоган-девиз города.

После знакомства с монастырём пришло время знакомиться с городом. Выйдя из монастырских ворот и перейдя по мостику то ли овраг, то ли какое-то высохшее русло, я вышел на городскую площадь, утыканную таким количеством круглых фонарей на столбах, что по ночам она похожа на

Монастырские храмы

звёздное скопление. В центре площади возвышается стела, установленная к четырёхсотлетию города, с удивительным барельефным портретом царя Фёдора Иоанновича, у которого почему-то оттопырен под прямым углом нос.

Последний из Рюриковичей изображён на стеле не случайно. Именно с грамоты Фёдора Иоанновича началась в 1598 году история города Верхотурья, ставшего впоследствии первой столицей Урала и бывшего таковым, пока в XVIII веке не уступил этот статус Екатеринбургу. Никольский монастырь, кстати, был основан почти одновременно с городом – в 1604 году.

Век спустя, в 1698 году, по указу Петра I в городе началось строительство каменного кремля. Его стены и башни возвышаются через дорогу от центральной площади. Это самый маленький из российских кремлей. И последний – после него таких сооружений больше уже не строили за ненадобностью. Сейчас в кремлёвских стенах, отчасти уже «новоделных», размещаются исторические музеи и административные учреждения.

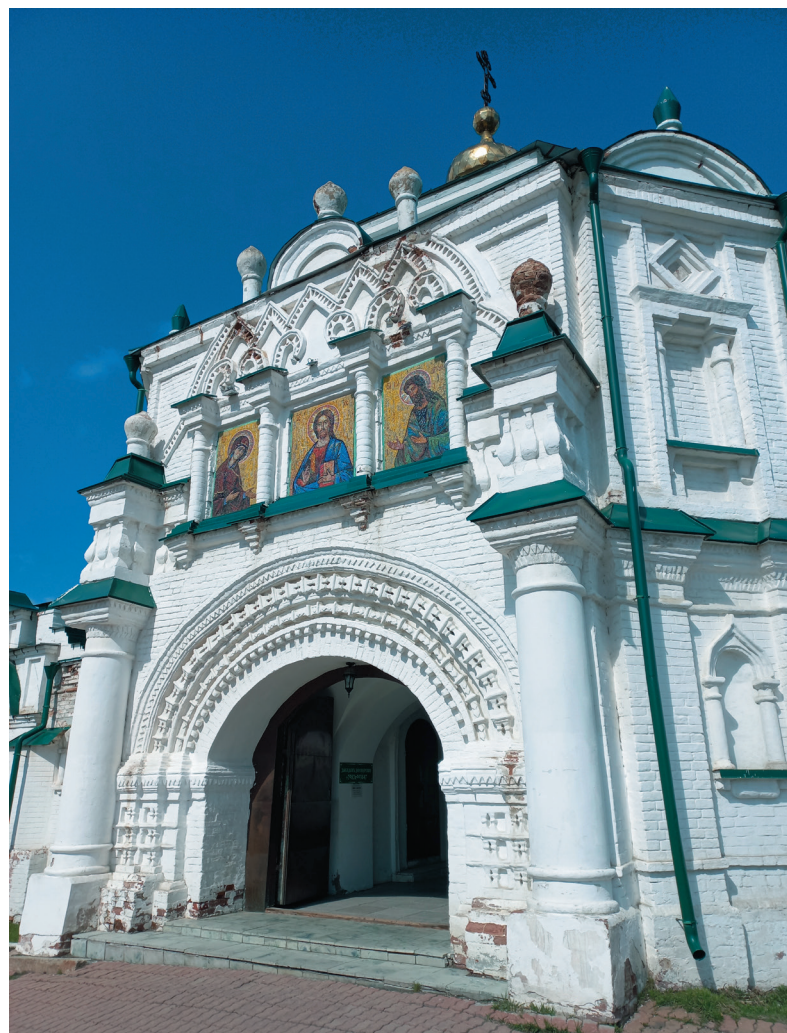
Кстати, от этих стен открывается самый лучший, «открыточный» вид на Никольский монастырь. А на сам кремль – с пешеходного моста через реку Туру, соединяющего исторический и «спальный» районы Верхотурья.

Как ни удивительно, Никольский монастырь – не единственный в этом маленьком городке, не насчитывающем и десяти тысяч жителей. Недалеко от него (впрочем, в Верхотурье всё недалеко) находится ещё один – Покровский. Он немногим уступает в древности Никольскому – меньше чем на два десятка лет.

Покровская обитель была первым женским монастырём за Уралом. Основал её между делом по пути из Москвы в Тобольск Сибирский митрополит Киприан. Здесь содержалась в ссылке несостоявшаяся невеста царя Михаила Фёдоровича Мария Хлопотова, которую забраковали за недостаточной знатностью московские бояре и отправили с глаз долой в Сибирь. К слову, в Верхотурье в разное время при сходных печальных обстоятельствах «отметились» несколько известных персонажей российской истории – протопоп Аввакум, светлейший князь Александр Меншиков, герцог Эрнст Иоганн Бирон, и все – по пути «во глубину сибирских руд».

В Екатерининскую эпоху Покровский монастырь был упразднён согласно закону, по которому на каждую губернию должно было приходиться только по одному женскому монастырю, и возродился лишь в 1907-м, но не на том же самом месте, а рядом. О старом монастыре сейчас напоминают лишь до крайности руинизированные здания старинных церквей – Покровской и Предтеченской.

Однако возрождённая обитель просуществовала недолго, до 1922 года, когда новые большевистские власти объявили её «вредным пережитком». Насельницы пытались спасти своё пристанище,

Надвратный храм

переименовав его в сельскохозяйственную артель «Надежда», но тщетно – спустя два года игуменья Таисия была арестована, монахини разогнаны и впоследствии сосланы, а монастырские здания были отданы под детский дом. Затем его сменили баня, дом пионеров, поликлиника и военкомат. И только с конца 1991 года храм и сестринские корпуса вновь стали использоваться по назначению.

Сегодня Покровский монастырь – тихое, уютное и ухоженное место. Часть территории огорожена сеткой-рабицей, за которой бродят альпаки – животные, похожие на лам, с большими умильно-печальными глазами. Они вызвали бурю восторгов у моих спутников, и в особенности спутниц.

В монастыре нас встретила старица – очень приветливая и словоохотливая женщина в схимническом облачении – и повела в храм, к главной монастырской святыне – иконе Божией Матери «Умиление». Считается, что эта икона способствует в поисках спутника жизни и преодолении бесплодия, а также исцеляет различные недуги.

В храме одна из сопаломниц рассказала монахине и всем нам, что отправилась в Верхотурье не просто в паломническую поездку, её главной целью было именно посещение Покровского монастыря с целью поблагодарить икону и Богоро-

дицу за вымоленно-го мужа. Муж стоял здесь же, смущённо улыбаясь.

Помимо монастырей в городе действуют ещё два отдельных храма. Один из них – большой, древний и роскошный Свято-Троицкий – стоит рядом с кремлём и является его ровесником. В 1959 году международная конференция в Гааге включила этот собор в число наиболее значительных архитектурных памятников мира, а в 2013-м он даже попал на инвестиционную серебряную трёхрублёвую монету, выпущенную Банком России. Другая церковь, Успенская, находится на городском кладбище. Это единственный храм Верхотурья, который не был закрыт в советские времена, за исключением периода с 1941 по 1946 годы. До него я тоже добрался, прогуливаясь по Верхотурью, но внутрь не попал – церковь, несмотря на субботний день, была закрыта.

После трапезы нас повезли в Меркушино. Больше получаса автобус петлял по живописным окрестностям Верхотурья, потом переехал по мосту через реку и повернул влево – к сверкающим на солнце куполам меркушинских храмов.

После перенесения мощей праведного Симеона в Никольский монастырь меркушинцы чувствовали себя ограбленными. Но у них оставался гроб, в котором были явлены мощи святого. Этот гроб долгое время и являлся главной реликвией села и Михайловской церкви, пока не сгорел вместе с храмом во время пожара.

Взамен погибшего храма на этом месте в начале XIX века была построена новая церковь, тоже посвящённая Михаилу Архангелу. Но полтора века спустя, вероятно во время очередного витка борь-

В надвратном храме

останки были обнаружены рабочими. Мощи священномученика пролежали в меркушинской земле до своего обретения дольше, чем мощи его предшественника, – 104 года.

Между складок красного покрывала, которым укрыты мощи, видна мумифицированная рука святого Константина с отверстием в ладони, где её пробила пуля.

Церковь Михаила Архангела соединена длинной светлой галереей с другим храмом, посвящённым непосредственно Симеону Верхотурскому. В галерее расположился небольшой базарчик с самым широким ассортиментом товаров – от икон, церковной утвари и сувенирных магнитиков с изображениями меркушинских храмов до косметики и одежды.

Симеоновской церкви, построенной над бывшей могилой Симеона Верхотурского, в годы советской власти повезло больше, чем Михайловской. Она, хотя и была закрыта в 1939 году,

бы с «религиозными предрассудками», она была снесена.

Ныне Михаило-Архангельский храм возродился в виде колоссальных размеров собора. В нём покоятся мощи нового меркушинского святого – священномученика Константина Богоявленского, он же Константин Меркушинский. Этот молодой сельский священник летом 1918 года был обвинён большевистскими властями в организации крестьянского восстания против советской власти и расстрелян. Житие священномученика повествует, что перед казнью на сельском кладбище он пел отходную молитву, отпевая сам себя. Через несколько дней священник был тайно перезахоронен в церковной ограде, а при восстановлении Михаило-Архангельского храма, в мае 2002 года, его

сохранилась и была возвращена Церкви в начале девяностых.

Место обретения Симеонового гроба со святым источником находится в небольшой рукотворной пещерке под алтарём храма. У паломников пользуется большой популярностью песок из этой пещерки. Его собирают в целлофановые пакетики и увозят с собой как некую реликвию. Считается, что этот песок помогает от различных недугов, стоит лишь приложить его к больному месту. А однажды, во время боёв под Авдеевкой, даже сделал каких-то сибирских солдат невидимыми для украинских стрелков.

Здесь я невольно вспомнил книгу миссионера Андрея Кураева «Оскультизм в православии». А ещё эпизод из «Повести о Ходже Насреддине» Леонида Соловьёва, где хитрый Агабек продавал главному герою поместье с «волшебной водой» и «волшебной землёй». Хотя, впрочем, тоже привёз домой пакетик чудо-песка. А одна из наших женщин утащила чуть ли не целый мешок. Подозреваю, что запасы песка в пещерке приходится пополнять очень часто.

На обратном пути мы остановились у того самого знаменитого камня, где святой Симеон удил рыбу и предавался размышлениям. Этот камень часто можно увидеть на его иконописных изображениях. Вид с этого места на речное русло очень красив. Вероятно, не менее живописным он был и в начале XVII столетия, не зря же это место облюбовал меркушинский праведник. Такой молчаливой величавой северной красотой можно любоваться долго, но нас ждала монастырская трапезная.

Между дорогой и Симеоновым камнем стоят деревянный храм в стиле шатровых церквей XVI-XVII веков, построенный силами Уральского округа внутренних войск МВД, и большой поклонный крест, установленный на месте снесённой в советскую эпоху часовни.

В программу нашей поездки вошёл ещё один из примечательных уголков верхотурской земли – заимка Актай (иногда можно встретить написание «Октай») в нескольких километрах от города, на берегу одноимённой реки. Красивейшее место, словно сошедшее с картины Левитана. Здесь богомольцы XIX века останавливались на ночёвки по дороге в Верхотурье или обратно. А когда прослыл чудотворным актайский источник, объектом паломничества стала уже сама заимка, превратившаяся по такому случаю в скит Никольского монастыря и даже обзаведшаяся своим старцем по имени Макарий (в миру – Михаил Васильевич Поликарпов). Макарий Актайский известен главным образом своей дружбой с Григорием Распутиным, благодаря которому однажды съездил в Царское село, где имел беседу с самим императором. Последний раз Распутин посетил скит незадолго до своей гибели, летом 1916 года.

Храм Живоносный источник

После Октябрьской революции Актайский скит служил прибежищем инокам Никольского монастыря, изгнанным из своей обители новыми властями. Скитские хроники гласят, что «население монастырской заимки увеличилось до ста человек, но жить продолжали по уставу скита с ежедневными богослужениями и чтением Неусыпаемой псалтири».

А в 1924 году загребушие руки государства дотянулись и до этого уединённого места. Согласно постановлению Пленума Верхотурского райисполкома, территория заимки была передана Ново-Лялинской Страхкассе под дом отдыха. Храм Пресвятой Богородицы «Живоносный источник» был закрыт, а часовня над самим источником снесена.

Дом отдыха «Актай» существует по сей день, прекрасно уживаясь с возрождённым в 2001 году монастырским скитом, куда, как и встарь, приезжают паломники, чтобы набрать воды из святого источника и полюбоваться красотами этого исторического места.

Памятный разговор

Кто в Тюмени не знает Леонида Окунева? Наверное, таких нет. Все-народный любимец, заслуженный артист РФ, Почётный гражданин города, директор театра «Ангажемент». Уникальный, востребованный актёр. Снимался в 25 фильмах, играл в самых знаковых проектах театра – их 27. 8 сентября Леонид Григорьевич покинул нас. Тяжёлая утрата. Наш журнал в память об одном из сибирских богатств – Леониде Окуневе – поговорил с театром «Ангажемент». Удивительно, что большинство о нём говорили в настоящем времени...

Его ангажемент стал вечным

Текст **Светлана РЫЧКОВА**

Настя Олейник, вдова:

– Однажды Леонид Григорьевич звонит мне утром перед парами (мы с ним познакомились, когда я ещё училась в институте): «Поехали, я тебя покормлю завтраком и привожу на пары». Привозит меня в «Максим», а рядом сидели две бабушки. Я думаю: будут бабушки к нему приставать или нет? И тут одна из них протягивает в его сторону руку: «А правда, что у Леонида Окунева дома старообрядческие иконы?». Он растерялся: «Откуда вы это взяли?» – «В газетах пишут». – «Нет, у меня никого из старообрядцев в семье не было».

Он был православным. В каком бы состоянии ни был, где бы ни был – обязательно молился утром. Мы должны были поехать на Корфу к Спиридону Тримифунтскому этим летом, но ему хотелось встретиться с сыновьями – и поехали в Батуми. Решили: на Корфу – зимой. Не успели, но он прочитал весь акафист Спиридону. 40 дней читал. В первый день поскользнулся – ударил руку. И в этот же день я шла из театра домой – меня по той же руке велосипедист ударил. Искушение было такое – решили мы.

Первый раз Леонида Григорьевича в храм на Семакова привела его бабушка. Потом в школе ему говорили советские школьники, что Пасха – не наш праздник. И бабушка ему ответила: «Это не твоё. Они выбрали отказаться, а ты для себя выбрал веровать».

Если у меня были тревожные сны, Леонид Григорьевич на ночь надо мной молился – и сны отступали. Он жил с этим – с верой.

...Есть истории, как он учился в институте, потом весь их курс забрали из Свердловского училища в Златоуст. И были попытки увезти его в Москву. Но Леониду Григорьевичу эта идея на сердце не легла: «Тюмень – мой дом».

Люди рассказывали, что московские актёры удивлялись, когда его вызывали на съёмки в столицы: «Как так?! Почему мы тут ходим-напрашиваемся, а вас из Тюмени сюда везут?!». А Леонид Григорьевич был такого масштаба актёром, на которого не жаль было денег тратить, чтобы привезти из Тюмени в Москву! И с режиссёрами он умел сдружиться. У него была традиция: привозил в Москву (а также в Екатеринбург Коляде, в Пермь) рыбу с Севера. И в съёмочных группах ходили легенды. К нему подходили: «Говорят, вы рыбу привозите – можно мне попробовать?». Привозил пелядь, муксуна, щёкура и со мной однажды, когда я ездила в командировку, отправлял на подарки омуля. У него в Тюмени были знакомые и одна точка на рынке (только к одной женщине мы ходили, которая гарантирует качество), где мы брали свежую рыбу.

– Вы наблюдали процесс, как он работает на съёмочной площадке? Я совершенно случайно посмотрела недавно сериал про деревню «Я не могу без тебя», где он играл районного руководящего работника. Он там всех актёров переиграл – ярче всех!

– Это как раз последняя его работа в кино. Сама я не видела, но Леонид Григорьевич рассказывал: когда снима-

ли «Угрюм-реку», был такой момент, что он уже устал. А сцена важная. И он уже злиться на себя начал. Но выдал всё по полной. Мороз подходит: «Лёничка, ты молодец!» А потом то ли костюмеры, то ли постижеры рассказывали, что Юрий Павлович в разговорах всё повторял: «Лёня – ну какой актёр!»

Была забавная ситуация на съёмке сериала «Кунгур», на которую мы ездили в Крым. Ему там нужно было научиться играть на гармошке. Я ему говорю: «Какие проблемы?! Соглашайся!». А играть не умел! Пришлось брать уроки у Игоря Катаргина, который играет в ансамбле «Росстань» Лилии Дёминой. Мы целый день сидели зубрили эти песни (нужно было по сценарию что-то спеть для ОМОНа). Но на съёмочной площадке Леонид Григорьевич ничего сыграть так и не смог. У меня музыкальная школа (гитара, фортепиано), и я научилась играть быстрее и лучше. Его это злило. И вот в съёмочный день он выходит с гармошкой, я сижу с режиссёром на плейбеке (пульта режиссёра, где он всё отсматривает)... Леонид Григорьевич ни в одну ноту не попадает, но роль свою выдал!

– Как он вообще готовился к роли? Есть такие, как Евстигнеев, – долго репетируют, повторяют текст перед каждым спектаклем. А есть импровизаторы, которые как-то очень легко выходят на сцену...

– Он похож на импровизатора, но он не такой. Он очень долго учит, очень долго погружается в текст, переписывает его. Бывало, он со мной куда-то не шёл, потому что надо было учить роль. Ему был важен текст. И не столько текст, как то, что за текстом. И что для съёмок, что для выступлений ему было важно, чтобы была отдельная гримёрка, потому что была необходимость предельной концентрации.

Если получалось, что ему не давали индивидуальную гримёрку, то уходил куда-то, чтобы одному поработать с текстом. В интервью своим сыновьям в Батуми Леонид Григорьевич говорил, что у него как у актёра самое слабое место – работа с текстом, нужно очень сильно в него погружаться. В костюме сидит уже – снова повторяет. При подготовке к «Косым угодникам» (главная роль задумывалась для него), когда учил дома роль, я ему подсказывала что-то по географии мизансцен, мне со стороны было легче рассуждать, потому что он максимально был внутри!

– Его работа в должности директора: вы где-то пересекались по работе наверняка (Настя – главный администратор театра – С.Р.)?

– Он постоянно приbedнялся: «Какой я директор!». Но это был его театр, и приходилось выполнять обязанности. У него был такой стиль управления – со всеми советоваться, но выносить своё решение. На его решение никто не мог повлиять. Он анализировал полную картину. На наш взгляд, его решения могли быть очень странными, но в итоге он оказывался прав. У него была особая, не подводящая его интуиция. И его жизненные принципы – этические – стояли выше управленческих. Эффективный менеджер может уволить человека, который не справляется или не выполняет своих обязанностей. Леонид Григорьевич так никогда бы не сделал: он, например, не знал, как увольнять людей. И не столько потому, что боялся обидеть, сколько: а куда они пойдут, что они умеют ещё делать, где они себя найдут? И открытые увольнения были только в тех случаях, когда коллектив уже был против присутствия этого человека. Например, проблемы с алкоголем.

– Человечнейший человек...

– Да, он очень милосердный. Ещё рассказывал истории о том, что какие-то люди из его прошлого, которые сейчас появляются, живут именно так, как он прогнозировал. Он часто повторял булгаковское «как причудливо тасуется колода». У него было такое мировоззрение, что как ты живёшь – то и получишь. Многие говорят, что он не конфликтовал. Да, если он был недоволен, то молчал. А это тяжелее. И даже страшнее. Когда у нас были конфликты, мне приходилось неделю терпеть, ждать, когда успокоится, и первой выходить на разговор.

– Но всё равно наверняка он вам столько дал, сколько никто ни до него, ни после...

– Я думаю, что я никогда не смогу оценить объёмы. Когда его похоронили, то многие говорили, что только сейчас поняли, с кем работали. У меня было это понимание, с кем работаю, с кем живу, но это был период получения знаний. А теперь я переосмысливаю, как я это понесу, как буду применять...

...У нас с Леонидом Григорьевичем были открытые отношения. Мы старались всё проговаривать на берегу. Для меня очень важно было его состояние – я старалась внимательно к нему относиться. Но если он о чём-то переживал, то мне выдавал только десятую часть – остальное всё носил в себе. Я не отменяю и того, что много предыстории, и было сомнение в том, что я пойму эти переживания...

...У меня больше личных воспоминаний про наши отношения. Я могу сказать, что Леонид Григорьевич – очень заботливый человек. Почему я его и выбрала из женихов. Он заботился о моём завтраке даже когда мы вместе не жили – он с вечера мне его обеспечивал.

– Королевская жизнь...

– Он очень любил готовить, кормил весь театр. Из последних историй: перед отъездом надо было разгрузить холодильник. Он приготовил грибной суп – трёхлитровую кастрюлю – и повёз в театр с приказом «никому не расхотиться», накормил весь административный отдел (артисты были в отпуске). Он постоянно пёк пироги. Был очень хлебосольный.

Я в первый раз пришла в «Ангажемент», когда он пригласил сыграть меня на гитаре на дне рождения театра. У них традиция – рождественский гусь. Мне накладывают его, а я стесняюсь – первый раз в этой компании. Я понемногу ем. Он сказал, чтобы ела как следует: «это не по-нашему, не по-ангажементски». Я думаю: меня уже пустили в компанию – как своя должна есть.

Как руководитель... У администраторов бывали проблемы с продажами. Он нас всех вызовет: «Что будем делать?». Общение Леонида Григорьевича было облачное: он думает-думает, что-то проявилось – он выдал. Причём может выдать половину, и тебе надо угадать, о чём он говорит.

– Ну, да, я помню. Я брала интервью – половину было трудно понять...

– Да, и вызовет на планёрку, говорит о разном понемногу, а ты должен всё в голове структурировать и понять, что он хочет сказать.

...Леонид Григорьевич – творческий человек (его жизненное состояние прежде всего – быть артистом), но он так хорошо считал! Причём складывал в уме очень большие цифры. Без ошибок! Меня это восхищало. Однажды он поручил мне как агенту считать его съёмочные дни – все

ли гонорары он получил. Я завела тетрадку – отчитывалась ему. У него на столе куча бумаг, никому в этом не разбираться – всё в записках. Но он знает, где что записано. И если ему должны деньги – у него это чётко зафиксировано. Это может быть на непонятном листочке, 33 раза в газету завернуто, но всё записано! Свой порядок.

...Перед последним отпуском он наморозил контейнеров с клубникой, грибами. А холодильник потёк – надо было всё убирать куда-то. И он написал, в каком холодильнике какой пакет и с чем, куда что возвращать. Мы вернулись в Тюмень, Леонид Григорьевич умер, и по его записке я всё возвращала обратно... это мне была от него последняя записка...

...Что у него настолько серьёзная проблема с сердцем – я не знала. Когда были в Батуми, то были жалобы на рези в животе. Оказалось – расслоение аорты. Она в Батуми начала расслаиваться, и он бы мучительно умирал – ничего с этим сделать было уже нельзя. Но ушёл за час. А вообще он следил за здоровьем, все таблетки контролировала я – мелочами ему некогда было заниматься...

Сергей Грязнов, заслуженный артист РФ:

– После окончания учёбы Леонид Григорьевич уезжал в другие города. Но самый огромный пласт своей творческой жизни он провёл на сцене Тюменского театра драмы и потом 30 лет – на сцене «Ангажемента». При этом он умудрялся – ему хватало сил и таланта – совмещать руководство театром, актёрскую жизнедеятельность и мощный пласт киноработ. Это значительные роли у режиссёров, которые занимают не последние места в иерархии российской киноиндустрии. Не случайно он – почётный гражданин Тюмени. Боженька поцеловал этого самородка.

Специфика в училище, где Окунев учился, была такая, что их сразу активно приучали к работе на сцене: им давали роли. Не было тепличных условий, после которых приходишь в театр и теряешься. Леонид Григорьевич был рядом на сцене с Дьяконовым-Дьяченковым и понимал, какой необходим ежедневный труд над собой. За всеми его ипостасями всегда была полная творческая мобильность.

Я с ним начал вместе работать в 1989 году в Тюменском театре драмы. Затем я работал в Свердловской академической драме, но параллельно – начиная со второго спектакля – был актёром театра «Ангажемент» с 1993-го вплоть до 1998 года и, даже уехав в Омск, даже работая после в тюменском Театре кукол, я умудрялся совмещать. У нас были не только творческие, но и человеческие с Леонидом взаимоотношения. Заболел актер, надо срочно подменить – я из кабинета главного режиссёра Театра кукол бежал в «Ангажемент» и играл. Связь не прерывалась. А последние два года я работал уже главрежем в «Ангажемента», волевым решением Окунева.

Людмила Петрушева, актриса:

– Он умер 8 сентября. Его нет с нами два месяца. Удивительно: тропка, протоптанная им, осталась! Никаких сбоев за это время. Такая дисциплина! Я даже не знаю, чем это объяснить: или дань уважения ему, или это он нас так организовал – впитал в нас театральную ответственность, обязанность. Мы и выезжаем на фестивали, и начинается скоро лаборатория...

Когда он приходил в театр, было ощущение полноты, наполненности. Но при этом он никому не приказывал, паль-

цем не тыкал. Ни-ко-му! Ему, наоборот, всегда казалось, что он нам мало даёт: «Я виноват, что у актёров зарплата небольшая». Никогда не диктовал! В профессиональном отношении у него были стопроцентно верные замечания. И он сердился, если их не принимали актёры.

Он никогда не хотел быть руководителем. Жизнь заставила. Когда ушел Загоруйко, директора сменялись, но было заметно, что это – не их дело, они не болели театром. А Окунев ревниво относился к этому. И закончил институт культуры для того, чтобы быть директором. В творческом коллективе должен быть именно такой руководитель, как Леонид Григорьевич!

...И вот мы два месяца поражаемся, что живём, развиваемся. Будто он и не уходил. Есть память о нём – и больше нам никого в руководители не надо. Ну, должность существует...

Валерий Шергин, зав. литературной частью:

– Несмотря на большую разницу в возрасте, у меня было ощущение, что я общаюсь со сверстником. Мы разговаривали на равных. Он знал интернет-приколы, шутки, следил за современной драматургией. Он и в 75 лет был молодым! Язык бы не повернулся назвать его «дед» или «старичок». Это был энергичный мужчина. Самое важное, что он был прогрессивным, не боялся экспериментов, не был консерватором. Хотя многие вещи ему не нравились – он был человеком, во всём сомневающимся. Завтра спектакль – он ещё не определился в чём-то, вплоть до того, что «давай всё отменим».

... Что он не успел – это создать свой фестиваль. Ездили на чужие фестивали, конкурсы. И ещё переживал, что не дали театру достойное здание.

... Под постами, где было объявлено, что он от нас ушёл, – ни одного плохого комментария. Это для меня очень важный показатель, люди писали о нём только хорошее. Масляков в этот же день ушёл – половина хейта.

Екатерина Зорина, актриса:

– Я могу рассказать про свою первую встречу с Леонидом Григорьевичем. 2004 год. Мы созвонились с ним, по глубокому голосу представляла, что он высокий, мощный мужчина. Он подошёл, заговорил – а у меня не сочетается: увидела очень позитивного, весёлого, светлого человека. Он всегда был такой! Естественно, я потом его больше изучила. Уже видела моменты, когда у него что-то происходит. Но он старался такие вещи держать в себе.

...Где у нас теперь кухня, – был его кабинет. Я туда зашла – ни окон, ни дверей, полна горница людей. Мне показалось странным, почему директор – и в таком кабинете? Потом я узнала, что он и в фильмах снимается – какого масштаба актёр! И думаю: такой человек сидит в этой комнатухе?!

...Он – титан, мощь. Во всех планах: в творческом, в человеческом. Сейчас безумно тяжело – без него. Сколько ни смотри на него – бесконечно учишься. Он всегда даст нужный совет, и всегда это работает. Последний совет он мне дал по роли в «Записках сумасшедшего». Я всегда пыталась быть как он – позитивно настроенной. Он много сомневался, никогда сразу не принимал решений – всё было вымученно, но всегда правильно. Он всегда поступал правильно.

...Он любил театр больше, чем кино. И не потому, что учредитель. Он разный: театральный актёр, директор, худ-

рук и актёр кино. Всё вместе настолько взаимосвязано... в нём слишком много всего. Да, он перерос Тюмень. Он какой-то космический...

Юлия Шек, актриса:

– Осознание, что он ушёл, ещё не пришло. Уехал, скоро вернётся... Иногда накрывает только. Мне сложно говорить. Это самый близкий мой человек, ближе родителей! Он был единственным гостем на нашей с мужем свадьбе. Вот такие отношения.

Перерос Тюмень, потому что... был истинным тюменцем! Такой парадокс. Он любил этот город, любил наш театр. И никогда бы нас не бросил. Были поездки, съёмки в фильмах, но он всегда возвращался.

Он привёл меня в церковь, в свою, куда водила его бабушка. А я познакомилась с отцом Владимиром. И у них всё переросло в дружбу. Жизнь как-то сама собой так витиевато заворачивается...

... Я очень хорошо его понимала. Некоторым его переводила. Видимо, потому, что сама так же разговариваю: местоимениями...

Я ему говорила: «Леонид Григорьевич, мы разные люди: вы – мужчина, я – женщина, Вы, простите, взрослый человек... но он настойчиво советовал что-то сделать в роли, говорил «попобуй». И я всегда пробовала, и его предложение выстреливало. Я никогда не забуду, как мы приехали на фестиваль «Арт-миграция» в Москву, и он мне говорит: «Юль, надо сделать такой нюанс». Я сделала, и он: «У меня сразу вот так (схватился за горло). Ты поняла? Я ж говорил!».

... Был человеком, который актёрски всегда помогал. Глыба. Когда играл в «Старушке на миллион», так входил в образ, что, будучи сам в здравом уме и рассудке, вдруг что-то начинал забывать, и мы его водили за ручку – он просто настолько входил в роль!

... Я всегда, когда отпуск, прихожу в театр. И пришла в августе. Он пришёл: «Ты чё опять здесь?» – «Люблю ваш театр!». И он от радости начал танцевать жигу-дрыгу. Мне это так нравилось – когда он баловался...

Павел Чудинов, молодой актёр:

– Мы успели проработать с Леонидом Григорьевичем сезон. Отправляли из Омска всем курсом резюме в «Ангажемент».

Мы рассчитывали, что театры будут за нас, выпускников, бороться. Но оказалось, что никого никуда не взяли. Были уже мысли остаться в Омске в частных проектах. И звонит мне мужчина с сильным голосом. Оказалось – Леонид Григорьевич. Он очень завуалированно разговаривал. Приходилось долго привыкать. А потом привык – и без этого очень тяжело. Так вот, он сказал тогда: «Хочешь – приезжай, не хочешь – не приезжай». Я звоню своему педагогу, он говорит: «Конечно, соглашайся!»

Сидим в фойе – ждём спектакля «Мальчиш-Кибальчиш». И Леонид Григорьевич начинает свои шуточные-пришутки:

– Как вам спектакль?

– Хороший.

– Ну, ещё бы вы сказали, что плохой, – работать же сюда приехали!

– Что готовить к прослушиванию?

– Ничего. Ну, приготовьте этот отрывок, что прислали.

И приходят на наше прослушивание полтеатра, Сергей Анатольевич – главный режиссёр. Нам ставят профессиональный свет. Мы на сцене, нам страшно. И Сергей Анатольевич спрашивает:

– А ещё что?

После прослушивания пошли на улицу искать, где поесть. Окунев нам звонит: «Вы где? Я окрошку вам приготовил. Вы хорошо поработали. А я всех, кто хорошо поработал, кормлю».

Предложил посмотреть вечерний спектакль «Поместье ворона». «А после я вас покатаю по Тюмени». Спектакль закончился. Он говорит: «Плохо себя чувствую. Не поедем». Одеваемся уходить – он: «Поехали кататься!».

Едем – и очень темно. Не включают освещение! Выходим из машины – а он не включил фары. А после поездки: «Ну, поедете в Омск – походите по театрам, если хотите. Или не ходите». То есть непонятно – взял он нас или не взял к себе... Игра и провокация на каждом шагу! Но, конечно, он взял.

Он мне постоянно звонил, обсуждали, кого взять из режиссёров – просил найти. Я искал. Он говорил: «Паша, не уходи из театра, пока я жив» (я собирался пойти учиться дальше). И получилось, что я его просьбу выполнил...

На кладбище поехали после премьеры «Варшавской мелодии». Он с нами будто разговаривает. Говорим: «Отыграли премьеру», – и ветра нет, а венки колышутся. Потом один упал, мы говорим: «Леонид Григорьевич, не ругайтесь так»...

Да, он перерос Тюмень. Мне понравилось, как про него говорили, что он – сибирский мужик с большими руками работяги. И когда пообщаешься, ощущение, что знал его всю жизнь. И нельзя было зайти в театр и выйти из театра, не повидавшись с Леонидом Григорьевичем. И признак, что он в театре, – это запах его сигарет. Когда задумывался, то не курил, а долго вбивал сигарету в пепельницу...

Татьяна Пшеничникова, актриса:

– Он, безусловно, нас всех объединял. Когда труппа была небольшая, у нас было две гримёрки – женская и мужская. И тусили все вместе в одной. Были семейные отношения. Когда стали расширяться, всё равно он стремился к семейственности. И придумывал незывлемые традиции. Это важно. Так, 29 октября – всегда день памяти Загоруико. Окунев берёт молодых актёров, едем на могилку, он говорит: «Вот, Витя, привёз тебе новую поросль». Потом вместе сидели вечером, приходили старые друзья Виктора Сергеевича. Это каждый год. И в Рождество. Он любил, когда веселятся. Играем «Диканьку», утром новогодние спектакли, но в этот день до часу веселимся, столы ломаются.

... Гостеприимство его... И его мама нам пока могла, всегда стряпала пироги, пирожки! И самому ему надо было, чтобы все были сыты, довольны и радостны! Он и душу всем отдавал – за молодых переживал, что-то показывал. Другие режиссёры просто ставят задачу – тот же Михаил Давыдович Поляков. А Окунев сам показывал любую роль, и это была песня! Актёр он был потрясающий! Это его желание делиться глубиной, опытом, энергией – бесценно...

... Часто говорил, что главное в жизни – дружба. И всё Городище, где он жил, и из других городов приезжали его друзья и тусили здесь – спали в комнате для режиссёров. И дети наши маленькие там нас ждали. И с партнёрами по фильмам он дружил. Ведь Виктор Сухоруков приезжал

именно после знакомства с Окуневым. Олег Меньшиков передал ему часы брендовые в подарок.

Мирослава Евдокимова, актриса:

– Я с ним плотно не пересекалась. Но позвал меня работать именно он из Перми. Это человек, с которым нужно было говорить лично, один на один. Любая проблема, абсолютно любая, с ним решится, и он любил, когда к нему приходили. Любого масштаба вопрос – бытовой, творческий – всегда мог предложить решение, пойти навстречу.

Когда мы делали эскиз «Дуры мы дуры», очень нам помогал. Он актёрски настолько многоплоскостной, настолько широкий в понимании театра, кино, что, просто давая совет, очень помогал. И мне жалко, что мы с ним мало соприкасались на сцене. Это тонкий момент: он настолько чувствовал и понимал, чего хочет зритель, что такое актёрское существование, что одним словом мог тебя как актёра направить, разрешить то, что ты сам не мог. И никогда не бросал в беде.

Елена Юдина, актриса:

– В 2006 году я пришла в театр: ставилась сказка – нужна была героиня, а я училась совершенно в другой сфере. И вот он был в жюри студенческих театров. Он там увидел меня и пригласил. Он для меня – человек-волшебник, маг, проводник. Бывают люди знаковые в масштабах города, страны – и в этом случае ты чувствуешь, что в твоей жизни такой человек был. Он очень яркий, распространяющий себя и в глубину, и вовне. Мы все напитывались им. Это как солнце, лучами которого ты обогреваешься и стараешься оправдать его ожидания. И он давал проявиться всем нашим талантам – не только актёрским. Это большое счастье – быть в поле этого человека.

Роман Зорин, актёр:

– У меня очень большой опыт работы с Леонидом Григорьевичем. Запомнил больше всего начало. Мне тогда сказали, что директор много снимался в фильмах – «Золотой телёнок» и других. Я начал вспоминать старый фильм, где Юрский снимался, и не мог понять, где там Окунев. Когда приехал в театр, ожидал увидеть известное лицо, а увидел неизвестное.

... В общении он был для меня человеком и сложным, и простым одновременно. У него многое зависело от настроения. Если не в духе – значит, тебе достанется. Но я разгадал его: если он не в духе, говоришь «здравствуйте», улыбаешься – и он всегда таял. Когда играли последнюю «Это Тюмень, детка!», – даже и не мог предполагать, что это последний с ним спектакль... трудно вспоминать...

Надежда Емельянова, актриса:

– Я 15 лет служу в театре. Как и большинство молодых, когда пришла, воспринимала Леонида Григорьевича как наставника. Когда узнаешь его поближе, уже относишься как ко второму папе. Он после каждого спектакля подходил и говорил: «Вот здесь получше». Он косноязычно изъяснялся, но ты понимал его. И я ему всегда доверяла – он был хорошим камертоном. Я принимала его замечания и следовала им, даже если меня это иногда обижало. Он довольно точно чувствовал профессию.

Меня воспитывали, что театр – нечто сакральное. И человек, который этим руководит, обладает неким светом. Когда Леонид Григорьевич заходил на репетицию, за ним тянулся шлейф хозяина (ощущение третьего глаза, но приятного и родного) и юмора.

Он всегда обращался ко мне по фамилии и смеялся: «Емельянова, пойдём пить кофе!» Сначала меня это обижало, но сейчас мне этого не хватает. На собраниях говорил: «Ну, Емельянова-то без театра выживет, у неё свадьбы, корпоративы».

... Я старалась с ним быть на дистанции, я с начальством не хожу пить чай. Хотя можно было бы, но я была верна своим убеждениям.

Ирина Ширикова, актриса:

– Леонид Григорьевич – масштабная личность. Я не была с ним настолько близка, чтобы быть максимально откровенной. В нём был такой набор качеств, которые, казалось бы, не могут сосуществовать: безумный борец за справедливость и очень тонко чувствующий человек, переживающий, думающий. Хотелось сказать: «Уже не надо так много переживать, берегите себя!»

У меня с ним были сложные отношения. Мой приход сюда был душевный, классный. А потом начали происходить конфликты: мы ссорились, мирились. И за всей этой волной наших с ним отношений сохранялось тёплое чувство к нему... Ходишь и думаешь: здесь несправедлив, здесь несправедлив – а внутри теплота. И хочется сказать: Леонид Григорьевич, я вас люблю. Но сказать ему я этого не могла, я дома сама с собой это проговаривала.

Наталья Караганова, актриса:

– Он даже когда не был на репетициях, после прогонов всегда давал актёрский совет. Если с режиссёром не удалось договориться, он мог подсказать.

Не могу сказать, что у меня были очень близкие отношения, хотя я семь лет в театре, но всегда могла подойти – отпроситься по семейным обстоятельствам, и он всегда шёл навстречу. С ним всегда можно было договориться.

Он человек настроения. И нужно подобрать момент, чтобы к нему подойти, – считать настроение. Иногда думаешь: сейчас нужно сделать паузу, попозже с ним поговорить.

Леонид Григорьевич собирал людей вокруг себя... и стопроцентно осознание до сих пор не пришло, что его рядом нет...

Л Ю Б А Я
ИСТОРИЯ

МОЖЕТ СТАТЬ ИСТОРИЕЙ

ВАШЕГО
УСПЕХА

ПЕЧАТНЫЕ
ИЗДАНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ
СЕТИ

[vk.com/
tos72](https://vk.com/tos72)

[ok.ru/
tumentoday](https://ok.ru/tumentoday)

ИНТЕРНЕТ-
ПОРТАЛ

tumentoday.ru

(3452) 49-00-22

Фото Виктория Ермакова